

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Управленец

Upravlenets

ЭКОНОМИКА • СОЦИОЛОГИЯ • УПРАВЛЕНИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА, БИЗНЕСА И ЧЕЛОВЕКА

№ 4(44)

июль–август 2013

ТЕМА НОМЕРА

Роль институтов в развитии экономики

THE ISSUE SUBJECT

The Role of Institutions in Economy Development

Главный редактор

Федоров Михаил Васильевич

Ректор Уральского государственного экономического университета, председатель Комитета по конкурентоспособности и инновациям Союза промышленников и предпринимателей (работодателей) Свердловской области, заместитель председателя координационного совета Ассоциации «Евразийский экономический клуб ученых», доктор экономических наук, доктор геолого-минералогических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Иваницкий Виктор Павлович

Главный советник при ректорате, директор института финансов Уральского государственного экономического университета, председатель Свердловского областного отделения Вольного экономического общества, доктор экономических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный экономист Республики Бурятия, заслуженный работник образования Монголии, заслуженный финансист Монголии

Редакционная коллегия

Березкин Юрий Михайлович

Заведующий кафедрой финансов Байкальского государственного университета экономики и права, доктор экономических наук, профессор (Иркутск)

Болдырева Наталья Брониславовна

Доктор экономических наук, профессор Тюменского государственного университета (Тюмень)

Бочко Владимир Степанович

Руководитель Центра стратегического развития территорий Института экономики УрО РАН, доктор экономических наук, профессор (Екатеринбург)

Буренин Андрей Викторович

Член Правления, финансовый директор Группы компаний «Ренова», кандидат экономических наук (Екатеринбург)

Воронин Борис Александрович

Проректор по научной работе и инновациям Уральской государственной сельскохозяйственной академии, заведующий кафедрой права, доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург)

Веретенникова Ольга Борисовна

Заведующая кафедрой финансового менеджмента Уральского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор (Екатеринбург)

Золотаренко Сергей Георгиевич

Проректор по научной работе Новосибирского государственного университета экономики и управления, доктор экономических наук, профессор, академик Российской экологической академии (Новосибирск)

Измоленов Андрей Константинович

Председатель Счетной палаты Законодательного Собрания Свердловской области, кандидат экономических наук (Екатеринбург)

Комлева Наталья Александровна

Заведующая кафедрой теории и истории политической науки Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор политических наук, профессор (Екатеринбург)

Кулапов Михаил Николаевич

Декан факультета менеджмента Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, академик РАЕН (Москва)

Мельникова Елена Ивановна

Заместитель по научной работе декана факультета коммерции Южно-Уральского государственного университета, доктор экономических наук, профессор (Челябинск)

Миллер Александр Емельянович

Заведующий кафедрой экономики, налогов и налогообложения, заместитель по научной работе декана экономического факультета Омского государственного университета, доктор экономических наук, профессор (Омск)

Митин Александр Николаевич

Заведующий кафедрой теории и практики управления Уральской государственной юридической академии, доктор экономических наук, профессор (Екатеринбург)

Нижегородцев Роберт Михайлович

Заведующий лабораторией Института проблем управления РАН, доктор экономических наук, профессор, действительный член РАЕН (Москва)

Одегов Юрий Геннадьевич

Заведующий кафедрой управления человеческими ресурсами Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член РАЕН (Москва)

Пешина Эвелина Вячеславовна

Проректор по научной работе, заведующая кафедрой государственных и муниципальных финансов Уральского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор (Екатеринбург)

Романов Алексей Николаевич

Заведующий кафедрой публичного права Уральского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент (Екатеринбург)

Семенов Владимир Никитович

Советник Союза промышленников и предпринимателей (работодателей) Свердловской области (Екатеринбург)

Соловьева Вера Петровна

Заведующая кафедрой коммерции и экономики торговли Уральского государственного экономического университета, кандидат педагогических наук (Екатеринбург)

Шаймарданов Наиль Залилович

Заместитель руководителя Общественной палаты Свердловской области, заведующий кафедрой экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, кандидат экономических наук (Екатеринбург)

Члены международного совета

Каюмов Нуриддин Каюмович

Директор Института экономических исследований Министерства экономического развития и торговли Республики Таджикистан

Крылов Александр

Директор Берлинского Вест-Ост института международного менеджмента и имиджевых исследований Потсдамского университета (ФРГ)

Мерсье-Сюисса Катрин

Заместитель декана Университета Лион 3, почетный профессор УрГЭУ (Франция)

Мусакожоев Шайлобек Мусакожоевич

Директор Центра экономических стратегий при Министерстве экономического развития и торговли Кыргызской Республики

Нугербеков Серик Нугербекович

Директор Института экономических исследований при Министерстве экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан

Петричек Вацлав

Председатель Правления Торгово-промышленной палаты по странам СНГ, доцент, кандидат наук (Чехия)

Рубл Блэр

Директор Института Кеннана, Вашингтон (США), доктор политических наук

Сандоян Эдвард Мартинович

Проректор по развитию университетского образования, заведующий кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (Армения), доктор экономических наук, профессор

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, редакции 2011 года.

СОДЕРЖАНИЕ	CONTENTS
ТЕМА НОМЕРА РОЛЬ ИНСТИТУТОВ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ <i>Нижегородцев Р.М.</i> Качество управленческих решений: институциональные барьеры и фильтры <i>Мальцев Ал.А.</i> Технико-институциональные аспекты эволюции трактовки экономико-исторического процесса <i>Фёдорова А.Э., Парсюкевич А.М.</i> Социальное загрязнение от экономической деятельности хозяйствующих субъектов: развитие категориального аппарата	THE ISSUE SUBJECT THE ROLE OF INSTITUTIONS IN ECONOMY DEVELOPMENT <i>Robert M. Nizhegorodtsev</i> 4 The Quality of Managerial Decisions: Institutional Barriers and Filters <i>Aleksandr A. Maltsev</i> 8 The Technical-Institutional Aspects of Evolution of Economic-Historical Process Interpretation <i>Alyona E. Fyodorova, Anton M. Parsyukevich</i> 16 Social Pollution from Economic Activity of Business Entities: Developing Category Framework
ТРУД – КАДРЫ – ОБРАЗОВАНИЕ <i>Стожко К.П., Стожко Д.К., Шадрина О.В.</i> Креативный труд в контексте инновационной экономики <i>Фёдорова Т.Ю., Голошумов А.Ю., Балак А.М.</i> Активизация герменевтического потенциала инфокоммуникационных ресурсов в профессиональной подготовке будущих юристов	LABOUR – CADRES – EDUCATION <i>Konstantin P. Stozhko, Dmitriy K. Stozhko, Olga V. Shadrina</i> 22 Creative Labour in the Context of Innovative Economy <i>Tatyana Yu. Fyodorova, Aleksey Yu. Goloshumov, Andrey M. Balak</i> 28 Activating the Hermeneutics Potential of Information and Communication Resources in the Training of Future Lawyers
ГОСУДАРСТВО – РЕГИОНЫ – ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ <i>Пешина Э.В., Рыженков А.В.</i> Эволюция теоретико-методических подходов к познанию «идеального города» <i>Васильева Е.В.</i> Обоснование приоритетных направлений оптимизации социально-демографического развития субъектов УрФО <i>Кочегарова Л.Г.</i> Формирование статистической модели оценки привлечения иностранных инвестиций на территорию субъектов РФ <i>Никулина Н.Л., Синенко А.И.</i> Диагностика финансовой безопасности региона <i>Липкова Б.</i> Роль ЕЦБ в разрешении долгового кризиса Еврозоны (часть II)	STATE – REGIONS – LIFESECURITY <i>Evelina V. Peshina, Aleksandr V. Ryzhenkov</i> 32 The Evolution of Theoretical and Methodical Approaches to the Cognition of "Ideal City" <i>Yelena V. Vasileva</i> 41 The Rationale for Prioritized Directions in Optimising Social-Demographic Development of Subjects of the Ural Federal District <i>Lyudmila G. Kochegarova</i> 48 Formation of the Statistical Model to Assess Foreign Investment Attractiveness of the RF Subjects <i>Natalya L. Nikulina, Anastasiya I. Sinenko</i> 54 Diagnosing the Financial Security of a Region <i>Beata Lipková</i> 60 The European Central Bank in Resolving the Euro Area Debt Crisis (Part II)
ЭКОНОМИКА – МЕНЕДЖМЕНТ – МАРКЕТИНГ <i>Донскова Л.А.</i> Ответственность перед потребителями – приоритет социальной ответственности бизнеса <i>Паршуков А.Е.</i> Организационная культура отечественных промышленных предприятий как важный фактор при формировании контроллинга	ECONOMICS – MANAGEMENT – MARKETING <i>Lyudmila A. Donskova</i> 69 Responsibility to Consumers – the Priority of the Socially Responsible Business <i>Aleksey Ye. Parshukov</i> 74 Organisational Culture of National Industrial Enterprises as a Factor in the Formation of Controlling

Издатель

**УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Научное издание «УПРАВЛЕНЕЦ»

Свидетельство о регистрации средств массовой информации Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-49744 от 15 мая 2012 г.

Верстка, препресс:

Баусова Ю.С.

Информация на английском языке:

Белоусова Е.А., Баусова Ю.С.

Корректур:

Матвеева Л.В.

Подписано в печать: 28.08.2013
Формат 60 × 84/8. Уч.-изд. л. 8,25.
Усл. печ. л. 9,30. Тираж 250 экз.

Отпечатано в типографии

«Форт Диалог-Исеть»:

г. Екатеринбург, ул. Монтерская, 3,
Тел.: (343) 228-02-32

Подписка по каталогу

Агентства «Роспечать»:

подписной индекс 37263

Цена свободная

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов. Все товары и услуги, рекламируемые в журнале, имеют необходимые лицензии.

НИЖЕГОРОДЦЕВ Роберт Михайлович
 Доктор экономических наук,
 заведующий лабораторией
 экономической динамики
 и управления инновациями

**Институт проблем управления
 Российской академии наук
 117997, РФ, г. Москва,
 ул. Профсоюзная, 65
 Тел.: (495) 334-93-09
 E-mail: bell44@rambler.ru**

Ключевые слова

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФИЛЬТРЫ

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО
 ПУТИ РАЗВИТИЯ

ЛОЖНЫЙ БЕНЧМАРКИНГ

МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ

ДИНАМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Аннотация

Статья посвящена типичным ошибкам, возникающим в процессе принятия управленческих решений, и институциональным фильтрам, мешающим принимать качественные решения. В числе важнейших фильтров выделяются: 1) преувеличение издержек адаптации, порождающее зависимость от предшествующего пути развития; 2) нежелание квалифицированных сотрудников обучаться на чужом опыте; 3) некритическое заимствование чужого опыта (ложный бенчмаркинг); 4) недооценка гистерезиса в управляемых динамических системах; 5) разделение управляемого коллектива на «выдвиженцев» и «отщепенцев»; 6) боязнь отступления.

Выделенные эвристические принципы облегчают как процесс формирования пространства решений, так и оптимизацию управленческого выбора в рамках сложившихся обстоятельств. Своевременное обсуждение этих эвристик позволит повысить качество подготовки специалистов управленческого профиля.

JEL classification

M12, M50

Качество управленческих решений: институциональные барьеры и фильтры

Управленцы разных уровней, принимающие решения, нередко находятся в плену различных стереотипов, накладываемых как предыдущим опытом их собственной практической работы, так и мнением коллег, обуславливающим «вмененные» ошибки, допускаемые в процессе принятия решений.

Наша задача заключается в том, чтобы развеять некоторые из этих стереотипов, мешающих менеджерам принимать качественные решения, и назвать по имени те институциональные проблемы, которые препятствуют их текущей работе.

1. Трудно расставаться с прошлым (проблема path dependency)

Когда, анализируя процедуры управления, вы сталкиваетесь с проявлением очевидной нерациональности, а то и вовсе непроходимой глупости, небезполезно задать вопрос о том, что сподвигло лиц, принимающих решение, на подобные управленческие кульбиты. В 90% случаев ответ будет один и тот же: «у нас так принято», «это традиция», «так было всегда», «это не нами заведено – не нам и отменять» и т.д., – здесь существуют многочисленные вариации форм, наполненных одним и тем же смыслом. Этот смысл называется path dependency – зависимость от предшествующего пути развития.

Преувеличение издержек адаптации к новым структурам и технологиям ведет к консервации заведомо непригодных решений и действий, которые, подобно чемодану без ручки, тащат за собой бездарные управленцы, инвестируя в давно устаревшие методы работы и технологии. Разумеется, покупка нового чемодана будет стоить вам денег, но сэкономит массу усилий и обнажит проблемы, действительно требующие вашего внимания, тогда как в сложившихся условиях (когда внимание приковано к пресловутому чемодану) вам не просто некогда заняться этими проблемами, но даже трудно их обнаружить.

2. Желание учить, нежелание учиться (наставники vs работники)

Проблема тьюторства, коучинга и прочих форм передачи знаний в совре-

менной компании становится тем острее, чем более наукоемким является производственный процесс, чем сильнее он зависит от качества информации, используемой работниками [1].

Модели, описывающие процессы обучения, показывают [4. С. 135–153], что работник, который принимает во внимание как свой собственный, так и чужой опыт, в конечном счете (начиная с некоторого момента) работает более эффективно, чем его наставник, при условии, что наставник учится лишь на собственном опыте, несмотря на то, что исходный уровень квалификации у наставника гораздо выше. Наступает момент, когда с точки зрения совокупной эффективности производства выгоднее всю текущую работу поручить бывшему ученику, а усилия наставника сосредоточить только на обучении, на передаче мастерства.

Модели обучения показывают не только назначение и возможности тьюторства, но и угрозы, исходящие от этого вида деятельности. Например, из этих моделей вытекает, что адаптивные возможности агента (способность учиться на чужом опыте) существенно сильнее влияют на возможности его трудоустройства, чем наличный уровень квалификации, пусть даже он очень высок. Если агент перестает обучаться на чужом опыте и только работает, передавая свой опыт другим, то рано или поздно наступает момент, когда он уже поделился всем, что был способен рассказать, и его дальнейшее участие в производственных процессах неэффективно. Он должен уступить место тем, кого он сумел научить, эти агенты более эффективно справятся с задачей. Поэтому систематическое обучение, постоянное и упорное повышение своей квалификации, готовность к обогащению своих умений за счет освоения опыта других людей – это залог востребованности агента на рынке труда, даже если этот агент – профессиональный учитель, тьютор, наставник (если угодно, преподаватель вуза).

The Quality of Managerial Decisions: Institutional Barriers and Filters

Это одно из объяснений того, почему профессора экономики, блестяще знающие ее законы, редко бывают успешными предпринимателями, в отличие от студентов, которых они научили. Другой вариант этого объяснения заключается в том, что преподаватели и предприниматели демонстрируют разные типы отношения к риску [3]: хороший преподаватель – тот, кто не делает ошибок; хороший предприниматель – тот, кто умеет учиться на них.

Разумеется, для самого квалифицированного агента (тьютора) дела не столь печальны, как утверждает модель, в случае, когда он успел занять соответствующую должность и получает статусную ренту. Этой возможности модель не предусматривает. Но с точки зрения совокупной эффективности производства дешевле сделать так, чтобы он больше не работал, если он сам не готов учиться и не испытывает в этом потребности.

Заметим, что соображения такого рода редко принимаются во внимание при подборе команды, усилия которой нацелены на решение практических проблем.

3. Необратимость причинных связей (гистерезис в динамических системах)

Довольно распространенная управленческая ошибка связана с вульгарным пониманием причинных связей, точнее – с непониманием их необратимости. Если некая причина привела к определенным нежелательным последствиям, то устранение причины не повлечет за собой ликвидацию этих последствий.

Например, если открытие кингстонов на корабле привело к его погружению под воду, то отсюда не вытекает, что, закрыв кингстоны, вы обеспечите его всплытие на поверхность. Большинство людей, разумеется, с этим согласно. Тем более удивительна вера членов правительства и консультирующих его экспертов в то, что если разбухание денежной массы привело к нарастанию инфляции, то сжатие денежной массы позволит эту инфляцию обуздать. На самом деле подобная логика представляет собой

грубый логический промах. Попытки сжать денежную массу повлекут за собой удорожание денег, которые окажутся в дефиците, следовательно, растущая среднерыночная коммерческая ставка процента по кредитам будет разгонять инфляцию спроса во всей экономике. Эта логика подтверждается и количественными моделями, построенными по данным различных макросистем в разные периоды их истории [2]. Таким образом, действия правительства, предпринимаемые под лозунгом борьбы с инфляцией, будут на самом деле ее порождать.

Конечно, здесь дело не в кингстонах и не в инфляции. В любой области, какую бы мы ни взяли, из того, что возрастание А влечет за собой возрастание Б, не вытекает, что снижение А повлечет за собой снижение Б. Это общая закономерность, которая проявляется в самых разных обстоятельствах, и экономика просто не является исключением.

Если человек простудился, сидя под открытой форточкой, то ее закрытие не приведет к его исцелению.

Если человек растолстел из-за избыточного питания (хотя на самом деле это редко бывает основной причиной), то отказ от пищи не поможет ему похудеть: он не похудеет, а помрет, причем – что самое обидное! – помрет толстым, так и не сбросив лишнего веса.

Перечень подобных примеров можно продолжать.

По большому счету, приведенные примеры иллюстрируют факт гистерезиса в сложных динамических системах: система движется «туда» по одной траектории, под воздействием одних сил, а «обратно» – по совершенно другой, и ей помогают в этом другие силы. Например, инновации являются в экономике коэрцитивной силой, обеспечивающей «взлет» логистической кривой (она «вычищает» из макросистемы остатки устаревших технологий), но в период кризиса наступает технологический регресс, и «возвратная» траектория той же системы будет абсолютно несимметричной.

▶ **Robert M. NIZHEGORODTSEV**

Dr. Sc. (Ec.), Head of Laboratory of Economic Dynamics and Control for Innovations

**Institute for Control Studies of the Russian Academy of Sciences
117997, RF, Moscow,
ul. Profsoyuznaya, 65
Phone: (343) 334-93-09
E-mail: bell44@rambler.ru**

Key words

DECISION-MAKING
INSTITUTIONAL FILTERS
PATH DEPENDENCY
FALSE BENCHMARKING
MODELS FOR LEARNING
DYNAMIC SYSTEMS

Summary

The paper is devoted to some rampant mistakes in decision-making process, and to institutional filters impeding proper decision-making. The main filters of such kind are: 1) overevaluation of adoption costs that leads to path dependency; 2) reluctance of qualified personnel to learn by alien experience; 3) irrational copying of some alien experience (the so-called false benchmarking); 4) underestimation of hysteresis in controlled dynamic systems; 5) clustering a governed team into "promoted" ones and "casted away"; 6) horror of getting back.

The identified euristical principles make it easy both to construct the decision space and optimize the managerial choice framed by current circumstances. Timely discussion of those euristics permits to increase the quality of education of specialists majoring in governance and management.

JEL classification

M12, M50

Попытка вернуть систему «назад» по той же самой траектории, по которой она двигалась «вперед», никогда не бывает успешной. Это общий закон природы, которым, к сожалению, часто пренебрегают лица, принимающие решение.

4. Ложный бенчмаркинг (проблема трансплантации институтов)

Для того чтобы эффективно управлять процессами, необходимо хотя бы в общих чертах понимать, что проблема, стоящая перед тобой, не уникальна: наверняка кто-то когда-то сталкивался с похожими проблемами и каким-то образом их решал. Таким образом, прежде чем принимать ответственное решение, небесполезно изучить опыт своих предшественников.

К сожалению, вместо трезвого изучения мы нередко сталкиваемся с бездумным, некритическим копированием надежды найденных решений, и при этом абсолютно неважно, что эти решения принимались пусть в аналогичной проблемной ситуации, но при совершенно иных обстоятельствах.

Хорошим примером такого рода копирования являются многочисленные попытки «заимствования», трансплантации институтов из рыночной экономики в экономику развивающихся стран или стран, испытывающих переходные процессы. Янош Корнай не зря называл финансовую систему стран с переходной экономикой пластиковой моделью Уолл-Стрита: внешне она выглядит примерно так же, как оригинал, только не работает.

Когда мы копируем чужой опыт, необходимо ясно отдавать себе отчет в том, что именно и у кого мы заимствуем. Примитивное стремление сделать «как на Западе», «как в Китае» или как еще где-нибудь, как правило, к хорошим последствиям не приводит.

Формируя институты, необходимо исходить из реальных функций, которые они призваны выполнять. Лица, принимающие решения, далеко не всегда следуют этому простому рецепту.

Порой «ложный» бенчмаркинг такого рода вообще превращается в бездумное поклонение чужим образцам (как правило, образцам более развитых стран, повторить опыт развития которых по тем или иным причинам не удастся, но очень хочется).

Например, лично я убежден, что публикация научного результата за рубежом не свидетельствует о значительном вкладе автора в науку, а опыт работы в ведущих научных центрах не есть признак необычайной сверходаренности со-

трудника. С этим, к сожалению, согласны далеко не все руководители отечественной науки.

В результате вместо того, чтобы разрешить рядовым иностранным специалистам работать в наших вузах и НИИ на тех же основаниях, на которых работают россияне (т.е. не требуя больших затрат), как это сделано почти в каждой стране мира, наше правительство тратит огромные средства на приглашение лишь немногих избранных зарубежных ученых и преподавателей, которые, пребывая на территории Российской Федерации, не вносят существенного вклада ни в науку, ни в педагогический процесс.

5. Управление должностями (источники конфликтов в организации)

Нередко лица, принимающие решения, занимаются в основном управлением не процессами, а должностями: кого-то надо поощрить, передвинув на более высокую должность, кого-то, наоборот, «задвинуть», лишив возможности себя реализовать. В результате подобной политики коллектив нередко раскалывается на «выдвиженцев» и «отщепенцев» (изгоев), что чревато нарастанием конфликтов в организации. Из широкого спектра инструментов управления этими конфликтами обычно выбирается наиболее радикальный: расправа с неудобными сотрудниками, которые посмели усомниться в гениальности своего руководителя.

Часто мы наблюдаем ситуацию, когда не команда формируется под задачу, а задача формируется под тех людей, которых почему-то нужно продвинуть на ответственные посты. Частным случаем (впрочем, достаточно распространенным) является назначение людей на руководящие должности по принципу личной преданности. В результате применения такого подхода руководитель ставит только те задачи, которые способны решить его любимцы-выдвиженцы, а не те, которые объективно обусловлены развитием организации (коллектива).

Руководитель на самом деле не обязан разбираться во всех тонкостях работы рядовых сотрудников: важно иметь хороших помощников, которые пользуются его доверием и в этих процессах разбираются. Однако если руководитель высокого ранга окружает себя недалекими и корыстными помощниками (попросту говоря – идиотами и проходимцами), которые вместо того, чтобы управлять процессами, управляют должностями, есть повод задуматься о том, так ли уж честен и умен он сам.

6. Боязнь отступления (тайна последней стратагемы)

Управленцами нередко движет боязнь отступить, сдать свои позиции. Это естественно, поскольку принятие и реализация управленческих решений происходят у всех на виду, и есть серьезная опасность в случае отступления подвергнуться жесткой критике как руководства, так и своих коллег и даже подчиненных.

Тем не менее в жизни случаются ситуации, в которых «отступление – лучший выход». Именно так звучит последняя из тридцати шести китайских стратагем, в которых сосредоточена управленческая мудрость Древнего Китая.

Если по каким-то причинам невозможно удержать прежние позиции, необходимо признание этого факта и правильно спланированное отступление. Попытки продолжать прежнюю стратегию, не считаясь с проигрышной ситуацией, способны привести к необратимым последствиям.

В конце концов, отступление еще не гибель. Есть возможность собраться с силами и дать новое сражение, наперстив упущенное.

Небольшой пример на эту тему. Когда в нашей стране наступил экономический кризис (начало 1990-х годов), об экологических ограничениях экономического развития было на время забыто. Резко увеличились установленные правительством предельно допустимые концентрации загрязняющих веществ.

Многие журналисты, которые писали об этом, комментировали этот факт как полное безобразие. Однако с точки зрения государственного управления это единственно разумный выход. Есть ли смысл сохранять низкие нормативы, которые никто не в состоянии удержать? Согласно прежним нормативам, вся страна превратилась в зону экологического бедствия. Много ли нам дает эта информация? Среди этой обстановки всеобщей разрухи все-таки существуют наиболее опасные очаги загрязнений, которые требуют неотложного, сверхсрочного вмешательства, немедленной очистки, а возможно, отселения людей. Задача в том, чтобы обнаружить такие болевые точки, требующие немедленной реакции правительства, и заниматься напряженной ежедневной работой по устранению этих болевых точек. Поэтому снижение требований к качеству окружающей среды – это, как ни парадоксально, единственная возможность удержать ситуацию хотя бы под относительным контролем.

Если вы сорвали договоренность и не уложились в установленные сроки, нет смысла рвать на себе остатки волос и сетовать на горькую форс-мажорную судьбу. Нужно, объяснив положение дел людям, которых вы подвели, обсудить с ними сложившуюся ситуацию, установить новый (реалистичный!) срок выполнения ваших обязательств и его в дальнейшем придерживаться.

Нередко случаются ситуации, когда футбольная команда, пропустившая гол, бросается отыгрываться, забывая о последовательности своих действий. Боксер спешит подняться после нокаута, пока над ним не прозвучало заветное слово «аут». Действия такого рода редко бывают эффективными.

Задача не в том, чтобы избежать отступлений и даже поражений, а в том, чтобы подвергать их анализу и извлекать из них уроки. Например, для шахматиста анализ проигранных партий гораздо важнее (а главное – полезнее!), чем выигранных. Именно анализ и выяснение причин поражения играют решающую роль в повышении игрового мастерства. Нечто подобное верно и для экономики и бизнеса, и для любой сферы жизни.

Как говорит замечательная пословица, за битого двух небитых дают. Не существует профессионалов, которые совсем не делают ошибок. Поэтому менеджер, не испытавший горечи поражений, менее ценен и пригоден для решения серьезных проблем, нежели управленец, сумевший преодолеть поражения, извлечь из них уроки и работать дальше, не повторяя прежних ошибок. По сравнению с тем, кто еще не успел ошибиться, у того, кто смог преодолеть ошибки, на одну компетенцию больше.

Управленец, который боится сделать ошибку, все равно что боксер, который боится получить удар в лицо. Либо меняешь профессию, либо в конце концов формируешь правильное отношение к риску. В современной экономической среде, нестабильной и трудно предсказуемой, особым талантом является способность действовать, не избегая ошибок, а умея быстро и правильно их исправлять.

Заключение

В процессе формирования компетенций современных менеджеров на удивление мало внимания и времени уделяется становлению морально-волевых качеств, необходимых для управленческой работы, и работе с некоторыми эвристическими принципами, облегчающими как формирование пространства возможностей, так и сам процесс при-

ятия решений, протекающий в рамках сложившихся обстоятельств.

Между тем от наличия этих волевых свойств и общечеловеческих компетенций порой напрямую зависит качество принимаемых управленческих решений. Поэтому актуальная задача данной работы заключается в том, чтобы выделить, обозначить ключевые эвристики, своевременное обсуждение которых позволит повысить качество подготовки специалистов управленческого профиля. ■

Источники

1. Анненков И.С., Нижегородцев Р.М. Управление знаниями в современной компании: стратегии, структуры, технологии: монография. Киров: Аверс, 2013.
2. Горидько Н.П. Регрессионное моделирование инфляционных процессов: монография / науч. ред. Р.М. Нижегородцев. М.: РосНОУ, 2012.
3. Нижегородцев Р.М. Основы экономической теории риска. Гомель: Центр исследования институтов рынка, 2007.
4. Новиков Д.А. Математические модели формирования и функционирования команд. М.: Физматлит, 2008.

References

1. Annenkov I.S., Nizhegorodtsev R.M. Managing knowledge in a modern company: strategies, structures, technologies. [Upravleniye znaniyami v sovremennoy kompanii: strategii, struktury, tekhnologii]. Kirov, Avers, 2013.
2. Goridko N.P. Regression modelling of inflationary processes. [Regressionnoye modelirovaniye inflyatsionnykh protsessov]. Moscow, RosNOU, 2012.
3. Nizhegorodtsev R.M. The fundamentals of the economic theory of risk. [Osnovy ekonomicheskoy teorii riska]. Gomel, Tsentr issledovaniya institutov rynka, 2007.
4. Novikov D.A. Mathematical models of forming and functioning of teams. [Matematicheskiye modeli formirovaniya i funktsionirovaniya komand]. Moscow, Fizmatlit, 2008.

▶ **МАЛЬЦЕВ Александр Андреевич**
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры мировой экономики

**Уральский государственный
экономический университет**
620144, РФ, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45
Тел.: (343) 251-96-10
E-mail: almalzev@mail.ru

Ключевые слова

МЕТОДОЛОГИЯ

РЕЛЯТИВИЗМ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Аннотация

На фоне развития мирового хозяйства проанализирована эволюция трактовки экономико-исторического процесса в интерпретации представителей различных научных школ. Сгруппированы основные методологические подходы к анализу содержательного наполнения явления «социально-экономическое развитие». Установлена технико-экономическая обусловленность девальвации линейно-поступательной интерпретации социально-экономической динамики.

Технико-институциональные аспекты эволюции трактовки экономико-исторического процесса*

«Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [11. С. 9]. Именно этот принципиальный тезис К. Маркса, онтологические корни которого восходят еще к трудам А. Смита и Ж.-А. Кондорсе, стал методологической сердцевиной линейного подхода к анализу социально-экономических систем. Его основу составляет рассмотрение процесса развития как последовательного перехода от архаики к современности [29]. Линейная трактовка исторического процесса в последующем подвергалась активной критике, прежде всего сторонниками шumpетерианской концепции «перепрыгивания» [40], допускающей возможность «перешагивания» отдельными странами через одну или несколько стадий роста. Тем не менее даже принадлежащие к диаметрально противоположным научным школам специалисты сходятся в том, что при всем разнообразии возможных траекторий социально-экономического развития конечным его пунктом становится достижение состояния модерна [4. С. 77].

Единым знаменателем, объединяющим разные подходы к выявлению причин «второй экономической революции» [50], на характеристике которых мы не будем задерживаться отдельно, вне зависимости от пространственно-временных координат и выделяемых экспертами факторов, нарушивших «экономическую нормальность» доиндустриального мира, выступает представление явления развития в форме необратимого долгосрочного роста, генерируемого совершенствованием производительных сил, оказывающим революционизирующее воздействие на институциональную структуру общества. Впрочем, эпистемологические основания подобной прогрессистской трактовки экономико-исторического

процесса формировались далеко не сразу и стали достоянием только Нового времени. В обобщенном виде эволюцию концепций, оценивающих вектор направленности хозяйственного развития, можно представить в виде парадигмальной трихотомии: цикличность – регресс – прогресс.

Начнем разговор с рассмотрения циклично-волновой интерпретации общественно-исторической динамики, зародившейся в ходе эволюции аграрного общества. Базовой характеристикой его экономического роста выступает зависимость от убывающей отдачи в сельском хозяйстве, обуславливающей постоянное срабатывание «железного закона народонаселения» Т. Мальтуса, согласно которому число жителей увеличивается в геометрической прогрессии, а сборы урожая – в арифметической. Появившиеся после Неолитической революции стационарные формы общественного устройства, отстраивавшиеся вокруг организованного земледелия, способного обеспечить продуктами питания большее количество людей, чем присваивающий принцип производства, характерный для малочисленного, мобильного общества охотников-собирателей, дали толчок демографическому буму, когда население мира за 10000–500 гг. до н.э. возросло в 25 раз – с 4 до 100 млн чел. [45. Р. 683]. При этом развитие агротехнологий «не успевало» за ростом численности Земли. Как результат – регулярные вспышки голода, эпидемий, увеличение числа крестьянских восстаний, приводившие к сокращению численности населения и потенциальных рекрутов – основы могущества цивилизации в мальтузианском режиме роста [52. Р. 10]. По большому счету, единственным способом преодоления ресурсных ограничений в доиндустриальную эпоху выступало расширение площади страны и сохранение под своим контролем новых зе-

JEL classification

N00, O10

* Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по лоту № 16.740.11.0696 «Компаративный анализ модернизационных стратегий в мировой экономической практике».

The Technical-Institutional Aspects of Evolution of Economic-Historical Process Interpretation

мель. С их освоением, по мере снижения плодородия почв, следовала очередная волна территориальной экспансии. Естественно, в таком контексте главной задачей бюрократии, появившейся для координации совместной деятельности земледельцев, становилось содержание требовавшей надежного снабжения продовольствием армии, для чего государственный аппарат выстраивал централизованную систему изъятия сельскохозяйственных ресурсов. Столь же очевидно, что попытки внедрения агротехнических инноваций – по данным профессора Калифорнийского университета в Беркли К. Чиппола, «в районе 2500 г. до н.э. технологический прогресс практически остановился, и в течение последующих трех тысячелетий имели место лишь незначительные улучшения» [27. Р. 167], – блокировались населением из-за опасности отчуждения еще большего объема прибавочного (нередко и части необходимого) продукта со стороны лиц, не причастных к процессу его непосредственного производства. «Когда мы иной раз слышим о будто бы новых порядках в землевладении, – писал М. Вебер, характеризуя быт Древнего мира, – то речь идет, несомненно, о новых порядках обложения повинностями» [5. С. 167].

Кроме того, попытки выхода из мальтузианской ловушки через повышение уровня производительности труда наталкивались на необходимость демонстрации общинных институтов, обеспечивавших относительное равенство в распределении скудных средств жизнеобеспечения, что в условиях преобладания примитивных орудий производства гарантировало выживание социума, но вместе с тем консервировало бедность и связанную с ней хроническую недоинвестированность экономики, тормозя раскручивание механизма хозяйственного развития. Дело в том, что эксперименты с наращиванием капиталовооруженности грозили ростом имущественной поляризации, подрывом основ хрупкого социального консенсу-

са и, в конечном счете, ростом смертности и снижением рождаемости. Как итог, демографическое сжатие обрекло страну-«инноватора» на поражение в военных конфликтах с захватчиками, представлявшими более традиционные общества [14].

По мнению современных экспертов, видение истории как процесса перманентного кругооборота восходит к месопотамской мифологии и датируется поздним Каменным веком (приблизительно 2500 лет до н.э.). В его основе лежит астрономическая метафора солнечных циклов, фаз луны, этапов жизни растений и смены времен года. В сакрализованной форме это представление нашло яркое выражение в шумеро-аккадском эпосе о сотворении мира «Энума элиш», где персонифицировавший солнце и олицетворявший хороший урожай бог Мардук расправился с владычествовавшей над соленой водой богиней Тиамат и создал из ее тела Вселенную. Однако победа благоволивших людям высших сил над стихией на этом не закончилась – в космогонии Междуречья для поддержания мироздания Мардуку приходилось ежегодно сражаться с до конца не умерщвленной покровительницей хаоса. Фактически эта же идея нашла отражение в угаритской теогонии о Баале и Моте, когда бог плодородия побеждает бога засухи и эта битва повторяется каждый год [24. Р. 53–54]. Вера в цикличные катастрофы пронизывала и верования древних египтян, кристаллизуясь в легенде об утреннем «рождении» и вечерней «смерти» бога-солнца Ра, который вместе с путешествовавшей с ним по Нилу в Ладье вечности свитой еженощно отражал атаки змея Апопа, пытавшегося выпить из реки всю воду и не допустить воскрешение светила. В случае победы мрака над светом наступали неурожай, штормы и землетрясения, а если «рептилии» удавалось проглотить лодку – солнечные затмения [41. Р. 30].

Мир античного стоицизма аналогично функционировал в рамках маятнико-

▶ **Aleksandr A. MALTSEV**
*Cand. Sc. (Ec.), Assistant-Prof.
of Global Economy Dept.*

**Urals State University of Economics
620144, RF, Yekaterinburg,
ul. 8 Marta/Narodnoy Voli, 62/45
Phone: (343) 251-96-10
E-mail: almalzev@mail.ru**

Key words

METHODOLOGY

RELATIVISM

SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT

Summary

The evolution of economic-historical process in the interpretation of representatives of various schools of thought is seen against the background of the global economy development. The key methodological approaches to the analysis of the social-economic development phenomenon are systematized. The technical-economic determinant of linear-progressive interpretation of social-economic dynamic devaluation is revealed.

JEL classification

N00, O10

вой динамики и имел выраженный «сельскохозяйственный» подтекст. Исходным пунктом учения последователей Зенона Китийского (346/333–264/262 гг. до н.э.) стала мысль о генезисе Вселенной из огня и систематически повторяющемся возвращении мира в лоно первоматерии. Этот процесс схематически можно представить следующим образом: пламя превращается в испарения, которые, по мысли древних эллинов, служат «топливом» для солнца, однако по мере исчерпания влаги происходит затухание звезды, питающей энергией земную жизнь, за которым следует «Великий год», когда в огне космического пожара гибнет весь универсум и цикл мироздания начинается вновь на основе огненного протосубстрата [42. Р. 92–93]. При этом, с точки зрения стоиков, каждая новая веха в истории человечества в точности копирует предыдущую, а любое изменение сложившегося порядка вещей табуируется в силу божественного характера их происхождения [62. Р. 23]. Кстати, в книге Екклесиаста, древнееврейской своеобразной параллели современной ему философии стоицизма, центральной является идея бесконечного циклического движения первосубстанций (солнца, ветра и воды), где нет места для усовершенствования социума [35. Р. 165]. В частности, человек должен довольствоваться получением удовольствия от текущего положения вещей. Как сказано в главе «Неизбежный суд»: «иди, ешь с весельем хлеб твой и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим ... потому что это – доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем».

Утверждение в качестве доминанты западной общественной мысли пессимистичной интерпретации экономико-исторического процесса в духе все большего отдаления от «золотого века» и неуклонной деградации общества также имело под собой релятивистскую основу, predetermined процессом замещения общественно-экономических укладов, когда зарождавшиеся институты феодального общества оказывались неспособны обеспечить уровень жизни населения, сопоставимый с эпохой рабовладения. Так, за первое тысячелетие нашей эры среднедушевой ВВП в Западной Европе снизился втрое (с 1284 дол. [26] до 427 дол. [46. Р. 70]), а средняя продолжительность жизни – на 1/5 (с 25 [37. Р. 281] до 20 лет [16. Р. 119]). Истоки данного социально-экономического коллапса, по-видимому, следует

искать еще в позднеэллинистическом Риме, где постоянные завоевательные войны, открывшие перед знатью источник дешевой рабочей силы рабов, потребовали наращивания налогового бремени, обернувшегося резким усилением центробежных процессов и деурбанизацией государства. Это стало причиной замыкания хозяйственной деятельности в границах автаркичного поместья и разрушения внутриимперской системы разделения труда [20. Р. 287–304]. В свою очередь, децентрализация позднеантичной экономики и расстройство рыночных отношений привели к дроблению земельных владений, делая тем самым неэффективным использование технологических нововведений, что неизбежно ударило по первооснове аграрной экономики – производству зерновых, чья урожайность упала с сам-4 до сам-2 [17]. Вполне естественно, что необходимость резервировать половину собранного урожая в качестве посадочного материала усиливала зависимость средневекового крестьянина от любых природных катаклизмов. Если к этому добавить, что на 250–750 гг. пришелся период так называемого климатического пессимума, когда среднегодовая температура снизилась на 1,5°C, на большей части Северо-Западной Европы стало практически невозможным выращивание винограда и злаков, а участвовавшие наводнения и ливневые дожди затруднили хранение продовольственных запасов на Юге Европейского континента [22. Р. 65–70], то историографический термин «Темные века», используемый для характеристики раннего Средневековья, приобретает совсем не метафоричный оттенок.

Кроме того, истощенные от хронического недоедания люди – даже в XVII столетии уровень среднедушевого потребления пшеницы в столице Испании Мадриде (120 кг [38. Р. 259; 53]) практически в 1,5 раза уступал аналогичному показателю Римской империи I века н.э. (175 кг [58. Р. 9]) – становились легкой жертвой эпидемий, в частности чумы, унесшей за 541–700 гг. жизни 60% населения Старого Света [28. Р. 372]. Ослабленная системным кризисом и обезлюдевшая Западная Европа превратилась в объект постоянных нападений со стороны норманнов, мадьяр и славян. Эрозия налоговой базы не позволяла мобилизовать необходимые объемы финансовых ресурсов для организации централизованного сопротивления захватчикам, форсируя тем самым форми-

рование дисперсной, отстраивавшейся вокруг замков феодальной структуры, в которой происходил своеобразный обмен защитных услуг, оказываемых владельцем крепости – рыцарем, на продукты питания, производимые крестьянами. В такой политико-экономической конфигурации девальвировалась ценность сельскохозяйственных угодий, расположенных далеко за пределами фортификационного сооружения. Как итог, к IX веку во Франции пустовало 1/2, в Англии и Италии – 4/5 всех земель [5. С. 224]. Вместе с тем необходимость обеспечения основной ударной силы каролингских войск – тяжелой кавалерии – дорогостоящими оружием и лошадьми вынуждала феодалов усиливать налоговый гнет сельского населения [48. Р. 19]. Данное обстоятельство вкупе с хроническими неурожаями толкали крестьян на бегство с земли, провоцировали частые восстания, грабежи и разбои, сотрясавшие и без того неустойчивый социально-экономический строй Европы VI–X столетий. В таком контексте вполне объяснимо, что нестабильность настоящего и кажущаяся бесперспективность будущего предопределяли, с точки зрения мировоззрения раннего Средневековья, необходимость возврата к традиции, требовали консервации остатков прошлого и вели к блокированию инноваций, рассматривавшихся как однозначное искажение завещанного более совершенными праотцами жизненного уклада. Другими словами, уход от благочестия предков отодвигал начало процессов обновления мира и обрекал человечество на продолжение страданий. Позднее эта концепция трансформировалась в твердое убеждение о том, что «мир страдает от постоянной деградации» [61].

Пожалуй, наиболее ярко приверженность к архаике воплотилась в постановлении римского сената 92 г. до н.э., гласившего: «новшества, противные обычаям и нравам наших предков, нам не нравятся и не представляются правильными». В трудах древнеримского поэта Горация (65–8 гг. до н.э.), чье творчество пришлось на череду гражданских войн конца республики, также присутствует идея о необратимом общественном регрессе: «чего не портит пагубный бег времен? Ведь хуже дедов наши родители, мы хуже их, а наши дети и внуки будут еще порочнее» [9. С. 24]. Эта мысль получила продолжение в христианстве, где вся история человечества представляется как об-

ратное движение, начавшееся с изгнания грешников из Эдемского сада и заканчивающееся Апокалипсисом. При этом деградация людей иногда требует прямого вмешательства высших сил для восстановления поколебавшихся устоев, реализуемого через уничтожение «испорченного» мира и создание нового посредством Всемирного потопа и Вавилонского столпотворения. Разумеется, творческая инициатива в этих процессах принадлежит Всевышнему, в то время как человек становится пассивным исполнителем Божественного замысла с заданной «программой» действий [3. С. 55]: «А кого Он (Бог. – А.М.) предопределил, – учил апостол Павел, – тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал, а кого оправдал, тех и прославил» [2].

Между тем к XIII столетию фатально-провиденциалистская историософия, рассматривавшая процесс социальных изменений как движение от Божественной гармонии к хаосу, а индивида – лишь как послушное орудие в руках высших сил, претерпела серьезную ревизию. Очередная модификация мировоззренческих позиций совпала с изменением хозяйственной среды. Пандемическое «затишье» в купе с оформлением контуров централизованных государств, снизивших накал феодальных междоусобиц, дали толчок росту населения. Распространение трехпольного севооборота, использование тяжелого плуга, внедрение хомута и подков способствовали повышению производительности труда [64. Р. 17], заложив тем самым основы производства прибавочного продукта. Последнее обстоятельство открыло дорогу процессам углубления разделения труда (отделению ремесла от сельского хозяйства), расширению торговли и становлению городов [19. Р. 94], превратившихся в стартовые площадки для «обкатки» протокапиталистического уклада [6. С. 105].

Этот всплеск социально-экономического оптимизма нашел наиболее яркое теоретическое оформление в работах авторитетного религиозного философа, систематизатора схоластики святого Фомы Аквинского, подвергнувшего критическому пересмотру одну из центральных идей христианства – спасения, достижимого сугубо через духовное совершенствование. Не покушаясь на доктринальный базис учения, теолог выдвинул фундаментальную концепцию, базирующуюся на допущении возможности обретения Божественной благо-

дати не только за счет нравственных усилий, но и благодаря земным деяниям человека, нацеленным на совершенствование социума. «Все живое стремится к лучшему, и в большей степени к этому стремится думающая личность», – писал Ф. Аквинский [49. Р. 93]. Иначе говоря, отныне человек превращался в движущую силу социально-экономического развития, а центральная формула патристики – «вера выше разума» – вытеснялась тезисом «знать, чтобы верить» [12. С. 416]. Таким образом, в собственном схоластике герменевтическом анализе начали просматриваться контуры принципа верификации фактов, лежащего в основе научного познания окружающей реальности, являющегося одним из базовых элементов эры «модерна».

Впрочем, для превращения подобного оптимистичного видения истории, согласно которому человечество «развивается от века к веку лучшему» [23. Р. 8], в доминирующий канон общественной мысли требовалось рассеивание пессимистичного *Zeitgeist* средних веков. Необходимые эмпирические компоненты для окончательного придания данной концепции антропоцентричного характера, когда развитие приобретает форму неуклонного движения вперед, а индивид получает право преобразовывать природу по своему собственному усмотрению, появились в эпоху Ренессанса и приняли массовый характер в Новое время. Рост городов и ремесленного производства в позднее Средневековье стимулировал развитие внешней торговли, которая, в свою очередь, создавала спрос на технологические новшества. Так, оснащение венецианскими кораблестроителями судов компасом и песочными часами позволило, по оценкам А. Мэддисона, «удвоить производительность судоходства» и осуществить трансферт таких восточных инноваций, как технологии переработки шелка, хлопка и варки стекла; португальцы во время подготовки к походу в Индию совершили качественный рывок в картографии и астрономии; голландцы освоили технологии массового производства судов, др. [47. Р. 21, 25]. Эти технические наработки положили начало Великим географическим открытиям, отнесенным А. Смитом к «важнейшим событиям во всей истории человечества» [15. С. 593]. Одним из главных результатов обнаружения Нового Света стал перенос на Европейский континент таких агрокультур, как картофель, куку-

руза, маис, томаты, подсолнечник и табак, уменьшавших глубину мальтузианской ловушки. Значимость «Колумбова обмена» для европейцев убедительно подтверждают данные ученых Гарвардского и Стэнфордского университетов Н. Нунна и Н. Цянь, по расчетам которых только внедрение картофеля обеспечило 12%-ный прирост населения и увеличение уровня урбанизации Старого Света на 47% [51. Р. 170].

В не меньшей степени ускорению темпов экономического развития Западной Европы, заложившего основы превращения прогрессистской модели в преобладающую точку зрения на логику экономико-исторического процесса, способствовал количественный и качественный рост знаний. Дело в том, что в условиях перманентных конфликтов между державами Старого Света за контроль над заокеанскими владениями одним из основных объектов для приложения капиталов, аккумулировавшихся в руках европейского купечества в результате товарообменных операций с другими участниками складывавшегося мирового хозяйства, становилась обрабатывающая и, в особенности, военная промышленность. Скажем, в Англии в 1535–1537 гг. доля военных расходов в общей структуре затрат государственного бюджета составляла в среднем 29,4%, а в 1685–1813 гг. достигла невероятных 74,6% [30]. Потребность в мобилизации значительных финансовых ресурсов для ведения боевых действий, помимо резкого ускорения процессов политической централизации и становления более совершенной фискальной системы, вызвала к жизни всемерную поддержку государством науки, необходимой для наращивания производства готовых изделий и обслуживания, говоря современным языком, потребностей военно-промышленного комплекса. Например, изначально круг исследований созданного в 1662 г. Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе охватывал исключительно проблемы картографии, кораблестроения и военного дела [55. Р. 94].

Общим лейтмотивом эпохи, в которой «на смену церковному времени пришло время купцов» [54. Р. 209], можно назвать известный афоризм Ф. Бэкона: «знание – сила». В отличие от традиционалистов, видевших в истории процесс постепенной утраты человечеством Богооткровенных истин, «отец эмпиризма» выдвинул концепцию непрерывного приращения знаний, а бурное

развитие техники вкупе с открытием Нового Света сформировали представление о существовании бесконечного пространства для приложения разума. Основной задачей науки английскому философу мыслилось «обеспечение человеческой жизни новыми изобретениями и богатствами» [25. Р. 31]. Опираясь на этот методологический принцип, ученый провозгласил максимум – «истина есть дочь времени», констатирующую тотальное превосходство будущего над прошлым в плане возможности обретения новых способов получения знаний и информации [33. Р. 89]. Идея прогресса нашла дальнейшее развитие в трудах выдающегося математика Р. Декарта (1596–1650 гг.), предложившего людям познавать законы природы и господствовать над ней, тем самым максимизируя свое счастье [59. Р. 135]. В его концепции окружающий мир уподобляется мастерской для человеческого творчества, своеобразному механизму, «который необходимо разобрать, чтобы лучше понять и использовать» [23. Р. 9]. Как итог, Вселенная становится десакрализованным галилеевским миром, чистым объектом для познания человеком-субъектом, в котором формируется онтологический базис новой, научно-технической ментальности, окончательно укоренившейся в странах Запада с началом Промышленной революции.

Формировавшееся под воздействием постепенного растекания процессов индустриализации ощущение грядущего перехода к принципиально новому типу общественного устройства задавало интеллектуальный тон началу Нового времени и, в особенности, XVIII столетию. Ключевой методологической задачей мыслителей эпохи Просвещения выступало выведение из сложившейся в предшествующие десятилетия веры в поступательную эволюцию человеческого разума четких законов общественного развития, призванных пролить свет на «маршрут движения человека, гарантирующего его приход в нужную точку» [25. Р. 96]. По большому счету, ученым предстояло поднять «область применения» данной концепции с уровня конкретного индивида до всего социума и создать комплексную рационалистическую теорию прогресса, охватывающую как общественное, так и индивидуальное развитие. Если учесть, что материализм Ф. Бэкона и Р. Декарта все еще носил выраженный метафизический характер, то первым, кому удалось систематизировать воедино разнород-

ные компоненты для возведения здания новой окончательно вышедшей из-под религиозной опеки парадигмы истории, стал Ж. Тюрго, разграничивший природу с характерным для нее круговоротом явлений и социум как пространство постоянных изменений и новизны. Поместив человека в динамичную социально-историческую среду, французский исследователь предпринял попытку доказать, что людская сущность совершенствуется по мере восхождения по ступеням прогресса. При этом ученый полагал, что с момента своего возникновения человечество представляет собой гомогенную сущность, развивающуюся по универсальным правилам, последовательно проходящую четыре стадии, каждой из которых свойственен свой набор институтов и нравственных ценностей [39. Р. 131]. Опираясь на этот принцип, Ж. Тюрго сформулировал свой знаменитый исторический закон прогресса: «вся масса человеческого рода ... всегда шествует, хотя медленными шагами, ко все большему совершенству» [4. С. 29], а основным двигателем, обеспечивающим переход от одного уклада к другому, провозглашались «инновации в искусствах и, особенно, в науке» [39. Р. 131].

Очередной всплеск интереса ученых к изучению проблематики социально-экономического прогресса возник во второй половине XX столетия, совпав с необходимостью восстановления порушенной в ходе Второй мировой войны экономики европейских стран и обустройства распавшейся колониальной системы. Эти обстоятельства поставили на повестку дня западного обществоведения сдвоенную задачу отстройки теоретического базиса программы ускоренного перехода от традиционности к современности и выработки научной антитезы марксистскому формационному подходу, призванной сдерживать распространение идей «реального социализма» в государствах Третьего мира. Несмотря на нередко диаметрально противоположные идеологические позиции авторов, разрабатывавших новую, «практикоориентированную» парадигму хозяйственного строительства для «отстающей» периферии мирового хозяйства, методологическим стержнем гуманитарного дискурса 1950–1970-х годов стало «полностью новое, оптимистичное видение будущего» [43. Р. 60]. Значительный вклад в зарождение данной концепции внесли Р. Арон, Д. Белл, Е. Домар, Г. Канн, К. Кларк, У. Ро-

стоу, Р. Солоу, У. Тоффлер, Р. Харрод и др. Ее отличал в большинстве своем жесткий технологический детерминизм, сводивший все аспекты развития к индустриализации и подготовке к ее развертыванию.

В русле подобного подхода теоретическая мысль третьей четверти XX столетия рассматривала выход экономики на траекторию индустриального роста в качестве главной цели развития, а следование западному «эталону» провозглашалось непрременным атрибутом успешного прохождения всех «стадий экономического роста». В концентрированном виде эта идея нашла выражение в работах профессора Сорбонны Р. Арона, полагавшего, что в современных условиях «в экономическом и социальном плане все страны и все нации во всех географических широтах претендуют на то, чтобы видеть перед собой одну и ту же цель на основе схожих ценностей ... индустриализация неизбежна, ибо стремится к универсализации» [44. Р. 16]. Схожего, техноцентричного видения механизмов социально-экономического развития придерживался С. Кузнец, неоднократно подчеркивавший, что «со второй половины XIX века основным источником экономического роста в развитых странах стала наукоемкая технология». Ему вторил ученик В.В. Леонтьева Р. Солоу, автор неоклассической модели экономического роста, в рамках которой технологиям отводилась роль генератора хозяйственного прогресса «в равной степени в Бразилии, на Тайване и в Португалии». С интегральным критерием развитости, под которым в первую очередь понимается уровень жизни людей, единодушно согласны практически все исследователи. На его зависимость от характера взаимодействия технологических инноваций и капитала предельно образно указал другой Нобелевский лауреат П. Самуэльсон: «с развитием технологий и повышением уровня капиталовооруженности только дьявол может остановить процессы повышения реальных доходов населения... тот, кто не понимает этого, не поймет основ экономической истории и то, как она на самом деле творилась» [32. Р. 140].

Между тем на стыке второго и третьего тысячелетий жизнеутверждающие теоретические конструкции, объективизировавшие поступательный характер общественного развития и возводившие прогресс в ранг светской религии, ставшей «рабочей верой современной

цивилизации» [31. Р. 191], в социально-экономических исследованиях уступили место пессимистичным концепциям. Так, профессор Тринити колледжа в Дублине Р. Хольтон определил задачу «нормализации кризиса» [18. Р. 4] основным референтом современного обществоведения. Сотрудник Гудзоновского института У. Пафф и вовсе провозгласил банкротство идеи социально-экономического развития, назвав прогресс «мертвой категорией» [57. Р. 155]. В мрачных тонах рисуется будущее профессору Мюнхенского университета У. Беку, по мнению которого техногенная цивилизация переродилась в «общество риска», главной отличительной чертой которого становится «радикальная неопределенность», где институты индустриальной эпохи – «наука, экспертные системы, государство, армия, призванные снижать риски, превращаются в их рассадники» [21. Р. 338]. Немецкому ученому вторит его английский коллега, классик современной социологии, профессор Кембриджского университета Э. Гидденс, обращающий внимание на резко возросшие с переходом к постиндустриализму трудности социогенного толка, к главным из которых отнесена увеличивающаяся неспособность правительственных институтов гарантировать людям «свободу от страха» [34], а профессор университета Лидса З. Бауман [1] и лауреат Нобелевской премии по экономике П. Кругман [10] обращают внимание на эрозию одного из основных завоеваний эры модернити – государства всеобщего благосостояния. Впрочем, далеко не все исследователи придерживаются подобных «депрессивных» воззрений на перспективы развития мирового хозяйства. Так, по мнению профессора Йельского университета И. Валлерстайна, для более корректного и всеобъемлющего анализа процессов эволюции глобальной экономики необходим не отказ, а переосмысление концепции «неизбежного прогресса», требующее ее очистки от архаичного представления, что «он (прогресс. – А.М.) имеет направленную траекторию... наиболее жизнеспособной является альтернативная модель социальных изменений, в которой нелинейные процессы, в конечном счете, достигают точки бифуркации» [63. Р. 264, 270].

С нашей точки зрения, причины подобного парадигмального сдвига следует искать в изменениях геоэкономической конфигурации мирового хозяйства, когда вслед за преодолением раскола мира на две антагонистические

системы начался постепенный процесс перемещения центра тяжести мировой экономики с Запада на Восток, принявший в 2000-е годы устойчивый характер. С одной стороны, в онтологическом плане крах мировой социалистической системы, в самом деле, привел к «концу истории», к представлению о том, что «современное западное общество, каким бы духовно бедным и бессмысленным оно ни было, тем не менее является единственно возможным» [23. Р. 15]. С другой стороны, технооптимисты переоценили значение информации как ресурса, на который будет существовать безграничный спрос, позволяющий странам-производителям ноу-хау сосредоточиться на развитии сугубо инновационных секторов своих экономик, передавая материализацию конечных продуктов на периферию глобального хозяйства. Так, за 1985–2008 гг. удельный вес США в мировом экспорте high-tech изделий снизился с 21 до 14%, Японии – с 18 до 8% [36], в то время как доля КНР за 1995–2006 гг. возросла с 2,1 до 16,9%, превзойдя аналогичный показатель ЕС-27 на 1,9% [65. Р. 1]. При этом, если китайская промышленность в 2009 г. поставила за рубеж продукции высоких технологий на 377 млрд дол., или 7,8% своего ВВП, то американская – только на 95 млрд дол., что составило 0,65% валового внутреннего продукта США. Кроме того, постиндустриализация, изначально рассматривавшаяся как превращение знаний в непосредственную производительную силу, вылилась в мутацию хозяйственных систем развитых стран не столько в информационные, сколько в сервисные сферы. Так, в 2009 г. на операции с недвижимостью приходилось 13,2% ВВП США, в то время как на производство компьютеров, автомобилей и других транспортных средств – впятеро меньше, или 2,6% [60. Р. 437]. Впрочем, превратившись в новую «мастерскую мира», Юго-Восточная Азия так и не обрела технологической независимости: по данным на 2009 г., например, 82% высокотехнологичного экспорта Поднебесной составили товары, созданные из импортированных компонентов и изобретений, разработанных в промышленно развитых державах [65. Р. 1]. Таким образом, в современной мировой экономике складывается парадоксальная ситуация, разрушающая привычные представления о прогрессе как процессе постоянного совершенствования производительных сил, когда «все большие выгоды получают не те,

кто создает новые технологии, а те, кто производит основанную на них продукцию» [7. С. 89]. Помимо этого, деиндустриализация обнажила целый пласт социально-экономических проблем, в частности: размывание среднего класса, являющегося опорой демократического устройства, увеличение уровня имущественной поляризации, рост долгового бремени, др. Неудивительно, что наиболее дальновидные исследователи видят выход из сложившегося тупика, вызванного затянувшейся «инновационной паузой», когда «действующие ТШП (технологии широкого применения. – А.М.) ... уже в основном исчерпали свои возможности как мотор экономического роста, а новые ТШП запоздали и пока не готовы взять на себя эту роль» [13. С. 9], в «радикальном изменении самого способа потребления, идущего рука об руку с трансформацией способа производства» [8. С. 36], которое должно вернуть понятию «прогресс» положительное наполнение. ■

Источники

1. Бауман З. От агоры к рынку – и куда потом? // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М., 2010.
2. Библия. Священное писание Нового Завета с иллюстрациями Гюстава Доре. К римлянам. 8: 30.
3. Бродский А.И. Синтаксис судьбы // ХОРА. 2008. № 4.
4. Галкин И.С. Историография Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977.
5. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005.
6. Зомбарт В. Буржуа. М., 1994.
7. Иноземцев В.Л. Воссоздание индустриального мира. Контуры нового глобального устройства // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9. № 6.
8. Кагарлицкий Б. Приключение левой идеи в мире капитала // Эксперт. 2011. № 1.
9. Кнабе Г.С. Современная Европа и ее антично-римское наследие. М., 2010.
10. Кругман П. Кредо либерала. М., 2009.
11. Маркс К., Энгельс Ф. ПСС. Т. 23. М., 1960.
12. Никулина Н.Н. Истоки идеи прогресса в творческом наследии европейских мыслителей Античности и Средневековья // Вестник МГТУ. 2011. Т. 14. № 2.
13. Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. 2009. № 6.
14. Попов В.В. Пот, кровь и институты // Эксперт. 2012. № 19.
15. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2009.
16. Agar N. Humanity's End: Why We Should Reject Radical Enhancement. Cambridge (Mass.), 2010.
17. Agricultural Revolution in Medieval Europe. <http://www.flowofhistory.com/units/west/10/FC63>
18. Alexander J.A., Sztompka P. Introduction // Alexander J.A., Sztompka P. (Eds.). Rethinking Progress and Ideas at the End of the Twentieth Century. London, 1990.
19. Bairoch P. Cities and Economic Development: From the Dawn of the History to the Present. Chicago, 1988.
20. Barlett B. How Excessive Government Killed Ancient Rome // The Cato Journal. 1994. Fall. Vol. 14. No. 2.
21. Beck U. Living in the World Risk Society // Economy and Society. 2006. Vol. 35. No. 3.
22. Behringer W. A Cultural History of Climate. Cambridge, Malden (Mass.), 2010.
23. Benoist A. de. A Brief History of Idea of Progress // The Occidental Quarterly. 2008. Vol. 8. No. 1.
24. Brockway R.W. Myth: From the Ice Age to Mickey Mouse. Albany, 1993.
25. Bury J.B. The Idea of Progress: An Inquiry into Its Origin and Growth. New York, 2008.
26. Cascio E.L., Malanima P. Ancient and Pre-Modern Economics : GDP in Roman Empire and Early Modern Europe. http://www.paolomalanima.it/DEFAULT_files/Papers/ANCIENT-PRE-MODERN-ECONOMIES.pdf
27. Chippola C.M. Before the Industrial Revolution. European Society and Economy: 1000-1700. London, 1981.
28. Dols M.W. Plague in Early Islamic History // Journal of the American Oriental Society. 1974. Vol. 94. No. 3.
29. Eisenstadt S.H. Modernization, Protest and Change. Eaglewood Cliffs. 1966.
30. Eloranta J. Military Spending Patterns in History. <http://eh.net/encyclopedia/article/eloranta.military>
31. Farrow B. The Ascension and Ecclesia: On the Significance of the Doctrine of the Ascension for Ecclesiology and Christian Cosmology. Edinburgh. 1999.
32. Galbraith J.K., Conceição P. Toward a New Kuznets Hypothesis: Theory and Evidence on Growth and Inequality // Galbraith J.K., Berner M. (Eds.). Inequality and Industrial Change: A Global View. Cambridge, 2001.
33. Gaukroger S. Francis Bacon and the Transformation of Early Modern Philosophy. Cambridge, 2001.
34. Giddens A. The Third Way: A Renewal of Social Democracy. Cambridge, 1998.
35. Giersberg S. "I Have Seen the Things Under the Sun; All of Them Are Meaningless; A Chasing After the Wind": Onetti and Ecclesiastes // Roman G.S. (Eds.). Onetti and Others: Comparative Essays on a Major Figure in Latin American Literature. Albany, 1999.
36. Globalization of Science and Engineering Research. A Companion to Science and Engineering Indicators 2010. <http://www.nsf.gov/statistics/nsb1003/>
37. Goldsmith R.W. An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire // Review of Income and Wealth. 1984. Vol. 30.
38. Ham A. Madrid: City Guide. 2006.
39. Heffernan M. Historical Geographies of the Future: Three Perspectives from France, 1750-1825 // Livingstone D.N., Withers V.J. (Eds.). Geography and Enlightenment. Chicago, 1999.
40. Ho P. (Eds.). Leapfrogging Development in Emerging Asia: Caught Before Greening and Pollution. New York, 2008
41. Howe J. Forging Dragons. Cincinnati, 2008.
42. Hunt E.J. Christianity in the Second Century: The Case of Tatian. London, 2003.
43. Iggers G.G. The Idea of Progress in Historiography and Social Thought Since the Enlightenment // Almond G.A., Chodorow M., Pearce R.H. (Eds.). Progress and Its Discontents. Berkley, 1982.
44. Inozemtsev V.L. Catching Up: The Limits of Rapid Economic Development. New Brunswick (NJ), 2009.
45. Kremer M. Population Growth and Technological Challenge: One Million B.C. to 1990 // The Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 108. Issue 3.
46. Maddison A. Contours of the World Economy, 1-2030 A.D. Essays in Macroeconomic History. Oxford, 2007.
47. Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris, 2001.
48. Nicolle D. Carolingian Cavalrymen, AD 768-987. Oxford, New York, 2005.
49. Nisbet R. History of the Idea of Progress. New Brunswick (NJ.), 1994.
50. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. The Natural State: The Political Economy of Non-Development. <http://www.international.ucla.edu/cms/files/perg.north.pdf>
51. Nunn H., Qian N. The Columbian Exchange: A History of Disease, Food and Ideas // Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24. No. 2.
52. Popov V. Why the West became Rich before China and Why China Has Been Catching Up With the West Since 1949: Another Explanation of the "Great Divergence" and the "Great Convergence" Stories // CEFIR/NES Working Paper Series. 2009. No. 132.
53. Ringrose D.R. Madrid and the Spanish Economy, 1560–1850. Berkley, Los Angeles, 1983.
54. Postone M. Time, Labor and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory. Cambridge, 1993.
55. Rogers E.M. Diffusion of Innovations. New York, 1983.
56. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
57. Salomon J.-J. The Dark Side of Progress // Allen G.E., MacLeod R.M. (Eds.). Science, History and Social Activism: A Tribute to Everett Mendelsohn. Dordrecht, 2001.
58. Schield W., Frien S. The Size of the Economy and the Distribution of Income in the Roman Empire // Princeton/Stanford Working Papers in Classics. 2009.
59. Schouls P.A. Descartes and the Enlightenment. Kingston, 1989.
60. Statistical Abstract of the United States 2012. Washington D.C.: Government Printing Office, 2012.
61. The Faith in Progress. <http://home.ie.cuhk.edu.hk/~wyng/gee/progress.html>
62. Verbeke G. Ethics and Logic in Stoicism // Osler M.J. (Eds.). Atoms, Pneuma and Tranquility: Epicurean and Stoic Themes in European Thought. Cambridge, 1991.
63. Wallerstein I.M. Unthinking Social Sciences: The Limits of Ninetenth Century Paradigms. Philadelphia, 2001.
64. White L. Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1962.
65. Yuqing X. China's High-Tech Exports: Myth and Reality // GRIPS Discussion Paper 11-05. June 2011.

References

1. Bauman Z. From the agora to the market – and where next? [Ot agori k rynku – i kuda potom?]. *Demokratiya i modernizatsiya – Democracy and Modernization*, Moscow, 2010.
2. The Holy Bible. The Scripture of the New Testament. To the Romans. 8: 30. [Bibliya. Svyashchennoye pisanie Novogo Zaveta s illyustratsiyami G. Dore. K rimlyanam. 8: 30].
3. Brodskiy A.I. The Syntax of destiny. [Sintaksis sudby]. KhORA, 2008, no. 4.
4. Galkin I.S. Historiography of Modern and Contemporary History of Europe and America. [Istoriografiya Novoy i Noveyshey istorii stran Evropy i Ameriki]. Moscow, 1977.
5. Gaydar Ye.T. Long time. Russia in the world: Essays on the economic history. [Dolgoe vremya. Rossiya v mire: ocherki ekonomicheskoy istorii]. Moscow, 2005.
6. Sombart W. Der Bourgeois. [Burzhua]. Moscow, 1994.
7. Inozemtsev V.L. Recreating the industrial world. The contours of a new global order. [Vossozdanie industrialnogo mira. Kontury novogo globalnogo ustroystva]. *Rossiya v globalnoy politike – Russia in the Global Politics*, 2011, no. 6, vol. 9.
8. Kagarlitskiy B. The adventure of a left idea in the world of capital. [Prikluchenie levoy idei v mire kapitala]. *Ekspert – Expert*, 2011, no. 1.
9. Knabe G.S. Modern Europe and its Antique and Roman heritage. [Sovremennaya Evropa i eyo antichno-rimskoe nasledie]. Moscow, 2010.
10. Krugman P. The Liberal's credo. [Kredo liberala]. Moscow, 2009.
11. Marx K., Engels F. Compete works. [Polnoye sobranie sochineniy]. Vol. 23. Moscow, 1960.
12. Nikulina N.N. The origins of the idea of progress in the artistic heritage of European thinkers of Antiquity and the Middle Ages. [Istoki idei progressa v tvorcheskoy nasledii evropeyskikh mysliteley Antichnosti i Srednevekovya]. *Vestnik MGTU – Herald of MSTU*, 2011, no. 2, vol. 14.
13. Polterovich V. The hypothesis of innovation pause and modernization strategy. [Gipoteza ob innovatsionnoy pauze i strategiya modernizatsii]. *Voprosy ekonomiki – Economic Issues*, 2009, no. 6.
14. Popov V.V. Sweat, blood and institutions. [Pot, krov' i instituty]. *Ekspert – Expert*, 2012, no. 19.
15. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. [Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov]. Moscow, 2009.
16. Agar N. Humanity's End: Why We Should Reject Radical Enhancement. Cambridge (Mass.). 2010.
17. Agricultural Revolution in Medieval Europe. Available at: www.flowofhistory.com/units/west/10/FC63
18. Alexander J.A., Sztompka P. Introduction. Rethinking Progress and Ideas at the End of the Twentieth Century. London, 1990.
19. Bairoch P. Cities and Economic Development: From the Dawn of the History to the Present. Chicago, 1988.
20. Barlett B. How Excessive Government Killed Ancient Rome. *The Cato Journal*, 1994, Fall, vol. 14, no. 2.
21. Beck U. Living in the World Risk Society. *Economy and Society*, 2006, vol. 35, no. 3.
22. Behringer W. A Cultural History Of Climate. Cambridge, Malden (Mass.). 2010.
23. Benoist A. de. A Brief History of Idea of Progress. *The Occidental Quarterly*, 2008, vol. 8, no. 1.
24. Brockway R.W. Myth: From the Ice Age to Mickey Mouse. Albany, 1993.
25. Bury J.B. The Idea of Progress: An Inquiry into Its Origin and Growth. New York, 2008.
26. Cascio E.L., Malanima P. Ancient and Pre-Modern Economics : GDP in Roman Empire and Early Modern Europe. Available at: www.paolomalanima.it/DEFAULT_files/Papers/ANCIENT-PRE-MODERN-ECONOMIES.pdf
27. Chippola C.M. Before the Industrial Revolution. European Society and Economy: 1000-1700. London, 1981.
28. Dols M.W. Plague in Early Islamic History. *Journal of the American Oriental Society*, 1974, vol. 94, no. 3.
29. Eisenstadt S.H. Modernization, Protest and Change. Eaglewood Cliffs. 1966.
30. Eloranta J. Military Spending Patterns in History. Available at: <http://eh.net/encyclopedia/article/eloranta.military>
31. Farrow B. The Ascension and Ecclesia: On the Significance of the Doctrine of the Ascension for Ecclesiology and Christian Cosmology. Edinburgh. 1999.
32. Galbraith J.K., Conceição P. Toward a New Kuznets Hypothesis: Theory and Evidence on Growth and Inequality. *Inequality and Industrial Change: A Global View*. Cambridge, 2001.
33. Gaukroger S. Francis Bacon and the Transformation of Early Modern Philosophy. Cambridge, 2001.
34. Giddens A. The Third Way: A Renewal of Social Democracy. Cambridge, 1998.
35. Giersberg S. "I Have Seen the Things Under the Sun; All of Them Are Meaningless; A Chasing After the Wind": Onetti and Ecclesiastes. Onetti and Others: Comparative Essays on a Major Figure in Latin American Literature. Albany, 1999.
36. Globalization of Science and Engineering Research. A Companion to Science and Engineering Indicators 2010. Available at: www.nsf.gov/statistics/nsb1003/
37. Goldsmith R.W. An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire. *Review of Income and Wealth*, 1984, vol. 30.
38. Ham A. Madrid: City Guide. 2006. P. 26.
39. Heffernan M. Historical Geographies of the Future: Three Perspectives from France, 1750-1825. Geography and Enlightenment. Chicago, 1999.
40. Ho P. (Eds.). Leapfrogging Development in Emerging Asia: Caught Before Greening and Pollution. New York, 2008.
41. Howe J. Forging Dragons. Cincinnati, 2008.
42. Hunt E.J. Christianity in the Second Century: The Case of Tatian. London, 2003.
43. Iggers G.G. The Idea of Progress in Historiography and Social Thought Since the Enlightenment. Progress and It's Discontents. Berkley, 1982.
44. Inozemtsev V.L. Catching Up: The Limits of Rapid Economic Development. New Brunswick (NJ), 2009.
45. Kremer M. Population Growth and Technological Challenge: One Million B.C. to 1990. *The Quarterly Journal of Economics*, 1993, vol. 108, Iss. 3.
46. Maddison A. Contours of the World Economy, 1-2030 A.D. Essays in Macroeconomic History. Oxford, 2007.
47. Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris, 2001.
48. Nicolle D. Carolingian Cavalrymen, AD 768-987. Oxford, New York, 2005.
49. Nisbet R. History of the Idea of Progress. New Brunswick (NJ). 1994.
50. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. The Natural State: The Political Economy of Non-Development. Available at: www.international.ucla.edu/cms/files/perg.north.pdf
51. Nunn H., Qian N. The Columbian Exchange: A History of Disease, Food and Ideas. *Journal of Economic Perspectives*, 2010, vol. 24, no. 2.
52. Popov V. Why the West became Rich before China and Why China Has Been Catching Up With the West Since 1949: Another Explanation of the "Great Divergence" and the "Great Convergence" Stories. *CEFIR/NES Working Paper Series*, 2009, no. 132.
53. Ringrose D.R. Madrid and the Spanish Economy, 1560-1850. Berkley, Los Angeles, 1983.
54. Postone M. Time, Labor and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory. Cambridge, 1993.
55. Rogers E.M. Diffusion of Innovations. New York, 1983.
56. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
57. Salomon J-J. The Dark Side of Progress. Science, History and Social Activism: A Tribute to Everett Mendelsohn. Dordrecht, 2001.
58. Schiold W., Frien S. The Size of the Economy and the Distribution of Income in the Roman Empire. Princeton, Stanford Working Papers in Classics. 2009.
59. Schouls P.A. Descartes and the Enlightenment. Kingston, 1989.
60. Statistical Abstract of the United States 2012. Washington D.C.: Government Printing Office. 2012.
61. The Faith in Progress. Available at: <http://home.ie.cuhk.edu.hk/~wyng/gee/progress.html>
62. Verbeke G. Ethics and Logic in Stoicism. Atoms, Pneuma and Tranquility: Epicurean and Stoic Themes in European Thought. Cambridge, 1991.
63. Wallerstein I.M. Unthinking Social Sciences: The Limits of Ninetenth Century Paradigms. Philadelphia, 2001.
64. White L. Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1962.
65. Yuqing X. China's High-Tech Exports: Myth and Reality. *GRIPS Discussion Paper* 11-05, June 2011.

ФЕДОРОВА Алёна Эдуардовна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики труда
и управления персоналом

Уральский государственный
экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45
Тел.: (343) 221-17-57
E-mail: dekan_2002@mail

ПАРСЮКЕВИЧ Антон Мечиславович

Соискатель кафедры экономики труда
и управления персоналом

Уральский государственный
экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45
Тел.: (343) 221-17-57
E-mail: a030363@yandex.ru

Ключевые слова

СОЦИАЛЬНОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ
ПРЕКАРИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ
ФЛЕКСИБИЛИЗАЦИЯ ПЕРСОНАЛА
ТОКСИЧНЫЕ КАДРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
ТОКСИЧНОЕ РУКОВОДСТВО
ТОКСИЧНОЕ РАБОЧЕЕ МЕСТО

Аннотация

В статье систематизируется понятийный аппарат нового социально-экономического феномена, идентифицируемого как социальное загрязнение от экономической деятельности хозяйствующих субъектов. Выявляются факторы социального загрязнения в условиях российской экономики на фоне нестабильности социально-трудовой сферы, приводится оценка состояния факторов посредством обзора статистических данных и анализа результатов экспертного опроса.

JEL classification

J28, M12, M54

Социальное загрязнение от экономической деятельности хозяйствующих субъектов: развитие категориального аппарата

В настоящее время в представлениях общества, в средствах массовой информации и в системе организационного управления уделяется больше внимания загрязнению окружающей среды от производственной деятельности хозяйствующих субъектов, чем социальному загрязнению, образуемому вследствие экономической деятельности организаций и оказывающему неблагоприятное воздействие на состояние человека и общества.

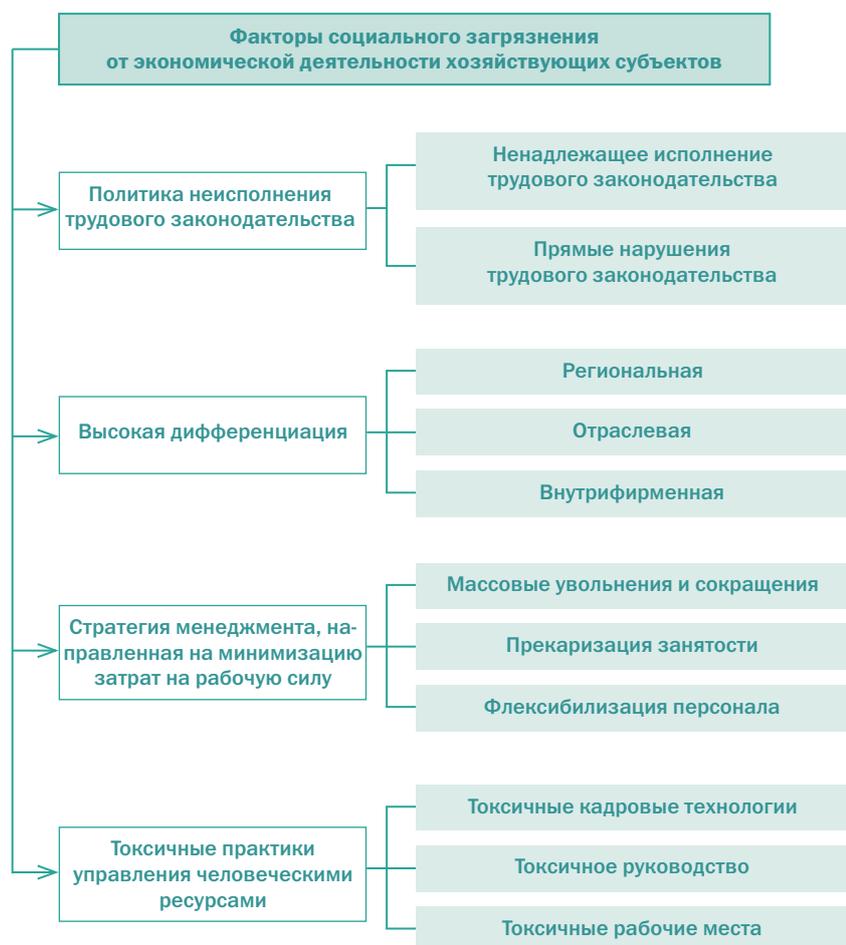
В экономическую науку и практику прочно вошло понятие устойчивого развития как длительного непрерывного развития, обеспечивающего потребности живущих сегодня людей без ущерба удовлетворению потребностей будущих поколений. Несмотря на непрекращающиеся дискуссии ученых, термин «устойчивое развитие» (sustainable development) применяется для характеристики типа экономического развития, обеспечивающего экологическую безопасность, воспроизводимость ограниченных ресурсов и качество экономического роста [9]. Другими словами, вопросы устойчивости больше увязываются с экологическим аспектом экономической деятельности.

Между тем американский ученый Джеффри Пфеффер указывает на то, что, осуществляя политику устойчивого развития, многие компании негативно влияют на благосостояние людей, и идентифицирует феномен социального загрязнения (social pollution), негативные последствия которого не менее значительны, чем загрязнение окружающей среды. Статистика показывает постоянный рост доли работников, ставших жертвами заболеваний, вызванных чрезмерным стрессом из-за неблагоприятных методов организации труда и межличностных отношений на рабочем месте. Сокращение численности, увольнение по инициативе работодателя, высвобождение в связи с выходом на пенсию, привлечение к сверхурочной работе и вынужденные отпуска без сохранения заработной платы оказывают

серьезное деструктивное воздействие на работников, лишая их физического и психологического благополучия [12]. Тем не менее современный бизнес больше привлекают те аспекты устойчивости, которые могут обеспечить компаниям преимущества в достижении высоких экономических показателей и получении быстрых финансовых результатов [3].

По аналогии с понятием «экологическая устойчивость», Пфеффер также вводит термин «устойчивость человека» (human sustainability). Он указывает на тот факт, что когда компании не заботятся о сотрудниках и условиях их работы, увеличивается частота сердечно-сосудистых заболеваний, появляются другие проблемы со здоровьем, стресс и насилие на рабочем месте и даже психиатрические проблемы. В целом устойчивость человека означает участие в такой трудовой деятельности, которая не разрушает человека и социальную среду, «не убивая в основе своей людей» [11]. В настоящее время компании по большей части не измеряют уровень благополучия своих сотрудников, не оценивают состояние их физического и психического здоровья, не увязывают благополучие работников с их деятельностью в организации. Тем не менее общеизвестно, что здоровые работники являются более продуктивными, а многие управленческие практики компаний, вызывающие нестабильность и стресс, на самом деле экономически не эффективны. Поэтому при решении любого вопроса эффективности компании целесообразно рассматривать благополучие ее работников в денежном эквиваленте. Следовательно, менеджмент компании должен уделять больше внимания человеческому благополучию и иметь его измерители. Необходимо также, как говорит Пфеффер, разработать стандарты, позволяющие оценивать и сравнивать компании между собой в течение долгого времени. Должно быть очевидным, что именно руководство делает для сохранения здоровья своих сотрудников

Social Pollution from Economic Activity of Business Entities: Developing Category Framework

Факторы социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов

и как можно противостоять менее здоровым организациям [11].

Исходя из вышесказанного, мы определяем феномен социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов как процесс снижения качества жизни, сопряженный с нанесением ущерба благосостоянию и причинением вреда физическому и психологическому благополучию трудящихся и других членов социального сообщества в результате внутренней и внешней экономической деятельности организаций.

Усугубляет ситуацию отсутствие интереса к проблеме со стороны средств массовой информации и научного сообщества. В российской научно-анали-

тической литературе множество публикаций посвящено вопросам социальных последствий экономического кризиса, но практически не встречается терминология социального загрязнения. Очевидно, что в этих условиях собственникам и менеджменту предприятий очень удобно представлять свою неблагоприятную и часто разрушительную для нормальной жизни людей деятельность как следствие глобального экономического кризиса. Между тем, по нашему глубокому убеждению, необходимо более четко разделять факторы структурного экономического кризиса и факторы социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов (см. рисунок).

▶ **Alyona E. FYODOROVA**
Cand. Sc. (Ec.), Assistant-Prof.
of Labour Economics and Personnel
Management Dprt.

Urals State University of Economics
620144, RF, Yekaterinburg,
ul. 8 Marta/Narodnoy Voli, 62/45
Phone: (343) 221-17-57
E-mail: dekan_2002@mail

▶ **Anton M. PARSYUKEVICH**
Applicant for candidate degree
of Labour Economics and Personnel
Management Dprt.

Urals State University of Economics
620144, RF, Yekaterinburg,
ul. 8 Marta/Narodnoy Voli, 62/45
Phone: (343) 221-17-57
E-mail: a030363@yandex.ru

Key words

SOCIAL POLLUTION
EMPLOYMENT PRECARIZATION
PERSONNEL FLEXIBILIZATION
TOXIC PERSONNEL TECHNOLOGIES
TOXIC MANAGEMENT
TOXIC WORKPLACE

Summary

The authors analyse the category framework of the new social-economic phenomenon which is identified as social pollution from economic activity of business entities. The factors of social pollution in Russian economic environment are revealed against the background of unstable social-labour sphere; evaluation of factors' status is conducted through a review of statistical data and analysis of expert survey results.

JEL classification

J28, M12, M54

Источники

1. Бобков В.Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // Народный сбор. 21.05.2012. URL: <http://mosnarodsobor.ru/?page=news&id=1657>
2. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Социальная уязвимость работников и общества как результат неустойчивости занятости // Официальный сайт Всероссийского центра уровня жизни населения URL: <http://www.vcsug.ru/>
3. Гатти М., Федорова А.Э. Влияние концепции устойчивого развития на благосостояние работников организации // Дискуссия. 2012. № 10(28).
4. Доклад об осуществлении и эффективности в 2012 году государственного надзора и контроля в сфере труда и социальной защиты населения // Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости. URL: <http://www.rostrud.ru/press-centre/49/>
5. Кулькова И.А. Классификация токсичных практик управления персоналом в российских компаниях: докл. на Рос.-итал. web-конференции «Токсичные практики управления персоналом организации: обмен опытом». 03.06.2013.
6. Милукова Я. Уволненные менеджеры не верят прежним работодателям // Sostav.ru. 06.07.2011. URL: <http://www.sostav.ru/articles/2011/07/06/ko2>
7. Соболев Э. Критерии эффективности политики в сфере труда // Человек и труд. 2013. №1.
8. Соболев Э.Н. Регулирование социально-трудовых отношений в России: генезис, механизмы, направления трансформации: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: ИЭ РАН, 2010.
9. Цапиева О.К. Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов // Проблемы современной экономики. 2010. №2 (34).
10. Do You Have a Toxic Workplace? URL: <http://www.leadership-and-motivation-training.com/toxic-workplace.html>
11. Neelima Mahajan. The thinker interview: Jeffrey Pfeffer on human sustainability // CKGSB Knowledge. URL: <http://knowledge.ckgsb.edu.cn/2013/04/05/employment/the-thinker-interview-jeffrey-pfeffer-on-human-sustainability/>
12. Pfeffer J. Building Sustainable Organizations: The Human Factor // Academy of Management Perspectives. 2010. February.
13. Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class. Bloomsbury Academic, 2011.

На наш взгляд, в качестве фактора социального загрязнения следует рассматривать нестабильность в российской социально-трудовой сфере, которая, в частности, обусловлена ненадлежащим исполнением норм трудового законодательства и требований ратифицированных международных документов. Мы разделяем точку зрения профессора Э.Н. Соболева, который считает, что именно в силу несовпадения формальной (правовой) и реальной (экономической) ориентации российская модель трудовых отношений заметно отличается от моделей развитых экономик. В стране имеются законодательно закрепленные нормативы – многочисленные социально-трудовые гарантии и льготы, которые соответствуют модели социального государства европейских стран, но на практике отмечается крайняя либерализация отношений. В соответствии с рейтингами ОЭСР и Всемирного банка, в области защиты занятости Россия обладает относительно жестким в отношении работодателей законодательством. В реальности же российский работник – один из самых незащищенных в Европе [7].

Политика неисполнения трудового законодательства привела к гипертрофированному развитию неформальных трудовых отношений и теневых выплат, доля которых в структуре заработной платы составляет в России 25–45% в отличие от 10% в развитых странах. Наличие теневых трудовых отношений и выплат также является фактором социального загрязнения, когда грубо нарушаются права работников, отсутствует социальная защита при невозможности контроля и привлечения работодателей к ответственности.

Необходимо также особо отметить широкое распространение в российском бизнесе практики прямых нарушений трудового законодательства. По данным Федеральной службы по труду и занятости, самое большое количество нарушений выявляется в области: заключения, изменения и прекращения трудового договора; оплаты труда, в том числе при увольнении; охраны труда; режима труда и отдыха; предоставления гарантий и компенсаций, предусмотренных ТК РФ; дисциплины труда и применения взысканий; гарантий, предоставленных ТК РФ отдельным категориям работников; повышения квалификации; принятия локальных нормативных актов; исполнения требований законодательства при применении иностранной рабочей силы [4].

Другим фактором социального загрязнения и нестабильности в социально-трудовой сфере является высокая дифференциация оплаты труда. По сравнению с развитыми странами, где заработная плата устанавливается на рынке труда в зависимости от результатов хозяйственной деятельности предприятия, а фонд заработной платы (ФЗП) складывается из индивидуальных заработков, в российской модели заработная плата – это остаточная доля работника в валовом доходе предприятия, а ФЗП формируется по результатам деятельности организации и распределяется в зависимости от решения ее руководства. В результате образуется значительная дифференциация заработной платы по предприятиям и отраслям, когда одни и те же группы работников даже в пределах одного города или региона получают разную зарплату за труд одинаковой квалификации. Как указывает профессор Э.Н. Соболев, это в равной мере относится и к внутрифирменной дифференциации оплаты труда, где сложились две основные тенденции [8]. Во-первых, увеличивается разрыв между оплатой труда руководителей и основной массы работников, что означает усиление статусной дифференциации на предприятии. Во-вторых, сближаются заработки квалифицированных и неквалифицированных работников. Таким образом, одновременно существует как «переизбыток» статусной дифференциации, так и недостаток профессионально-квалификационных различий.

Такая ситуация не может не влиять на трудовое поведение работника, стимулируя его не повышать свою квалификацию, а искать предприятие, где больше платят. Кроме того, распределение доходов предприятия, основанное на предпочтениях менеджмента, воспринимается рядовыми работниками как несправедливое, что вызывает у них негативные переживания, ведущие к стрессу и снижению мотивации к высокопродуктивному труду. Следовательно, существует необходимость идентифицировать подобную практику как одну из форм токсичного менеджмента, оказывающего негативное воздействие на социально-психологическое благополучие работников.

Слабым звеном остается процесс регулирования трудовых конфликтов: механизмы регулирования функционируют крайне неэффективно либо еще не созданы. Следствием этого является увеличение числа подавленных

Некоторые разновидности токсичных форм кадровых технологий, применяемых в российских организациях

Кадровые процессы	Токсичные практики управления человеческими ресурсами	
	противоречащие трудовому законодательству	не регламентируемые трудовым законодательством
Наём персонала	Дискриминация в объявлениях о работе; отказ в приеме на работу по дискриминационным признакам (пол, возраст); требование документов, не предусмотренных законом; трудоустройство без оформления документов	Использование стресс-интервью в процессе собеседования; требование написать заявление об уходе по собственному желанию с открытой датой одновременно с заявлением о приеме на работу
Развитие персонала	Отсутствие возможности обучения за счет работодателя; невозможность получить отпуск в связи с обучением	Слишком быстрая смена состава руководящих кадров («чехарда кадров»)
Организация труда	Сверхнормативная продолжительность рабочего времени; отсутствие аттестации рабочих мест; недостаточный уровень организации охраны труда	Требование выполнения неоплачиваемой общественной нагрузки; требование выполнения определенных видов работ в период очередного отпуска
Мотивация труда	Применение штрафов с вычетов из заработной платы; выплата «серой зарплаты»; отсутствие социальных выплат	Намеренное завышение плановых показателей с целью невыплаты премий
Высвобождение персонала	Принуждению к добровольному увольнению; неполная оплата выходного пособия	

конфликтов: работники, чувствуя нестабильность своего положения, как на данном предприятии, так и на рынке труда вообще, не решаются вступать в открытую конфронтацию с администрацией. Одновременно увеличивается доля конфликтов, которые разрешаются не в пользу работников: почти пятая часть открытых конфликтов имела результатом увольнение работников [7]. На уровне предприятия основной причиной возникновения трудовых конфликтов является стратегия менеджмента, направленная на минимизацию затрат на рабочую силу.

Многие российские организации используют массовые увольнения и сокращения работников как способ снижения затрат на персонал. Как свидетельствуют данные Минздравсоцразвития, за время кризиса, с октября 2008 г., потеряли работу 1,8 млн чел. [6]. Российские работодатели в кризис стали активнее использовать и другие методы сокращения затрат на персонал. В 2010 г. Федеральная страховая служба приводила статистику: на крупных предприятиях по гражданско-правовым договорам, согласно которым сотруднику не полагаются льготы и оплачиваемый ежегодный отпуск и работник не защищен от незапланированного увольнения, работают 16,5% сотрудников. В средних ор-

ганизациях таким способом оформлено уже до 26% персонала [6].

Становится очевидным, что в последние годы работодатели с целью уклонения от предоставления работникам гарантий, установленных трудовым законодательством, все больше используют практику необоснованного заключения договоров гражданско-правового характера (договоров подряда, оказания услуг и т.д.) и различные формы заемного труда. Данная тенденция превращения ранее относительно гарантированных трудовых отношений в значительной мере не гарантированные и не защищенные называется прекарризацией, которую мы рассматриваем как фактор социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

Прекарризация (от англ. *precarious* – сомнительный, опасный, рискованный, негарантированный, нестабильный, стоящий на песке) – термин, обозначающий тенденцию к правовой дерегуляции трудовых отношений при одновременном демонтаже социальных гарантий с целью повышения интенсивности труда и увеличения принуждения к труду.

В зарубежной литературе широко используется устойчивое словосочетание «*precarious work*», т.е. прекарризованная работа, – термин, предназна-

ченный для описания нестандартной занятости, которая плохо оплачивается, ненадежна, не дает защищенности и не позволяет обеспечивать семью.

Понятие «прекарризация» в отношении занятости означает ее неустойчивость, сопровождающуюся снижением социальной защищенности и ростом социальной уязвимости работников. Все это часто сопряжено с сокращением заработной платы и социальных гарантий, а также с уменьшением или потерей работниками социальной защищенности, прежде всего от увольнений, обязательного социального страхования, социальных выплат со стороны работодателей, обусловленных изменением характера трудовых отношений [2].

В 2011 г. опубликована книга Гая Стендинга «Прекариат. Новый опасный класс», в которой говорится, что повышение странами гибкости своих рынков труда стало механизмом переноса рисков и ненадежности на самих трудящихся и их семьи, в результате чего сформировалась глобальная часть трудящихся – прекариат, состоящий из многих миллионов людей во всем мире, лишенных стабильности и уверенности в будущем [13].

Исследованием проблемы растущей неустойчивости занятости и увеличения слоя уязвимых работников в нашей стране занимается Всероссийский центр уровня жизни под руководством заслуженного деятеля науки РФ, профессора В.Н. Бобкова В соответствии с его исследованием, наиболее широкое распространение в нашей стране получили следующие формы неустойчивости занятости: регламентированная срочными трудовыми договорами; в режиме неполного рабочего времени; договоры аутстаффинга, заключаемые с работниками агентствами занятости; на основании трудовых договоров с условием работы вне места нахождения работодателя.

Огромные масштабы приобрела неформальная неустойчивость занятости. В общем неформальная занятость определяется с точки зрения того, в какой мере фирмы или индивидуумы следуют установленным формальным правилам и законодательным нормам, касающимся использования и оплаты труда. Ключевым признаком неформальности найма является отсутствие формального (письменного) контракта, в котором констатируется факт наличия трудовых отношений между конкретным работником и работодателем, в различных фор-

мах: срочный или бессрочный трудовой договор, гражданско-правовой договор, запись в трудовой книжке, приказ о приеме на работу на основании личного заявления работника. В свою очередь, неформальные работники подразделяются на две группы: неформальные наемные работники формальных предприятий и неформальные наемные работники неформальных предприятий и домохозяйств. В целом, в формальной и неформальной формах неустойчивости занятости в российской экономике в 2012 г. пребывало более 20 млн чел. [1].

Стратегия менеджмента, направленная на минимизацию затрат на рабочую силу, подразумевает гибкое использование человеческих ресурсов или флексибилизацию персонала – обобщенное понятие процессов, которые вытекают из мер, включающих оптимизацию организации производства, реструктуризацию предприятия, интенсификацию и автоматизацию труда, направленных на наращивание потенциала предприятия за счет снижения себестоимости, повышения производительности труда. В отношении персонала флексибилизация заключается в использовании и приспособлении работников к внутренним и внешним изменениям, что достигается за счет гибкости в оплате труда, а также в использовании персонала.

Применение предприятием гибких форм занятости, например, таких как аутсорсинг, аутстаффинг, лизинг, часто сопряжено с негативными последствиями для работников, находящихся вне штата предприятия, и для штатных работников. Следовательно, технологии флексибилизации персонала можно классифицировать как токсичные кадровые технологии, реализация которых приводит к ухудшению качества жизнедеятельности работников внутри организации. Таким образом, мы рассматриваем токсичные кадровые технологии как совокупность последовательных производимых управленческих действий в отношении персонала, направленных на получение экономической выгоды от его использования и реализуемых без учета негативных изменений в уровне благосостояния работников организации.

Классификацию токсичных практик управления человеческими ресурсами организации, как указывает профессор И.А. Кулькова, можно построить на выделении двух групп [5]:

1) противоречащие трудовому законодательству;

2) не регламентированные трудовым законодательством.

В настоящее время в российских организациях получили распространение токсичные формы кадровых технологий (см. таблицу). Расширение данных классификационных рядов, безусловно, требует целенаправленного, более глубокого и объемного исследования реалий российского бизнеса на современном этапе его развития.

Социальное загрязнение от использования токсичных методов управления человеческими ресурсами имеет экономический смысл не только для общества, но и для самих организаций, создающих токсичные рабочие места (toxic workplaces), когда руководство полностью сосредоточено лишь на получении прибыли в ущерб физическому и духовному благополучию как сотрудников организации, так и общества в целом [10].

Понятие «токсичное рабочее место» включает все дисфункциональные факторы профессиональной среды, воздействие которых на работающего может вызвать какие-либо нарушения в состоянии его здоровья: снижение уровня адаптации организма, увеличение частоты случаев соматических и инфекционных заболеваний, временное или стойкое снижение работоспособности, увеличение профессиональной заболеваемости.

Некоторые характеристики токсичных рабочих мест включают [10]:

- высокий уровень абсентеизма и текучести кадров;
- низкий уровень исполнительской дисциплины и качества выполняемой работы;
- борьбу за власть и другие формы соперничества;
- неудовлетворенность работников уровнем материального и морального вознаграждения;
- нежелание сотрудников выполнять какие-либо социальные функции в трудовом коллективе;
- неблагоприятный социально-психологический климат в коллективе;
- психологический террор на рабочем месте (моббинг, буллинг, боссинг);
- деструктивное руководство.

По нашему глубокому убеждению, одной из основных причин использования токсичных практик управления персоналом организации и появления токсичных рабочих мест является элементарная управленческая некомпетентность руководства. В зарубежной литературе используется устойчивая

терминология «toxic leadership» – токсичное руководство.

Токсичное руководство означает тип руководства, разрушительные по своему характеру активные действия или бездействие которого наносят ущерб организации и сотрудникам.

Авторами статьи был проведен экспертный опрос менеджеров среднего звена с целью получения их мнения по ряду вопросов, связанных с проблемой токсичности менеджмента в российских организациях. Первоначально эксперты указали, какой смысл они вкладывают в понятие токсичного менеджмента:

- управление, основанное только на личных интересах;
- действия руководителя, идущие вразрез с нормами и ценностями корпоративной культуры организации;
- низкий уровень профессиональной компетенции менеджера;
- эмоциональная неустойчивость, психологическая профнепригодность менеджера;
- действие либо бездействие менеджера, приводящее к возникновению кризисной ситуации;
- взаимодействия руководителя с подчиненными на фоне повышенного уровня конфликтности.

Экспертами были выделены как внешние, так и внутренние источники и причины возникновения токсичного менеджмента в организации. К внешним факторам относятся:

- переходное состояние государственной экономики от социалистической системы к системе развитого капитализма;
- современная государственная политика в области частного предпринимательства.

Среди внутренних факторов были названы:

- низкая эффективности работы кадровой службы, нежелание специалистов по управлению персоналом осваивать новые кадровые технологии;
- противоправное поведение работников на рабочем месте;
- семейственность среди управленческих кадров;
- личностные особенности характера руководителя, его профессиональная некомпетентность и эмоциональная неустойчивость;
- отсутствие общественных организаций на предприятии.

В качестве «непопулярных» среди работников кадровых технологий, используемых в организации, эксперты

отметили: тотальный контроль персонала; проведение фотографии рабочего времени; оценку результатов труда, включая технологию ассессмент-центра; перемещение в должности с понижением; оптимизацию (сокращение) численности работников; изменение условий оплаты труда; реструктуризацию персонала; нематериальную мотивацию на основе субъективной оценки.

По мнению экспертов, негативные последствия наличия токсичных практик управления в организации проявляются в следующем:

- практика уничижительного отношения к подчиненным со стороны руководства приводит к повышению текучести кадров;

- профессионально-личностная профнепригодность менеджера приводит к использованию им нецензурной лексики в деловых коммуникациях;

- несогласованность действий топ-менеджеров и менеджеров среднего звена организации приводит к подрыву доверия рядовых сотрудников к высшему руководству, снижению их лояльности по отношению к организации, саботажу, сопротивлению изменениям;

- фамильярность в отношениях с подчиненными, когда руководитель играет роль «своего парня», приводит к снижению уровня исполнительской дисциплины;

- агрессивный стиль управления вызывает у сотрудников чувство страха, приводит к повышению уровня конфликтности, ослаблению мотивации, непониманию ими своей роли в организации;

- излишняя строгость по отношению к подчиненным становится причиной потери творческой инициативы работников, а излишняя свобода приводит к разболтанности и снижению эффективности деятельности;

- недостаточное внимание со стороны руководства к немонетарной мотивации приводит к созданию враждебного климата в группах.

Следует также обозначить проблему токсичного персонала, когда работники, мотивированные только личной выгодой (власть, деньги, особый статус), используют неэтичные, а иногда и незаконные способы манипулирования окружающими, вызывая у них раздражение и стараясь отвлечь внимание от своих исполнительских недостатков и проступков. Токсичные сотрудники не принимают обязанность этичного профессионального поведения по отноше-

нию к организации и трудовому коллективу. Они строят взаимоотношения с коллегами, основываясь не на организационной структуре, а на личностных предпочтениях. Токсичный персонал также может стать фактором, обуславливающим возникновение токсичных рабочих мест в организации, так как он становится причиной беспокойства, стресса и даже депрессивного состояния сотрудников [10].

Опрошенные нами эксперты обозначили следующие характеристики и поведенческие индикаторы токсичного персонала:

- негативизм сотрудника как свойство личности;

- лень, завуалированная имитацией бурной деятельности;

- отсутствие внутренней мотивации как на работу в данной организации, так и на работу в данной сфере деятельности вообще;

- неудовлетворенность личной жизнью;
- нелояльность по отношению к организации;

- агрессивность;

- психологическая нестабильность вплоть до расстройства психики;

- абсентеизм без уважительной причины;

- профессиональная некомпетентность;

- непонимание работником своей роли в организации;

- противодействие изменениям в организации;

- саботаж решений руководителя.

Необходимо отметить, что проблема наличия в организации токсичного персонала является, по нашему мнению, прямым следствием применения токсичных кадровых технологий и токсичного руководства.

В заключение следует сказать, что в данной статье только обозначена область нашего исследования пока еще малоизученной, но стремительно растущей проблемы негативного воздействия организаций на качество жизни класса наемных работников и членов их семей. Научное сообщество развитых стран уже обратило свое пристальное внимание на обозначенную проблему. Первостепенная задача российских ученых и специалистов в сфере управления заключается в принятии новой терминологии, с тем чтобы осознать проблему, приступить к ее изучению, выявлению причинно-следственных связей и поиску путей ее преодоления. ■

References

1. Bobkov V.N. 20 years of capitalist transformation in Russia: impact on the level and quality of life. [20 let kapitalisticheskikh transformatsiy v Rossii: vliyaniye na uroven' i kachestvo zhizni]. Narodniy sobor, May 21, 2012. Available at: <http://mosnarodsobor.ru/?page=news&id=1657>

2. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. The social vulnerability of workers and society as a result of precarious employment. [Socialnaya uyazvimost' rabotnikov i obshchestva kak rezultat neustoychivosti zanyatosti]. All-Russian Centre of Living Standards website. Available at: www.vcug.ru/

3. Gatti M., Fyodorova A.E. The influence of the sustainable development concept on the well-being of workers of the organization. [Vliyaniye kontseptsii ustoychivogo razvitiya na blagosostoyaniye rabotnikov organizatsii]. *Discussion – Discussion*, 2012, no. 10(28).

4. Report on the implementation and effectiveness of state supervision and control in the sphere of labour and social protection of population in 2012. Federal Service for Labour and Employment. Available at: www.rostrud.ru/press-centre/49/

5. Kulkova I.A. Classification of toxic personnel management practices in Russian companies. *Toksicheskie praktiki upravleniya personalom organizatsii: obmen opytom* [Report on the Russian-Italian web-conference "Toxic practices of personnel management: exchange of experience"], June 3, 2013.

6. Milyukova Ya. Laid-off managers do not believe their former employers. Available at: www.sostav.ru/articles/2011/07/06/ko2

7. Sobolev E. The criteria for the effectiveness of labour policy. [Kriterii effektivnosti politiki v sfere truda]. *Chelovek i trud – Man and Labour*, 2013, no. 1.

8. Sobolev E.N. Regulation of socio-labour relations in Russia: genesis, mechanisms, directions of transformation. [Regulirovaniye socialnotrudovykh otnosheniy v Rossii: genezis, mekhanizmy, napravleniya transformatsii]. Abstract of dis. Dr. Sc. (Ec.). Moscow, IE RAS, 2010.

9. Tsapieva O.K. Economic problems of regions and industrial complexes. [Ekonomicheskiye problemy regionov i otraslevykh kompleksov]. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of modern economy*, 2010, no. 2(34).

10. Do You Have a Toxic Workplace? Available at: www.leadership-and-motivation-training.com/toxic-workplace.html

11. Neelima Mahajan. The thinker interview: Jeffrey Pfeffer on human sustainability. *CKGSB Knowledge*. Available at: <http://knowledge.ckgsb.edu.cn/2013/04/05/employment/the-thinker-interview-jeffrey-pfeffer-on-human-sustainability/>

12. Pfeffer J. Building Sustainable Organizations: The Human Factor. *Academy of Management Perspectives*, 2010, February.

13. Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class. Bloomsbury Academic, 2011.

▶ **СТОЖКО Константин Петрович**

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и экономической истории

Уральский государственный
экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/ Народной воли, 62/45
Тел.: (343) 221-27-12
E-mail: kostskp@mail.ru

▶ **СТОЖКО Дмитрий Константинович**

Кандидат философских наук, доцент кафедры общей и экономической истории

Уральский государственный
экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/ Народной воли, 62/45
Тел.: (343) 221-27-12
E-mail: kostskp@mail.ru

▶ **ШАДРИНА Ольга Владимировна**

Кандидат экономических наук, доцент, начальник управления проектами

Московский финансово-
промышленный университет
119991, РФ, г. Москва,
Ленинградский пр., 80
Тел.: (985) 303-51-28

JEL classification

J00, M55

Креативный труд в контексте инновационной экономики

Ключевые слова

ТРУДОВАЯ СТОИМОСТЬ
КРЕАТИВНАЯ СТОИМОСТЬ
ДУХОВНОСТЬ
ДУХОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРУД
ТВОРЧЕСКИЙ ТРУД

Аннотация

Авторы выдвигают тезис о том, что в условиях инновационной экономики информационного общества происходит трансформация трудовой стоимости и возникает феномен креативной (творческой) стоимости. Это связано с возрастанием роли творческого труда в структуре совокупного труда и превращением науки в непосредственную производительную силу.

И нновационное развитие предполагает обновление не только всех институтов общества, но и его хозяйства, фундаментальных принципов его организации. Диалектика как теория познания исходит из тезиса о том, что все явления находятся в развитии, причем от «простого» или «элементарного» состояния – к более «сложному», «организованному». Труд и сознание полностью вписываются в этот тренд.

Конкретизируя свои представления о развитии мышления и сознания от «простого» (однофазового) к «сложному» (двухфазовому), А. Леонтьев называет сложную мыслительную деятельность «интеллектуальной» [10. С. 251–252].

Мыслительная деятельность в своем развитии, однако, давно уже оказалась в состоянии «многофазового» состояния. То, что в рамках этого мышления одни субъекты приходят к новым знаниям последовательно, а другие – скачкообразно и с «перескоками», не означает, что «простое» мышление исчезло. Оно сохраняет свое значение при адаптации субъекта к полученной информации и первичном знакомстве с нею. Особый вопрос – характер развития *сложной* мыслительной деятельности человека.

Ясно, что такое развитие может быть определено как регрессивное или прогрессивное. Под регрессией подразумевается ухудшение состояния объекта (субъекта) развития, под прогрессивным развитием, наоборот, улучшение этого объекта (субъекта). Диалектика объекта и субъекта развития в этом смысле предполагает, что можно выделить ряд модальностей их взаимной зависимости:

а) когда объект развития *улучшается* за счет (при ухудшении состояния) субъекта развития;

б) когда объект развития *ухудшается* за счет (при ухудшении состояния) субъекта развития;

в) когда объект развития остается *прежним* при ухудшении состояния субъекта развития;

г) когда объект развития остается *прежним* при улучшении состояния субъекта развития;

д) когда объект развития остается *прежним* при ухудшении состояния субъекта развития;

е) когда объект развития остается *прежним* при сохранении прежнего состояния субъекта развития.

Теперь рассмотрим трудовую стоимость как отражение не просто *абстрактного* труда, а *сложного* труда.

И не как технологическое отношение (не как отношение работника, субъекта труда к предмету труда и к самому труду как к объекту), а как социальное отношение (как отношение, возникающее между людьми по поводу труда, его объекта и предмета). Социальная структура стоимостного отношения оказывается двойственной: субъектно-субъектной и субъектно-объектной. Можно выделить две сферы: технологическую ($S_a \leftrightarrow O_j$ и $S_o \leftrightarrow O_j$) и социальную ($S_a \leftrightarrow S_o$). Креативность самого отношения стоимости как социальной коммуникации, как связи между людьми, таким образом, также может рассматриваться в контексте технологической и социальной сфер системы социально-трудовых отношений.

Creative Labour in the Context of Innovative Economy

Креативность *сложного* труда определяется творческими способностями личности субъекта труда. Она трактуется некоторыми исследователями как способность личности распознавать и ассимилировать в трудовой деятельности побочный продукт, создающийся в процессе трудовой деятельности, но не имеющий непосредственного отношения к поставленной перед работником цели. Это определение считается довольно узким, а в определенном смысле и неправильным пониманием креативности [17. С. 120].

В условиях информационного общества креативность все чаще связывают с умением человека использовать получаемую информацию в определенных параметрах времени и места. При этом креативность рассматривается как одна из сторон интеллекта. Например, Дж. Гилфорд пытался определить креативность посредством познавательных переменных. Он выделил шестнадцать гипотетических интеллектуальных способностей, характеризующих креативность. Среди них: беглость мысли (количество идей, возникающих в единицу времени), гибкость мысли (способность переключаться с одной идеи на другую), оригинальность мышления, любознательность, способность к разработке гипотезы, иррелевантность, способность переключаться с одной роли на другую в процессе обсуждения (защита, оппонирование), способность к фантазированию. Дж. Гилфорд объединял эти факторы под названием «дивергентность» мышления, что проявляется тогда, когда проблема только еще должна быть определена и когда не существует заранее предписанного, устоявшегося пути ее решения [5].

Таким образом, можно отметить два аспекта в методологии исследования креативности труда. Первый аспект связан с использованием *деятельностного* подхода, в соответствии с которым креативность по сути отождествляется с творческой деятельностью. Второй аспект связан с тем, что креативность относится почти исключительно к *мыслительной* деятельности.

Можно также отметить, что в большинстве определений креативности и творчества, независимо от того, носят ли они обобщенный или частный характер, просматривается ориентация на продуктивную сторону такой деятельности. Например, Я.А. Пономарева рассматривает креативность и творчество как особый тип взаимодействия, ведущий к развитию [13. С. 21–44]. С.Л. Рубинштейн определяет креативность и творчество как деятельность, «созидающую нечто новое, оригинальное» [14; 15]. А.М. Матюшкин определяет творчество как выход за пределы уже имеющихся знаний, преодоление и даже «прокидывание» границ [11]. М.Г. Ярошевский считает, что «творчество означает созидание нового, под которым могут подразумеваться как преобразования в сознании и поведении субъекта, так и порождаемые им, но отчуждаемые от него продукты» (цит по: [17. С. 121]).

Можно согласиться с мнением о том, что приведенные определения креативности и творчества «... содержат некоторое ограничение. Сущность творчества проявляется себя в творческих продуктах: идеях, поведении, материальных объектах. В то же время описание результатов творчества, продвигая нас к познанию его сущности, не дает полного представления об этом феномене» [17. С. 121].

В.М. Бехтерев определял творчество как созидание чего-либо нового в ситуации, когда проблема-раздражитель вызывает образование доминанты, вокруг которой концентрируется необходимый для решения запас опыта [2]. В этом определении представляет интерес вопрос о самой *доминанте*, под влиянием которой возникает и развивается креативность – творчество. Было бы логично предположить, что такой доминантой является труд, поскольку трудовая деятельность является определяющей в общей структуре человеческой деятельности. При этом логично выглядит и разделение самих понятий «креативность» и «творчество» как *потенциального* и *актуального* «состояния» трудовой деятельности. Пользуясь терминологией И. Канта,

► **Konstantin P. STOZHKO**
Dr. Sc. (History), Prof., Head of General and Economic History Dept.

Urals State University of Economics
620144, RF, Yekaterinburg,
ul. 8 Marta/Narodnoy Voli, 62/45
Phone: (343) 221-27-12
E-mail: kostskp@mail.ru

► **Dmitriy K. STOZHKO**
Cand. Sc. (Philosophy), Assistant-Prof. of General and Economic History Dept.

Urals State University of Economics
620144, RF, Yekaterinburg,
ul. 8 Marta/Narodnoy Voli, 62/45
Phone: (343) 221-27-12
E-mail: kostskp@mail.ru

► **Olga V. SHADRINA**
Cand. Sc. (Ec.), Assistant-Prof., Head of Project Management

Moscow University for Industry and Finance
119991, RF, Moscow,
Leningradsky pr., 80
Phone: (985) 303-51-28

Key words

LABOUR COSTS
CREATIVE COSTS
SPIRITUALITY
SPIRITUAL PRODUCTION
INNOVATIVE ECONOMY
INTELLECTUAL LABOUR
CREATIVE LABOUR

Summary

The authors put forward the thesis that in conditions of innovative economy of information society there occurs a transformation of labour costs and a phenomenon of creative costs emerges. It is associated with the increasing role of creative labour in the structure of total labour and transformation of science into a direct productive force.

JEL classification

J00, M55

Источники

1. Бердяев Н.А. Спасение и творчество // Русская философия. Конец XIX – начало XX века. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993.
2. Бехтерев В.М. Объективная психология. 3-е изд. СПб., 1910.
3. Волкова Т.И. Воспроизводство творческого потенциала науки. Екатеринбург: Ит-т экономики УрО РАН, 2004.
4. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. М.: Норма, 1998.
5. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления. М., 1965.
6. Завлин П.Н. Инновационный менеджмент. СПб.: Наука, 1997.
7. Иваницкий В.П. Инновационное развитие России в условиях рыночной экономики // Многополярный мир как глобальная альтернатива и взгляд России: доклады / под ред. В.Д. Перевалова. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. акад., 2012.
8. Кокорев А. Изменение структуры собственности // Журнал для акционеров. 1998. №7.
9. Кравченко А.И. Социология Макса Вебера. Труд и экономика. М.: «На Воробьевых», 1997.
10. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981.
11. Матюшкин А.М. Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности // Вопросы психологии. 1982. № 4.
12. Мунье Э. Манифест персонализма: пер. с фр. М.: Республика, 1999.
13. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
14. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
15. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
16. Спивак В.А. Корпоративная культура. СПб.: Питер, 2001.
17. Стожко К.П. Экономическое сознание. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
18. Татаркин А.И., Суховой А.Ф. Ключи к мировому рынку: инновационное предпринимательство и его возможности. М.: Экономика, 2002.
19. Торшина К.А. Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1998. № 12.
20. Шумпетер Й.Ф. Теория экономического развития: пер. с англ. М.: Прогресс, 1982.
21. Weber V. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1.

их можно было бы соотнести как «вещь в себе» и «вещь в ее инобытии».

«Учитывая, что носителем творчества является человек, а креативность – его неотъемлемый атрибут, логично определять креативность как способность человека к конструктивному, нестандартному мышлению и поведению, а также осознанию и развитию своего опыта» [17. С. 122].

Взаимосвязь креативности (творчества) и труда очевидна. «Духовное производство» (идей, проектов и т.д.) так же требует от человека физических, умственных и нервных усилий, как этого требует материальное их производство. Идеи и проекты не возникают ниоткуда. Однако здесь встает вопрос о том, каков, выражаясь словами И.Г. Фихте, «первичный толчок» такой креативности.

С позиций материалистической диалектики в качестве такого толчка берутся потребности индивида, удовлетворение которых будто бы предполагает креативные способности. С идеалистических позиций таким толчком считается мотивация, результатом которой выступают формирование и удовлетворение потребностей. Что первично: потребность или мотив, «курица или яйцо»? – вопрос все еще открытый.

Большинство исследователей полагает, что креативный процесс – это форма активности в проблемном поиске, сознательная и целенаправленная попытка расширить существующие границы знаний, разрушить существующие ограничения. С другой стороны, существует точка зрения, согласно которой креативные продукты рассматриваются как результат случайного стечения обстоятельств. Промежуточная позиция состоит в том, что креативный процесс инициируется неудачной попыткой в объяснении или не подтвержденной гипотезой, либо попыткой включить новые идеи в существующие знания, либо попыткой прорваться с помощью самоорганизации через существующий хаос [17. С. 124].

Важной проблемой анализа диалектики креативного характера сложного труда и трудовой стоимости является определение уровней их проявления. Ясно, что креативность проявляет себя на личностном уровне, тогда как стоимость – на общественном уровне. Иначе говоря, креативность присуща личности субъекта труда, а стоимость представляет отчужденный от него результат его креативного труда. Такое отчуждение стоимости от ее создателя и делает труд «абстрактным», «идеальным».

Здесь стоимость и креативность выступают как два полюса одного диалектического противоречивого единства – между «абстрактным» и «конкретным трудом». А если это так, то креативность не может быть вырвана из контекста этого противоречивого единства, истолкована вне понятия «труд».

Попытки некоторых исследователей определить креативность *бессознательным* (Р. Джонс, П. Ленгли) вряд ли могут быть строго последовательными. Хотя бы потому, что последовательность – проявление логики, а логика – признак *сознательного*. В целом же, общий уровень креативности труда и создаваемой им стоимости может быть определен только в исторической перспективе, т.е. в диахронии [19. С. 130].

Принцип историзма, взятый в его применении к стоимости, позволяет обнаружить тот факт, что стоимость вполне исторична и в каждую конкретную эпоху имеет собственное содержание и структуру. К. Маркс, как известно, анализировал капиталистическое производство. В связи с современными реалиями (попытками построения капитализма в России) этот анализ вновь становится актуальным. Поэтому внимание к сущности, содержанию и структуре трудовой стоимости обосновано. Но это не означает, что не может быть никакой иной интерпретации трудовой стоимости, кроме марксистской.

Многие исследования конца XX века отмечают, что творческие личности по сравнению с людьми нетворческими обладают большими умственными способностями и большей степенью активности. Это – *первый* фактор исторического изменения сущности трудовой стоимости. *Вторым* фактором является самопостиндустриальное общество (внешняя среда), в которой живет творческий человек. Это общество пришло на смену индустриальному обществу и характеризуется своими особыми параметрами. Довольно удачный сравнительный анализ «традиционного», «индустриального» и «постиндустриального» общества провел В.А. Спивак [16. С. 31], который отмечает, что для «индустриального» общества характерны следующие признаки:

- основная сфера экономической деятельности – вторичная, т.е. промышленность;
- специфическая форма социальной организации – корпорация;
- основная цель – деньги;
- ведущая роль принадлежит бизнесменам;

- мотивация – на удовлетворение первичных потребностей;
 - определяющий фактор общественного развития – уровень развития науки и техники;
 - характерные черты – глубокое разделение труда и кооперация труда, массовое производство, механизация и автоматизация;
 - классовое деление общества.
- «Постиндустриальное» или «техно-тронное» общество, живущее в условиях информатизации, выглядит несколько иначе:
- преобладает третичная сфера экономической деятельности – сфера услуг, наука и образование;
 - цель – знания, информация;
 - в бизнесе ведущую роль играют ученые, профессиональные специалисты, менеджеры-консультанты;
 - мотивация ориентирована на удовлетворение высших потребностей (первичные в основном удовлетворены);
 - основа поступательного движения общества – кибернетика, высокие технологии, отраслевое и профессиональное разделение труда;
 - движущий фактор – технологические революции;
 - организационная система, определяющая научно-технический прогресс, – университеты;
 - профессиональное деление общества вместо классового (в идеале).

Внимательный анализ этих характеристик свидетельствует о том, что и по цели, и по составу тех, кто создает стоимость, новое общество – это общество, в котором сама стоимость как общественно необходимый труд, воплощенный в продукте, изменяется не формально, а по существу. Да, современное российское общество живет в условиях капитализма, и труд работников в своей массе – наемный. Да, существует эксплуатация, что делает создаваемую таким трудом стоимость по существу капиталистической. Но в структуре наемного совокупного труда постоянно и неуклонно возрастает доля творческого труда. В творчестве субъект труда реализует свои главные способности – физические и духовные способности к труду. Исторический симбиоз «наемного» и «творческого» труда имеет место вопреки наукообразным представлениям о том, что только «свободный» труд может быть творческим. Он удивительным образом опровергает наши упрощенные представления о свободе как единственной или, на худой конец, главной детерминанте творчества.

Оказывается, что ценность свободы – это сугубо функциональная ценность, над которой в системе ценностей нашего бытия стоят все-таки абсолютные (духовные) ценности. Именно они определяют творчество как таковое и являются «первичным толчком» для появления креативности. А свобода, равенство, социальная справедливость и т.д. – это очень важные, но далеко не «определяющие», не ключевые ценностные детерминанты креативной стоимости. Хорошо, когда они есть, но даже в рабовладельческих обществах и в крепостной России люди, обладавшие ничтожной долей свободы или вообще ее не обладавшие, проявляли свою креативность и занимались творческой деятельностью.

Кстати, степень свободы наемных работников за последние несколько десятилетий существенно возросла. В связи с этим в науке появились «соответствующие» теории «демократизации собственности», «диффузии капитала», «демократизации капитала» и т.д. Один из авторов этих концепций, американский философ и экономист Луис Келсо, исходил из так называемой «бинарной» или двухфакторной модели, при которой человек одновременно должен являться и субъектом труда, и субъектом капитала. В условиях российского капитализма все происходит с точностью до наоборот. Наблюдается общее сокращение доли внутренних акционеров, концентрация акционерного капитала в руках узких группировок, формализация и бюрократизация управления и т.д. [8]. Сравнивая развитие демократических тенденций в системе корпоративных отношений в России и за рубежом, мы можем констатировать, что такая «бинарная» теория оказалась в нашей стране в вопиющем противоречии с экономической политикой и реальными экономическими отношениями в начале XXI века.

Это можно объяснить тем, что труд и капитал в условиях бюрократической системы остаются принципиальными антагонистами. Любые попытки построения «народного», «демократического» капитализма, «капитализма для каждого» остаются благими пожеланиями до тех пор, пока общество не перейдет от стадии наемного репродуктивного труда к фазе свободного креативного труда. А этот «великий переход» неразрывно связан с дебиюкратизацией экономики. С этого красивого тезиса, собственно, начиналась и горбачевская перестройка, которая затем «заглохла» сама собой.

References

1. Berdyayev N.A. Salvation and creativity. [Spaseniye i tvorchestvo]. *Russkaya filosofiya. Konets XIX – nachalo XX veka.* – Russian philosophy. XIX–XX centuries. S.-Petersburg, SPbU Publisher, 1993.
2. Bekhterev V.M. Objective psychology. [Obyektivnaya psikhologiya]. S.-Petersburg, 1910.
3. Volkova T.I. Reproduction of science's creative potential. [Vosproizvodstvo tvorcheskogo potentsiala nauki]. Yekaterinburg, Institute of Economics of RAS, 2004.
4. Genkin B.M. Economics and labour sociology. [Ekonomika i sotsiologiya truda]. Moscow, Norma, 1998.
5. Guilford J. The three sides of intelligence. [Tri storony intellekta]. *Psikhologiya myshleniya – Psychology of thinking.* Moscow, 1965.
6. Zavlin P.N. Innovative management. [Innovatsionny menedzhment]. S.-Petersburg, Nauka, 1997.
7. Ivanitsky V.P. Russia's innovation development in market economy conditions. [Innovatsionnoye razvitiye Rossii v usloviyakh rynochnoy ekonomiki]. *Multipolyarny mir kak globalnaya alternativa i vzglyad Rossii – Multi-polar world as a global alternative and Russia's opinion.* Yekaterinburg, USLA Publisher, 2012.
8. Kokorev A. Changing the property structure. [Izmeneniye struktury sobstvennosti]. *Zhurnal dlya aktsionerov – Shareholders' journal*, 1998, no. 7.
9. Kravchenko A.I. Max Weber's sociology. Labour and economy. [Sotsiologiya Maksa Webera. Trud i ekonomika]. Moscow, Na Vorobyovykh, 1997.
10. Leontiev A.N. Problems of mind development. [Problemy razvitiya psikhiki]. Moscow, MSU Publisher, 1981.
11. Matyushkin A.M. Psychological structure, dynamics and development of cognitive activity. [Psikhologicheskaya struktura, dinamika i razvitiye poznavatelnoy aktivnosti]. *Voprosy psikhologii – The Issues of Psychology*, 1982, no. 4.
12. Munier E. Manifesto of personalism. [Manifest personalizma]. Moscow, Respublika, 1999.
13. Ponomarev Ya.A. Psychology of creativity. [Psikhologiya tvorchestva]. Moscow, Nauka, 1976.
14. Rubinstein S.L. Being and consciousness. [Bitiye i soznaniye]. Moscow, 1957.
15. Rubinstein S.L. On thinking and ways to study it. [O myshlenii i putyakh yego issledovaniya]. Moscow, 1958.
16. Spivak V.A. Corporate culture. [Korporativnaya kultura]. S.-Petersburg, Piter, 2001.
17. Stozhko K.P. Economic consciousness. [Ekonomicheskoye soznaniye]. Yekaterinburg, USU Publisher, 2002.

«Подлинная свобода – это свобода духа». Для обретения такой свободы необходимо сначала обрести духовность. Именно в контексте обретения человеком духовности следует рассматривать утверждение о том, что «человек есть по природе своей творец, созидатель, строитель жизни, и жажда творчества не может в нем угаснуть» [1. С. 183]. Иначе говоря, субъектом творчества выступает *духовно состоятельная*, а потому подлинно *свободная* личность. В этом – принципиальное расхождение между русской и европейской гуманитарной традицией в последние два столетия.

В связи с этим необходимо отметить тот факт, что сегодня уже не подтверждается хозяйственной практикой тезис о том, что «капиталистический индивид» *всегда* «создает не только собственную выгоду (иначе его алчность не знала бы пределов), но и выгоду партнера» [21. Р. 151]. Упрек в адрес М. Вебера, который абсолютизировал идею А. Смита о булочнике, пивоваре и мяснике, сегодня аргументированно считающуюся излишне рационалистичной и оптимистичной [9. С. 122].

Трудовая стоимость в условиях постиндустриализма все в большей степени становится результатом креативного труда, сбрасывающего с себя «оковы» капиталистической «общественной формы» именно потому, что труд становится способом социального самовыражения, самореализации и протеста против эксплуатации и насилия. Классический пример – граффити. Появившись на городских заборах как протест против официального искусства, граффити сегодня само признано искусством. И таких примеров много.

Естественно, что характер труда связан с характером субъекта труда – личности. «Характер – это подструктура личности в широком смысле слова» [16. С. 164]. Анализу характера личности посвящены исследования Г.Ю. Айзенка, Дж. Л. Голланда, Р. Кеттелла, К. Леонгарда–Н. Шмишека и др. (см.: [16. С. 161–216]). Но кроме характера в трансформации общественного труда большую роль играют и такие свойства личности, как ее способность к самооценке, самоопределению, самоидентификации, саморегулированию, самоуважению, восприятие, направленность личности (система побуждений, определяющая избирательность отношений и активность индивида), темперамент. Важную роль здесь играет и стиль мышления, наличие у личности воли, психические состояния и т.д. Такое мно-

гообразии характеристик личности необходимо дополнить и уровнем знаний, культуры, образования. А также учетом внешних условий для осуществления труда (микро- и макросреды).

И здесь постепенно обнаруживается фундаментальное противоречие между наемной капиталистической «общественной формой» труда и его созидательной сущностью. «Буржуазное общество наносит смертельный удар культуре главным образом не извне, используя те или иные мотивы, а изнутри, очищая ее от реальных проблем, которые только и могут быть ее мерой, и лишая порыва, без которого она обойтись не может» [12. С. 343].

Это касается и культуры труда, которая все больше выхолащивается, формализуется, подменяется различного рода технологиями, процедурами, условностями и ненужными (чаще всего вредными) формами контроля со стороны бюрократии. И здесь даже «либерализм оказывается утопией», поскольку «капитализм защищает инициативу и свободу небольшого числа людей, поработавшая всех остальных» [12. С. 143]. Даже о полноценной автономии самой личности, не то чтобы о полной свободе труда и творчества, говорить уже не приходится. Потому что «личность – это духовное существо, конституируемое, как таковое, способом существования и самостоятельностью в своем бытии» [12. С. 301].

Рыночная экономика, по большому счету, сводит высшее в человеке к низшему, превращает его в «придаток машины» (К. Маркс). А «рыночное» одномерное общество порождает вместо солидарности – конкуренцию. Как тормоз на пути развития творческого труда выступает его капиталистическая «общественная форма». «Неограниченная власть индивидуального хозяина над отдельным рабочим в начальном периоде капитализма кажется человеческой по сравнению с непомерным потенциалом угнетения и монополией на инициативу, накопившуюся в силу концентрации финансовой власти, осуществляемой гораздо быстрее, чем концентрация промышленной власти, в руках одной олигархии. Эта власть меньшинства держит в своих руках и центры, и перекрестки, подчиняет себе и правительство, и общественное мнение» [12. С. 358].

Выступая против капиталистической «общественной формы» труда, лидер европейского персонализма Э. Мунье особое внимание обращал на характеристику труда. Он писал: «Труд является

единственным собственно личностным и плодотворным агентом экономической деятельности; ответственность может принадлежать только трудящимся». И далее, при капитализме «труд всегда является более или менее вынужденным ... Следовательно, он не может нести светлую радость или быть высшим блаженством для человека. Вместе с тем, он обладает своим достоинством и своей радостью. Последнее не зависит ни от производительности, ни от пролитого пота, ни от богатства, которое он производит, а, прежде всего, от того, что труд сам по себе является естественным осуществлением активности, а не каким-то оскорбительным рабством...» [12. С. 365].

В рыночной экономике труд оценивается только по конечным результатам, что само по себе «не обеспечивает эффективной деятельности организаций в достаточно длительной перспективе и, особенно, при существующей неопределенности внешних условий» [4. С. 300].

В связи с этим необходимо различать результаты труда и его характер. В современном постиндустриальном обществе главную роль начинает играть интеллектуальный, инновационный труд. В целом, под инновацией Й. Шумпетер предлагал понимать внедрение новых товаров, технологий, овладение новыми источниками сырья и т.д. [20. С. 283–309]. Сегодня этот подход оценивается весьма высоко, хотя в самом определении инновации выявляются определенные недостатки [7. С. 131–132].

Одним из таких недостатков является недооценка духовно-нравственного содержания труда. Тот же Й. Шумпетер отмечал, что «такая метафизическая сущность больше всего нравится людям с философскими наклонностями и отвратительна для людей с более “позитивистским” складом ума» [20. С. 132]. Но вопрос не в том, что и кому нравится. Вопрос в том, что без духовно-нравственного содержания труд и создаваемую в процессе труда стоимость научно исследовать нельзя.

«Метафизический» смысл стоимости раскрывается в характеристике «объективно необходимого» труда, который «великий» Й.Ф. Шумпетер попросту «просмотрел». Поэтому его заявление о том, что проведенное им «расследование» будто бы «раз и навсегда позволяет покончить с метафизическими спекуляциями об объективной или абсолютной стоимости» [20. С. 132], представляется, пользуясь выражением М. Твена, «слегка преувеличенным».

Сегодня все существующие определения *инновации* сводятся к двум основным подходам: предметно-технологическому и функционально-деятельностному [18. С. 11]. Так, П.Н. Завлин определяет инновацию как «использование в любой сфере общества результатов интеллектуальной (научно-исследовательской) деятельности для совершенствования процесса деятельности или его результатов (производство, экономические, правовые, социальные отношения, область науки, культуры, образования и другие сферы деятельности общества)» [6]. Во многом схожего мнения придерживается Т.И. Волкова, которая пишет: «Мы считаем, что при характеристике интеллектуального труда следует особо подчеркнуть, что это продукт творческого труда [3. С. 21].

Однако необходимо отметить, что в одном случае мы видим весьма «расширительный» подход к пониманию инновации, который связывается с деятельностью в целом, а в другом случае «конкретизированный» подход, когда понятие инновации связывают только с трудом, причем с трудом творческим. Позиция Т.И. Волковой представляется

более логичной, поскольку производство знаний (обновление) – это результат научного труда. То, что такой труд не всегда и не во всем бывает творческим, – вопрос отдельный. Но инновация действительно обусловлена творческим характером труда в целом. Однако инновация характеризует процесс труда на его первичном уровне, когда сама инновация рассматривается безотносительно системы высших, абсолютных ценностей. В лучшем случае, инновация обусловлена функциональными ценностями (полезностью, экономичностью, простотой потребления, эргономичностью и т.д.). Но не высшими ценностями собственно человеческого бытия (истины, добра, красоты, любви и т.д.). В этом случае можно производить, например, самые мощные (эффективные) системы оружия, способного уничтожить сотни и тысячи людей, но рассуждать о духовном содержании такого инновационного труда бессмысленно. Поэтому то обстоятельство, что в научной литературе «чаще всего интеллектуальный труд рассматривается как результат духовной деятельности» [3. С. 20], требует существенной коррекции. ■

References

18. Tatarin A.I., Sukhovey A.F. The keys to the global market: innovative entrepreneurship and its opportunities. [*Klyuchi k mirovomu rynku: innovatsionnoye predprinimatelstvo i yego vozmozhnosti*]. Moscow, Ekonomika, 2002.
19. Torshina K.A. Modern research of a problem of creativity in foreign psychology. [*Sovremennye issledovaniya problemy kreativnosti v zarubezhnoy psikhologii*]. *Voprosy psikhologii – The issues of psychology*, 1998, no. 12.
20. Schumpeter J.F. The theory of economic development. [*Teoriya ekonomicheskogo razvitiya*]. Moscow, Progress, 1982.
21. Weber V. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley, University California Press, 1978, vol. 1.

► **ФЕДОРОВА Татьяна Юрьевна**
Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гражданского права

Уральский государственный
экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45
Тел.: (343) 221-27-26

► **ГОЛОШУМОВ Алексей Юрьевич**
Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры бизнес-информатики

Уральский государственный
экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45
Тел.: (343) 221-27-56

► **БАЛАК Андрей Михайлович**
Адвокат

Московская городская коллегия
адвокатов «Юрискон»
115191, РФ, г. Москва,
ул. 2-я Рощинская, 4
E-mail: ab10037@gmail.com

JEL classification

D8, D83, I21, Z0

Активизация герменевтического потенциала инфокоммуникационных ресурсов в профессиональной подготовке будущих юристов

Ключевые слова

ИНФОРМАЦИЯ
РЕСУРС
ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫЙ РЕСУРС
ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА
БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

Аннотация

В статье рассмотрены возможности использования инфокоммуникационных ресурсов в профессиональной подготовке будущих юристов, представлена сущностная характеристика таких понятий, как «информация», «ресурс», «инфокоммуникационный ресурс», «герменевтический потенциал». Обоснован герменевтический потенциал инфокоммуникационных ресурсов, обозначены основные направления его актуализации в системе профессионального юридического образования, выявлен технологический механизм герменевтической интерпретации правовой информации.

Профессиональная подготовка будущих юристов происходит сегодня в условиях стремительного развития инфокоммуникационных структур социума. Это означает, что чем выше требования к процессу профессионального юридического образования, тем выше должны быть требования к используемым в нем инфокоммуникационным ресурсам и системам, построенным на их основе. Все это актуализирует значимость обращения к герменевтическому потенциалу инфокоммуникационных ресурсов, возможности использования его в профессиональной подготовке будущих юристов.

Обращение к герменевтике как теории истолкования и интерпретации текста обусловлено тем обстоятельством, что в центре герменевтического учения находится проблема понимания, которая имеет для образовательного процесса уникальное значение, так как раскрывает сущность, смысл и ценности окружающего информационного пространства, способствует формированию у будущего юриста умений использовать инфокоммуникационные ресурсы для развития проблемного видения, самостоятельности суждений, формирования навыков находить в тексте главный элемент, проникать в противоречивую сущность постигаемых правовых явлений, устанавливать структурные связи между элементами правовых знаний.

В данном контексте в рамках нашего исследования важно рассмотреть сущ-

ностную характеристику таких понятий, как «информация», «ресурс», «инфокоммуникационный ресурс», «герменевтический потенциал инфокоммуникационного ресурса».

Первоначально под информацией понимались сведения, передаваемые людьми устным, письменным и другим способом с помощью условных сигналов, технических средств и т.п. С середины XX века информация становится общенаучным понятием, включающим в себя: обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире; передаче признаков от клетки к клетке, от организма к организму и т.д. [9]. Информация может быть истолкована и как некоторая совокупность сведений (сообщений), определяющих меру наших знаний о тех или иных событиях, явлениях, факторах и их взаимосвязи [7]. С конца 40-х годов XX века информация становится предметом исследования новой науки – кибернетики, изучающей математические аспекты информации.

По Н. Винеру, «информация – это совокупность сведений, новизна ... сигналы об окружающем мире» [2]. То есть информация – это обозначение содержания, полученного от внешнего мира в процессе приспособления к нему. Как полагает К. Шеннон, «информация – это снятая неопределенность или результат выбора возможных альтернатив» [8].

Activating the Hermeneutics Potential of Information and Communication Resources in the Training of Future Lawyers

В своих работах У. Эшби рассматривает связь между разнообразием и информацией [10]. По У. Эшби, передача и хранение информации возможны благодаря наличию некоторого разнообразия вероятных состояний системы.

Таким образом, информация – сведения об объектах и явлениях окружающей среды, их параметрах, свойствах и состоянии, которые уменьшают имеющуюся в отношении них степень неопределенности, неполноты знаний.

С появлением электронно-вычислительных машин возникло понятие машинной информации, под которой понимается информация, зафиксированная в памяти компьютера в виде баз данных и программных средств. По мнению Билла Гейтса, основателя компании Microsoft, самая фундаментальная отличительная черта информации в будущем это то, что почти вся она станет цифровой. С каждым годом совершенствуются методы сбора информации и превращения ее в квадрильоны крошечных пакетов данных. Как только цифровая информация помещается в то или иное «хранилище», любой, у кого есть персональный компьютер и средства доступа к соответствующим базам данных, может достаточно быстро обратиться к ней и использовать ее по своему усмотрению. Характерная особенность современного периода развития заключается в том, что мы изменяем и обрабатываем информацию совершенно новыми способами и гораздо быстрее [3].

Одной из важнейших разновидностей информации является правовая информация, под которой понимается совокупность сведений о фактах, событиях, предметах, лицах, явлениях, протекающих в правовой сфере жизни общества, содержащихся как в нормах права, так и в других источниках, и используемая при решении правовых задач. Специфика правовой информации заключается в том, что независимо от своего содержания она всегда обладает определен-

ной социальной значимостью. Правовая информация регулирует отдельные стороны хозяйственной и социально-культурной деятельности общества, что и определяет ее особый, прагматичный характер.

Законодательство – наиболее значимый вид правовой информации, основу которого составляют нормативные правовые акты России и сопутствующие им документы: официальные разъяснения правовых актов, сопроводительные документы, распоряжения органов государственной власти и должностных лиц и некоторые другие, а также акты международного права, действующие на территории России.

В общем понимании, ресурс выступает как запасы, источники чего-либо. В индустриальном обществе, где большая часть усилий направлена на материальное производство, известно несколько основных видов ресурсов, ставших уже классическими социальными категориями: материальные, природные, трудовые, финансовые и энергетические.

В информационном, постиндустриальном обществе акцент внимания и значимости смещается с традиционных видов ресурсов на информационный ресурс. Информация стала предметом купли и продажи, т.е. информационным продуктом, который наравне с информацией, составляющей общественное достояние (электронные библиотеки, общедоступные базы данных и т.п.), образует информационный ресурс [1]. Ю.Д. Денисов под информационным ресурсом понимает социально значимую информацию, содержащуюся во всех действующих в обществе информационных системах, которая может быть использована для принятия решений в различных сферах человеческой деятельности. Ю.Г. Каныгин рассматривает информационный ресурс как различные виды знаний, подготовленные людьми для социального использования в обществе и зафиксированные на материальном носителе [5].

► **Tatyana Yu. FYODOROVA**
Cand. Sc. (Pedagogy), Assistant-Prof. of Civil Law Dept.

Urals State University of Economics
620144, RF, Yekaterinburg,
ul. 8 Marta/Narodnoy Voli, 62/45
Phone: (343) 221-27-26

► **Aleksey Yu. GOLOSHUMOV**
Cand. Sc. (Pedagogy), Assistant-Prof. of Business Informatics Dept.

Urals State University of Economics
620144, RF, Yekaterinburg,
ul. 8 Marta/Narodnoy Voli, 62/45
Phone: (343) 221-27-26

► **Andrey M. BALAK**
Lawyer

Yuriskon, Moscow City Bar Association
115191, RF, Moscow,
ul. 2 Roshchinskaya, 4
E-mail: ab10037@gmail.com

Key words

INFORMATION

RESOURCE

INFORMATION AND COMMUNICATION
RESOURCE

HERMENEUTICS POTENTIAL

VOCATIONAL TRAINING
OF FUTURE LAWYERS

Summary

The article deals with opportunities to use information and communication resources in vocational training of future lawyers, provides characteristics for the terms "information", "resource", "information and communication resource", "hermeneutics potential". The papers proves the hermeneutics potential of information and communication resources, specifies the main directions of its actualization in the system of vocational legal education, and reveals technological mechanism of hermeneutics interpretation of legal information.

JEL classification

D8, D83, I21, Z0

Источники

1. Васильев Ю.П. Управление внутрифирменной системой информации: опыт США. М.: Экономика, 2004.
2. Винер Н. Кибернетика и общество. Творец и робот. М.: Тайдекс Ко, 2003.
3. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М.: ЭКСМО-Пресс, 2007.
4. Голошумов А.Ю. Информационные ресурсы современного образования // Вестник Университета Российской академии образования. 2009. № 1.
5. Каныгин Ю.М. Индустрия информатики. Киев: Техника, 2010.
6. Караханян С.Г. Формирование и совершенствование информационного компонента адвокатской деятельности: монография. М.: Триумф, 2011.
7. Мамиконов А.Г. Экономическая информатика. СПб.: Финансы и статистика, 1999.
8. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд-во ин. лит., 1963.
9. Экономическая информатика / В.В. Евдокимов [и др.]. СПб.: Питер, 2008.
10. Эшби У. Введение в кибернетику. М.: Изд-во ин. лит., 1959.

References

1. Vasiliev Yu.P. Managing the interfirm information system: practice of the USA. [*Upravleniye vnutrifirmennoy sistemoy informatsii: opyt SShA*]. Moscow, Ekonomika, 2004.
2. Viner N. Cybernetics and society. [*Kibernetika i obshchestvo*]. Moscow, Taydeks Co, 2003.
3. Gates B. Business at the speed of thought. [*Biznes so skorostyu mysli*]. Moscow, EKSMO-Press, 2007.
4. Goloshumov A.Yu. Information resources of contemporary education. [*Informatsionnye resursy sovremennogo obrazovaniya*]. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya – Herald of University of Russian Education Academy*, 2009, no. 1.
5. Kanygin Yu.M. The industry of informatics. [*Industriya informatiki*]. Kiev, Tekhnika, 2010.
6. Karakhanyan S.G. Forming and improving the information component of advocacy. [*Formirovaniye i sovershenstvovaniye informatsionnogo komponenta advokatskoy deyatelnosti*]. Moscow, Triumf, 2011.
7. Mamikonov A.G. Economic informatics. [*Ekonomicheskaya informatika*]. S.-Petersburg, Finansy i statistika, 1999.
8. Shannon C. Works on the theory of information and cybernetics. [*Raboty po teorii informatsii i kibernetike*]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1963.
9. Yevdokimov V.V. Economic informatics. [*Ekonomicheskaya informatika*]. S.-Petersburg, Piter, 2008.
10. Ashby W.R. An introduction to cybernetics. [*Vvedeniye v kibernetiku*]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1959.

Особого внимания заслуживает одно из уникальных свойств информационного ресурса, которое проявляется в том, что он не убывает от интенсивного использования. Более того, информационный ресурс лишь совершенствуется в процессе его применения, избавляясь от ошибок, уточняя свои параметры.

Информационный ресурс общества, если его понимать как знания, отчужден от людей, которые его накапливали, обобщали, анализировали, создавали и т.п. Эти знания материализовались в виде баз данных, алгоритмов, различных компьютерных программ. Другими словами, уже можно говорить о появлении инфокоммуникационного ресурса как превращенной формы знаний, обеспечивающей их распространение и социальное применение средствами информационных и коммуникационных технологий. Таким образом, инфокоммуникационный ресурс понимается как источник информации, используемый в системе общественного и индивидуального производства, необходимый для успешной деятельности современного специалиста.

Современный этап развития инфокоммуникационных ресурсов характеризуется развитием коллективной обработки и анализа информации и переходом: от анализа количественных показателей к качественному анализу; от оперативного анализа к стратегическому планированию; от единоличного анализа и принятия решений к коллегиальной работе.

Актуализация инфокоммуникационных ресурсов в процессе профессиональной подготовки будущих юристов видится нами в нескольких направлениях: в качестве источника получения и обработки информации, средств поиска, хранения и систематизации информации, средств обучения и средств информационно-аналитической деятельности.

К инфокоммуникационным ресурсам, реализующим себя в направлении поиска, хранения, систематизации информации, относятся: всемирная сеть WWW, многочисленные электронные информационные и образовательные ресурсы, в том числе электронные библиотеки, различные базы и банки данных правовой информации, электронные архивы, интернет-порталы и сайты.

К информационно-коммуникационным технологиям как средствам обучения относятся прежде всего электронные образовательные ресурсы, среди которых выделяют три основных типа: текстографические, элементарные аудиовизуальные и мультимедийные.

Текстографические ресурсы – это электронная форма текста с иллюстрациями. Значительное родство таких электронных образовательных ресурсов с книгой породило термин «электронный учебник». Элементарный аудиовизуальный ресурс представляет собой компьютерный файл, содержащий фотографии, видеозапись, музыкальные фрагменты и т.д. Ввиду отсутствия дидактической основы относить эти ресурсы к образовательным можно только опосредованно. Чаще всего они играют роль электронных наглядных пособий при работе преподавателя в аудитории.

Мультимедийные ресурсы относятся к наиболее перспективным и содержательным для профессионального образования. Необходимо отметить, что характерным свойством мультимедиа является интерактивность. В текстографических ресурсах интерактив возможен только в простой ссылочной форме, а при использовании элементарного аудиовизуального ресурса интерактивность отсутствует. Интерактивные мультимедиа электронные образовательные ресурсы включают множество содержательных элементов и программный сценарий их интерактивного представления.

Как источник получения и обработки информации инфокоммуникационные ресурсы выступают в качестве необходимого компьютерного оборудования и его программного обеспечения, позволяющего реализовать поставленные информационно-аналитические задачи с помощью конкретных, освоенных обучающимися на практике программных продуктов.

В контексте данного исследования используемые в образовательной практике вуза инфокоммуникационные ресурсы мы определяем как базу знаний в различных областях науки и прикладной деятельности, обладающую герменевтическим потенциалом, оптимизация которого позволит удовлетворить личностно-значимые образовательные потребности обучающихся, обеспечить возможность самообразования, самовоспитания и саморазвития студентов с учетом их индивидуальных интересов, склонностей и возможностей полноценного функционирования в информационном пространстве. Инфокоммуникационные ресурсы выступают как средство обучения, обеспечивающее оптимизацию учебно-познавательного процесса, как инструмент для самостоятельной работы по освоению знаний, организации и поиску

информации, как источник получения и обработки информации, как фактор развития инновационных методов обучения и воспитания личности, организации информационных процессов в образовательной среде вуза.

Рассматривая сущностную характеристику понятия «потенциал» как источник, возможность, средство, запас, то, что может быть приведено в действие, использовано для достижения определенной цели, решения какой-либо задачи, выделяем следующие составляющие герменевтического потенциала используемых в образовательной практике инфокоммуникационных ресурсов:

- многофункциональность и доступность;
- многообразии видов, форм и технологий предоставления правовой информации;
- отражение ценностей окружающего социума;
- соответствие специфике восприятия различных возрастных групп пользователей, донесение до всех групп пользователей актуальной информации в удобном виде;
- учет индивидуальных потребностей и возможностей пользователей, что дает возможность многоаспектно решать поставленные задачи.

Активизация инфокоммуникационных ресурсов в процессе подготовки будущих юристов позволит научить их использовать информационное наполнение ресурсов как в технологическом аспекте (где и как взять информацию), так и в герменевтическом (что взять, оценить ценность, обработать в соответствии с целью поиска).

С герменевтико-интерпретационных позиций многообразие видов и форм инфокоммуникационных ресурсов для анализа правовой информации способствует рассмотрению с различных позиций возможности истолкования и интерпретации представленной информации, понимания и постижение информационной реальности через рефлексивное осмысление богатейшего ценностно-правового опыта социума.

Кроме того, обращение к герменевтике обусловлено тем, что всякий контент инфокоммуникационных ресурсов интертекстуален. В нем выделяются гипертексты различного уровня иерархии, восприятие которых предполагает осознание и интерпретацию разных знаковых систем в единстве с информационным содержанием. Востребованность активизации герменевтического потен-

циала инфокоммуникационных ресурсов обусловлена внутренними тенденциями образовательной системы с ее нарастающим вниманием к индивидуальным, всегда уникальным и неповторимым проявлениям человеческой субъективности в условиях информационного пространства, актуализирующей обращение к смыслообразованию и смыслообразованию в процессе анализа и оценки информационных объектов [4].

Технологическим механизмом в системе герменевтической интерпретации ресурсов выступает взаимосвязь и взаимообусловленность следующих действий:

- первый этап – постановка проблемы, поиск и погружение в ценности информационного пространства;
- второй этап – анализ, интерпретация, осмысление и понимание универсальных общекультурных смыслов правовой информации;
- третий этап – рефлексивная оценка индивидуального информационного опыта правовой деятельности.

В контексте нашего исследования важно обратить внимание на то, что в последние годы уже принято несколько основополагающих документов в сфере развития информационного общества России, затрагивающих вопросы сферы юстиции с применением информационных технологий. Это прежде всего «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» (Пр-212 от 7 февраля 2008 г.) и «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537).

Большое значение для судебной практики в отношении способов доказывания факта распространения сведений через телекоммуникационные сети (в том числе через сайты в сети Интернет) имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 (ред. от 16 сентября 2010 г.) «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"».

20 октября 2010 г. утверждена Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 гг.)», в которой важное место отводится развитию и внедрению механизмов «электронного правительства», в том числе в сфере деятельности правосудия, нотариата и адвокатуры. Кроме того, в настоящее время принят целый ряд законодательных актов, регулирующих вопросы обработки и использования

информации в различных направлениях юридической деятельности [6].

Умение будущего юриста использовать все имеющиеся в его распоряжении базы данных правовой информации, содержащие актуальные сведения о массиве законодательства в сфере его деятельности, знание различных научно-технических подробностей проводимой экспертизы, возможность использовать данные различных государственных регистров и реестров, формирование профессионально грамотных запросов в органы власти и др. во многом будут способствовать эффективности его правовой деятельности. А реализация герменевтического потенциала инфокоммуникативных ресурсов в системе профессиональной подготовки будущих юристов позволит не только обеспечить их информационным банком правовых знаний, умениями самостоятельно исследовать и использовать информацию, но и погрузить специалиста в систему герменевтического познания, создать реальную основу для вхождения обучающихся в информационное пространство как самоценное явление, определяющее ценностно-смысловые установки в сфере юстиции. ■

- ▶ **ПЕШИНА Эвелина Вячеславовна**
 Доктор экономических наук,
 профессор, заведующая кафедрой
 государственных и муниципальных
 финансов

Уральский государственный
 экономический университет
 620144, РФ, г. Екатеринбург,
 ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45
 Тел.: (343) 251-96-47
 E-mail: peshina@yandex.ru

- ▶ **РЫЖЕНКОВ Александр Владимирович**
 Соискатель кафедры государственных
 и муниципальных финансов

Уральский государственный
 экономический университет
 620144, РФ, г. Екатеринбург,
 ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45
 Тел.: (343) 251-96-47
 E-mail: gmf@usue.ru

Ключевые слова

ГОРОД
 ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД
 УРБАНИЗАЦИЯ
 ГОРОДА АНТИЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
 ГОРОДА РАННЕИНДУСТРИАЛЬНОЙ
 ЦИВИЛИЗАЦИИ
 ГОРОДА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
 ГОРОДА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ
 ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются существующие основные теории «идеального города» от античной цивилизации до настоящего времени и формулируются основные выводы, применимые к современной застройке российских городов.

JEL classification

L74, N90, O18, P25

Эволюция теоретико-методических подходов к познанию «идеального города»

Новые, современные китайские города-призраки, рассчитанные на более миллиона человек: пустые многоэтажки, безлюдные улицы с мигающими светофорами, гипермаркеты без товаров и покупателей. В это же время строится самый чистый в мире «умный город» Масдар в ОАЭ, в котором вместимость к 2025 г. будет 30 тыс. чел. Главные улицы Масдара будут не шире 10 м, а дома – не выше четырех–шести этажей. Вопрос «большие города или больше городов?» является актуальным со времен возникновения города.

В недавнем прошлом нашей страны полюса пространственной развертки городов были образованы общедоступными общественными учреждениями с закрытым государственным ядром с одной стороны и одинаковыми, безликими микрорайонами – с другой. Сегодня же городское пространство перестраивается в соответствии со стремлением более богатых слоев общества занять самые благоприятные, благоустроенные и дорогие территории. Общественные интересы, ранее не отделимые от культурных и образовательных, отступают сейчас под натиском частного интереса, который не имеет культурно-исторической основы. Общественное ядро города, приобретая некий «элитный», «клубный» характер, все больше и больше утрачивает свою культурную и образовательную функцию, становясь закрытым для большинства жителей. Размышляя над состоянием городской среды, К. Дэй пишет: «За пару десятилетий множество мест с их человечностью и греющим душу очарованием успели исчезнуть повсюду: они стали чем-то совсем иным, изменили свою природу, начали поглощать и излучать скорее самые негативные из свойств человеческого существа – алчность, желание, недоверие, жажду контроля над пространством» [18. С. 212].

Поиск «оптимальных» характеристик города или, как иногда встречается в научных изданиях, «идеального города» имеет древнейшие корни. «Оптимальный» или «идеальный» город рассматри-

вается как рационально организованное в социальном, архитектурном плане поселение человека, гармонично сочетающееся с окружающей средой.

Подробное и обстоятельное исследование «идеальной организации поселений человека» со времен Гипподама Милетского (498–408 до н.э.) и до нашего времени содержится в работах: Г. Иржи (1972) [21], А.В. Бунина, Т.Ф. Саваренской (1979) [9], А.Э. Гутнова, В.Л. Глызичева (1990) [15], С.О. Хан-Магомедова (2001) [44], В.В. Алексашиной (2008) [1], Е.Г. Анимиды, Н.Ю. Власовой (2010) [3], В.А. Колясникова [22] и др.

В настоящей статье авторы преследовали цель систематизировать основные градостроительные теории «идеального города» (см. таблицу), а также обозначить теории, возникшие на их базе, и построенные по теориям реальные города; сформулировать основные выводы, применимые к современной застройке российских городов.

Необходимо сразу оговориться, что авторы настоящей статьи рассматривают город как систему. Согласно Л. Фон Бертаманфи «Система – это комплекс элементов, находящихся во взаимодействии или система – комплекс взаимодействующих компонентов» [7]. Согласно положениям градостроительного зонирования в системе города могут определяться жилые зоны (ЖЗ), общественно-деловые (ОДЗ), производственные (ПЗ), зоны инженерной и транспортной инфраструктур (ИТЗ), зоны сельскохозяйственного использования (СХЗ), зоны рекреационного назначения (РЗ), зоны особо охраняемых территорий (ООТЗ), зоны специального назначения (СНЗ), зоны размещения военных объектов (РВОЗ) и иные виды территориальных зон (ИВЗ).

Представленная в таблице эволюция теорий «идеального» города проходит через четыре цивилизации: античную, раннеиндустриальную, индустриальную и современную – постиндустриальную.

В античной цивилизации «отсчет» берется с Гипподама Милетского, известность которого связана с созданием гра-

The Evolution of Theoretical and Methodical Approaches to the Cognition of “Ideal City”

достроительной системы, используемой и в настоящее время. «Бриллиантом» Гипподама является сетка городского плана, состоявшего из широких и прямых улиц, пересекающихся между собой под углами 45 и 135 градусов. Гипподам разработал планировку Фурий, Пирея (современный внешнеторговый порт Греции) и Родоса (современный город в Греции, с 1988 г. включенный в список всемирного наследия ЮНЕСКО¹).

«О воздухах, водах и местностях» – так назывался трактат Гиппократов, в котором «отец медицины» сформулировал зависимость здоровья от трех факторов окружающей среды: ежегодных погодных условий, местных климатических условий и качества воды.

В диалоге Платона «Государство» древнегреческий философ описывает план города как чередование водных и земляных колец. Внешнее водное кольцо было соединено с морем каналом длиной в 50 стадиев (1 стадий – ок. 193 м). Земляные кольца, разделявшие водные, имели вблизи мостов подземные каналы, приспособленные для прохода судов. Радиальная структура города отражала сословное деление жителей на 12 имущественно равных групп. Итальянские города-крепости XV–XVI веков строились по идеям Платона.

Аристотель подверг критике теорию своего учителя Платона: «Город должен представлять собой среди всего окружающего пространства центральный пункт, из которого было бы возможно выслать помощь во все стороны. Другое условие – чтобы в город можно было легко доставлять получаемые продукты; далее – чтобы был удобный подвоз к нему

¹ Список всемирного наследия ЮНЕСКО на 23 июня 2013 г. включает 981 объект в 160 странах, из которых 205 объектов – города или исторические центры городов в 79 странах мира. Наибольшее количество городов всемирного наследия имеют страны: Мексика, Италия, Испания, Соединенное Королевство Великобритании и Северная Ирландия, Франция, Бразилия, Марокко, Германия, Иран, Куба. В России в список всемирного наследия ЮНЕСКО вошли: исторический центр Санкт-Петербурга (1990); Московский Кремль и Красная Площадь (1990); Цитадель, Старый город и крепостные сооружения Дербента (2003). // www.unesco.org

лесных и всяких других материалов для обработки, имеющихся в стране. Продолжительное пребывание в государстве иноземцев, воспитанных в иных законах, не полезно для поддержания в нем благоразумия, равно как не полезно для него и многолюдство; оно получается вследствие того, что благодаря удобствам морских сообщений в государство прибывает и проживает в нем масса торговцев из-за границы, а это обстоятельство стоит в противоречии с хорошим управлением»[4. С. 559].

Раннеиндустриальная цивилизация в эпоху Возрождения представлена работами Л.Б. Альберти (1452), Филарете (1451–1456), Т. Мора (1512), А. Дюрера (1527), Б. Морандо (1580), В. Скамоцци (1593) и др.

Первым энциклопедистом-теоретиком в итальянском искусстве называют Л.Б. Альберти, которому принадлежат научные работы, посвященные искусству (трактаты о живописи, скульптуре и архитектуре, включая знаменитый труд «Десять книг о зодчестве»). «Альберти теоретически касался тех мероприятий по планировке пригородных территорий и улучшению природы, которые были поставлены и получили широкое применение только теперь в индустриально развитых странах Европы и Америки» [9].

Одним из знаменитых теоретиков Возрождения был флорентинец Антонио ди Пьетро Аверлино по прозвищу Филарете. Его трактат целиком посвящен проблеме идеального города и выдержан в форме романа, повествовавшего о строительстве нового города – Сфорцинды (с множеством планов и рисунков города и отдельных зданий).

Градостроительное выражение идей Т. Мора в его известном произведении социалистической мысли «Утопия» представляло большой интерес для современников. Остров Утопия был покрыт сетью равномерно распределенных городов, окруженных сельскохозяйственной зоной и ограниченных в численности населения (6 тыс. семейств в каждом). Устройство и управление каждого из го-

► **Evelina V. PESHINA**
Dr. Sc. (Ec.), Prof., Head of State and Municipal Finances Dept.

Urals State University of Economics
620144, RF, Yekaterinburg,
ul. 8 Marta/Narodnoy Voli, 62/45
Phone: (343) 251-96-47
E-mail: peshina@yandex.ru

► **Aleksandr V. RYZHENKOV**
Applicant for candidate degree of State and Municipal Finances Dept.

Urals State University of Economics
620144, RF, Yekaterinburg,
ul. 8 Marta/Narodnoy Voli, 62/45
Phone: (343) 251-96-47
E-mail: gmf@usue.ru

Key words

CITY
IDEAL CITY
URBANIZATION
CITIES OF CLASSICAL ANTIQUITY CIVILIZATION
CITIES OF EARLY INDUSTRIAL CIVILIZATION
CITIES OF INDUSTRIAL CIVILIZATION
CITIES OF POST-INDUSTRIAL CIVILIZATION

Summary

In the article the existing theories of «ideal city» from classical antiquity civilization to the present time are considered and the main findings relevant to the contemporary construction of cities are presented.

JEL classification

L74, N90, O18, P25

Теории	Авторы	Цель теории, характеристика
Античная цивилизация		
«Гипподамова сетка» – обоснование городского планирования (451 до н.э.)	Древнегреческий архитектор-градостроитель Гипподам Милетский (лат. Hippodamos von Milet, 498 – ок. 408 до н.э.) [10]	Упорядоченность составляющих элементов города для обеспечения комфорта жителей. Формирование стандартов планирования и строительства
«Идеальный город Гипократа» (V век до н.э.)	Древнегреческий философ и врач Гипократ (лат. Hippocrates, около 460 – между 377 и 356 до н.э.) [11]	Достижение гармонии с природой, благотворное влияние на здоровье человека. Учет в планировке города особенностей рельефа и ландшафта территории
«Идеальный город Платона» (360 до н.э.)	Древнегреческий философ Платон (лат. Platon, 428/7 – 347 до н.э.) [45]	Достижение гармонии с природой, идеи справедливости. Структура города радиальная с центрально-симметричной планировкой
«Идеальный город Аристотеля» (335–322 до н.э.)	Древнегреческий философ Аристотель (лат. Aristoteles, 384–322 до н.э.) [4]	Оборона города и обеспечение активной торговли. Выделение трех частей в прямоугольной форме города: священной, общественной и частной
Раннеиндустриальная цивилизация		
«Идеальный город Альберти» (1452)	Итальянский ученый Леон Баттиста Альберти (итал. Leone Battista Alberti, 1404–1472) [2]	Руководство «как делать город», рационализация пространства города с учетом потребностей личности, семьи, общества в целом. Город в виде системы концентрических окружностей
«Идеальный город Филарете» (1451–1465, издан в 1894)	Итальянский архитектор Антонио ди Пьетро Аверлино (Филарете) (итал. Filarete Antonio, 1400–1469) [29. С. 111–136]	Рационализация пространства города. Город представлял восьмиугольную звезду, образованную пересечением под углом в 45° двух равных квадратов со стороной 3,5 км
«Идеальный город Томаса Мора» (1512, издан в 1516)	Английский писатель Томас Мор (англ. Sir Thomas More, 1478–1535) [34]	Всеобщее благополучие (построение социалистического, коммунистического общества). Сеть равномерно распределенных городов, окруженных сельскохозяйственной зоной и ограниченных в численности населения
«Идеальный город Дюрера» (1527)	Немецкий живописец и график Альбрехт Дюрер (нем. Albrecht Dürer, 1471–1528) [19]	Оборона города исходя из «реальности и разума». Город по плану римского военного лагеря: прямоугольная планировочная система, вписанная в квадрат
Идеальный город Замость (Замосць) (1580)	Итальянский архитектор Бернардо Морандо (итал. Bernardo Morando, ок. 1540–1600) [18]	Город-крепость. Существующий в настоящее время город Замость (Замосць) в Польше
«Идеальный город Скамоцци» (1593, издан в 1615)	Итальянский архитектор Винченцо Скамоцци (итал. Vincenzo Scamozzi, 1552–1616) [33]	Рационализация пространства города с целью обороны. Город представляет правильную форму девятиугольной звезды. В настоящее время город Пальманова (Пальма Нуова) на северо-востоке Италии
«Город солнца», «Солнечный город» (1602, издан в 1623)	Доминиканский монах Томмазо Кампанелла (итал. Tommaso Campanella, 1568–1639) [27]	Смесь фантастических элементов со здоровым, реальным представлением о жизни
Индустриальная цивилизация		
Город на принципах «Кодекса природы» (1753/1755)	Французский мыслитель Этьенн-Габриэль Морелли (фр. Etienne-Gabriel Morelly, 1717/18–1778) [44]	Форма организации власти, основанной на суверенитете законов природы. Функциональные части города: центр, жилая зона, зона обслуживания, зона производства и отдыха
«Идеальный город Леду» (1804)	Французский архитектор Клод Николя Леду (фр. Claude Nicolas Ledoux, 1736–1806) [26]	Функционализм в градостроительстве и промышленной архитектуре; совершенствование общества
«Линейный город», «Ленточный город» (1882)	Испанский инженер Артуро Сориа-и-Мата (исп. Arturo Soria y Mata, 1844–1920) [23]	Функциональная разгрузка быстро развивающихся городов. По теории европейские города должны слиться в единый линейный город от Кадиса на юге Испании до Санкт-Петербурга на северо-востоке Европы
«Город-сад», («Образцовый город») (1898)	Английский теоретик градостроительства Эбенезер Говард (англ. Ebenezer Howard, 1850–1928) [12]	Разгрузка городов. «Третий магнит» – экономически автономные города-спутники. Город рассчитан и на промышленное, и на сельскохозяйственное производство
«Индустриальный город», «Промышленный город» (1904)	Французский архитектор Тони Гарнье (фр. Tony Garnier, 1867–1948) [30]	Функциональное зонирование территории города. Впервые были применены санитарно-защитные зоны между промышленной и жилой застройкой. Особая роль зелени в жилой среде
«Город небоскребов» (1905)	Французский архитектор Огюст Перре (фр. Auguste Perret, 1874–1954)	Рационализация пространства растущих городов. Город, состоящий из 65-этажных небоскребов, соединенных транспортными мостами-эстакадами
«Город будущего» (1910)	Французский архитектор Эжен Энар (фр. Eugene Henard, 1849–1923) [41]	Рационализация пространства растущих городов. Необходимость организации городского движения в разных уровнях. Город – чистый и цветущий с безопасными для пешеходов улицами
«Город завтрашнего дня» (1913, опубликован в 1925)	Американский архитектор Харви Вили Корбетт (англ. Harvey W. Corbett, 1873–1954) [53. С. 451–452]	Решение проблемы перенаселенности города. Небоскребы высотой до 800 м, движение людей и транспорта организовано по 4 уровням

Продолжение таблицы

Теории	Авторы	Цель теории, характеристика
«Город-машина» (1914)	Итальянский архитектор Антонио Сант-Элиа (итал. Antonio Sant'Elia, 1888–1916) [40]	Футуризм. Современный город представлялся в виде сложной механизированной и электрифицированной системы
«Органическая или организованная децентрализация», «Расчлененный город» (1918)	Финский архитектор Готтлиб Элиэль Сааринен (фин. Gottlieb Eliel Saarinen, 1873–1950) [14]	Децентрализация крупных городов. Принципы рассредоточения городской структуры: крупные города в более мелкие «органическим, естественным» путем
«Вертикальный город» (1930)	Французский архитектор Андре Люрса (фр. Andre Lurcat, 1894–1970) [21]	Рационализация пространства растущих городов. Основу города составляют 15-этажные дома
«Поточно-функциональный город» (или «Зональный город», «Соцгород») (1930)	Советский теоретик градостроительства Николай Александрович Милютин (1889–1942) [28]	Поточно-функциональная система построения города разграничивает все функции зонального города, где «наиболее разумно, рационально, целесообразно располагаются и увязываются между собой его основные части: промышленное и сельскохозяйственное производство, транспорт, энергетика, управление, быт, воспитание, учеба»
«Зеленый город» (1930)	Советские архитекторы Моисей Яковлевич Гинзбург (1892–1946), Михаил Осипович Барщ (1904–1976) [44]	Дезурбанизм и линейная система расселения, новая организация быта и индустриализации жилищного строительства
«Современный город на 3 млн чел.» (1922), «Лучезарный город» (1933)	Французский архитектор швейцарского происхождения Шарль-Эдуар Жаннере-Гри (Ле Корбюзье, фр. Le Corbusier, 1887–1965) [25]	Компактный большой город. Зонирование города: «жилье – работа – отдых»
Функциональный город (1942)	Испанский градостроитель Хосе Луис Серт (исп. Josep Lluís Sert's, 1902–1983) [51. С. 242]	Функциональное зонирование города. Четыре функции, относящиеся к проектированию города: быт; работа; отдых; транспорт (который объединяет первые три функции)
«Новый город» (1944)	Американский архитектор Людвиг Хильберзаймер (нем. HilberseimerLudwig, 1885–1967) [47]	Основа города – жилые районы и транспортные пути. Чтобы освободить город от «деспотизма заводов», было предложено размещать их вне города
«Город широких горизонтов», «Просторный город» (1958)	Американский архитектор Франк Ллойд Райт (англ. Frank Lloyd Wright, 1867–1959) [43]	Дезурбанизация. Распределение по сельскохозяйственным пригородам, где средством передвижения должен был стать автомобиль
«Город в пространстве» (1958)	Французский архитектор Иона Фридман (фр. Yona Friedman, 1923 – по н.в.) [31]	Рациональное использование пространства. Город представляет возвышающуюся на 20 м над землей гигантскую решетку, состоящую из вертикальных опор и нескольких ярусов платформ
«Воздушный город», «Плавучий город» (1960)	Американский архитектор Ричард Бакминстер Фуллер (англ. Richard Buckminster Fuller, 1895–1983) [46]	Рациональное использование пространства. Воздушный город «Седьмое небо» – воздушные жилища в виде гигантских геодезических сфер. Плавучий город – город на воде
«Мотопия» (1961)	Британский архитектор Джеффри Алан Джеллико (англ. Geoffrey Alan Jellicoe, 1900–1996) [16]	Деиндустриализация больших городов. Город особой застройки, по крышам которого проходит транспорт, а земля остается свободной
«Динамический, изменяющийся город» (1963), «Движущийся город» (1964)	Британский архитектор Рон Херрон (англ. Ron Herron, 1930–1994) [20]	Совокупность бесконечно разнообразных ситуаций, объединяющая людей. Внутри насекомоподобного робота находился город
«Экуменополис» (Ойкуменаполис) (1968)	Греческий архитектор Константинос Апостолос Доксиадис (англ. Constantinos Apostolou Doxiadis, 1914–1975) [6]	Прогнозирование будущего. Непрерывно развивающийся «планетарный город». Экуменополис знаменует собой конечную стадию процесса урбанизации на планете. Теория экистики – формирования и эволюции человеческих поселений
«Биотехнический город» (1969)	Итальянский и американский архитектор Паоло Солери (англ. Paolo Soleri, 1919–2013) [52]	Максимально эффективное использование земной поверхности и компактное расселение людей. Теория аркологии – создание сооружений, обладающих самодостаточной инфраструктурой
«Кибернетический город» (1969)	Французский художник Николя Шеффер (фр. Nicolas Schöffer, 1912–1992) [32]	Совершенствование городской инфраструктуры и ускорение внутригородских контактов
«Умный дом» (1970, издан в 1987), «Умный город»	Американские ученые Института интеллектуального здания в Вашингтоне (the Intelligent Building Institute, USA) [48]	Безопасность, комфорт и ресурсосбережение для всех пользователей. Продуктивное и эффективное использование рабочего пространства
«Экосити» (или «устойчивое развитие города») (1978, опубликовано в 1987)	Американский строитель и эколог Ричард Реджистер (англ. Richard Register, н.д.) [49]	Достижение гармонии с природой. Город, созданный с учетом воздействия на окружающую среду, при минимизации требуемых входных данных
«Экополис» (1981)	Российские ученые: д-р. филос. наук А.А. Брудный (1932 – по н.в.), д-р. биол. наук Д.Н. Кавтарадзе (1947 – по н.в.) [8]	Город и его ближайшие пригороды, где люди и живая природа взаимно поддерживают друг друга. Человеческое поселение нового типа, оно развивается, расширяется, сопряжено с ходом природных процессов

Теории	Авторы	Цель теории, характеристика
Постиндустриальная цивилизация		
Ноосферный город	Французский философ Эдуард Леруа, 1923 (фр. Edouard Le Roy, 1870–1954), французский теолог Пьер Тейяр де Шарден, 1923 (фр. Pierre Teilhard de Chardin, 1881–1955) Русский и советский естествоиспытатель Владимир Иванович Вернадский, 1925 (1863–1945)	Город, обладающий устойчивым развитием, оптимизированной и гармонизированной средой [22. С. 101]
Города-хартии (2009)	Американский экономист Пол Майкл Ромер (англ. Paul Michael Romer, 1955 – по н.в.) [38]	Город-хартия – регион особого развития. Цель теории – создание «с нуля» высокотехнологических городов, «заточенных» под работающих людей-профессионалов

родов одинаковы, но главным является центральный город Амаурот, в котором расположен сенат. В городе 6000 семей; в семье – от 10 до 16 взрослых. Каждая семья занимается определенным ремеслом (разрешен переход из одной семьи в другую). Для работы в прилегающей к городу сельской местности образуются «деревенские семьи» (от 40 взрослых), в которых житель города обязан проработать не менее двух лет. Такой остров и город никогда не был реализован.

А. Дюрер создал чертёж идеального города, используя план римского военного лагеря – в форме квадрата. В центре города – площадь с королевским дворцом, располагающим собственными укреплениями. Рядом с ним параллельными рядами идут дома горожан: от самых богатых вокруг замка до бедных у крепостных стен. Идею данного города использовал по заданию Фридриха I талантливый немецкий архитектор Генрих Шикхардт (1558–1634), построивший в 1599 г. город Фройденштадт (ныне город в Германии, название которого переводится на русский как «город удовольствий», «город радости», «город дружбы»).

Замость (Замосць) – существующий город в Польше, который называют «жемчужиной Ренессанса», внесен с 1992 г. в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Коронный канцлер Ян Замойский, решил построить для себя город-крепость, и Замость начали строить в 1580 г. по проекту итальянского архитектора Б. Морандо. Город строился на пустом месте и представляет собой единый архитектурный ансамбль.

Идеальный город, разработанный итальянским архитектором В. Скамоцци, представляет правильную форму девятиугольной звезды и существует в настоящее время как Пальманова (Пальма Нуова, 1593) на северо-востоке Италии. Многие современные архитекторы негативно высказываются об архитектуре города: «Так, например, венецианская крепость Пальма Нуова, построенная

Скамоцци на плоской равнине, представляет собой однообразный градостроительный примитив» [9].

В раннеиндустриальной цивилизации на стыке эпох Возрождения и Просвещения написана утопия «Город Солнца» Т. Компанеллы. Население этого города-государства должно было вести «философскую жизнь в коммунизме», т.е. имея все общее. Таким, как город Солнца, автор желал видеть весь мир и предрекал в будущем «всемирное государство».

В данный период можно также отметить утопию английского философа Фрэнсиса Бэкона (1561–1626) «Новая Атлантида» (опубликована посмертно в 1627 г.) [37. С. 171–176]. «Новая Атлантида» представляла будущее государство, в котором все производительные силы общества преобразованы при помощи науки и техники.

Индустриальная цивилизация подарила миру наибольшее количество моделей «идеальных городов», элементы которых используются и развиваются в настоящее время.

Э.Г. Морелли в своей работе «Кодекс природы» впервые выделил функциональные части города: центр, жилая зона, зона обслуживания, зона производства и отдыха. Впоследствии, в 1942 г., Х.Л. Серт после IV Международного конгресса современной архитектуры (CIAM), проходившего в 1933 г. в Афинах с темой «Функциональный город», выпустил книгу, в которой выделил четыре функции, относящиеся к проектированию города: быт, работа, отдых, транспорт (который объединяет первые три функции).

Н. Леду создал первые образцы промышленной архитектуры, где производственные помещения были сознательно объединены с жилищами рабочих. Задача спроектировать фабрику по производству соли в Арк-э-Сенан (фр. Salineroaled'Arc-et-Senans) в лесу Шо (Франция) была поручена К.Н. Леду в 1771 г., строительство продолжалось до

1779 г. Идеальный город Шо так и не был построен.

А.С. Мата предложил модель функциональной разгрузки быстрорастущих городов. «Линейные города» должны приобретать форму узких полос транспортных линий, а впоследствии образовывать стороны треугольников и создавать огромную триангуляционную сеть.

Э. Говард обосновывал, что громадные города с их нездоровой средой представляются источником зла цивилизации, поэтому должна быть жесткая планировка города, исключая рост (при необходимости роста возникала новая система). Город-сад был рассчитан и на промышленное, и на сельскохозяйственное производство. Обитатели города-сада должны были трудиться в близлежащем индустриальном центре. Экономически автономные города-сады несли идею о создании для расселения человечества «третьего магнита» (в противоположность «первому» и «второму», т.е. городу и деревне). Умножаясь со временем в количестве, на что рассчитывал автор идеи города-сада, они должны были рассосать «большие мыльные пузыри», как называл города-гиганты Э. Говард. Первый город-сад Летчворт-Гарден-Сити (англ. Letchworth Garden City) начал строиться в 1903 г., второй – Уэлин-Гарден-Сити (англ. Welwyn Garden City) по инициативе Э. Говарда был основан в 1920 г. Уже позже, в 1923 г., систему городов-спутников предложит американский архитектор Роберт Уиттен.

С начала XX века в мире активно началась индустриализация и развитие научно-технического прогресса (НТП), вследствие чего появляются теории, направленные на «разгрузку городов»: «небоскребы до 800 м» Х.В. Корбетта, «город-машина» А. Сант-Элиа, «город в пространстве» (города-мосты, города-кратеры, города-пирамиды) И. Фридмана, «воздушный город» и «плавающий город» Р.Б. Фуллера, «мотопия» Д.А. Джеллико, «движущийся город» Р. Херрона, «эку-

менополис» К.А. Доксиадиса, «биотехнический город» П. Солери, «кибернетический город» Н. Шеффера и др.

В индустриальном городе Т. Гарнье впервые были применены санитарно-защитные зоны между промышленной и жилой застройкой. О. Перре первый в мире «открывает» железобетонные здания, которые позволяют не только добиться меняющегося вариантного планирования жилого дома, но и сознательно революционизировать планировочную и пространственную схему здания. Следует отметить, что в 1884 г. в Чикаго был построен первый 18-этажный дом. По проекту О. Перре после Второй мировой войны восстанавливается французский город Гавр (фр. LeHavre), входящий в Мировое наследие ЮНЕСКО с 2005 г.

С именем Э. Энара было связано движение за уничтожение улицы как узкого каменного коридора. Центр города он уподоблял человеческому сердцу, с которым органически связаны питающие его артерии, т. е. улицы, несущие потоки движения. Наряду с многоэтажными домами должны были быть многоэтажные улицы. Два основных вывода Э. Энара: во-первых, о непроницаемости городского центра для транзитного движения и, во-вторых, об улучшении связей центрального района с периферией города и загородными шоссе.

Примером вертикального строительства («вертикальный город» А. Лурса) является существующий город Шибам в Йемене, берущий свое начало еще с преисламских царств V века до н.э. – V века н.э. Шибам называют «городом старейших в мире небоскребов» (дома высотой 30 м и более построены из сырцового кирпича, высушенного прямо на солнце. Средний срок службы такого дома составляет два–три столетия).

По мысли Ле Корбюзье, бедствия города: нехватка жилья, нищета, тесные дворы, узкие улицы, – весь этот хаос должен быть заменен архитектурным «порядком». Задача заключалась в том, чтобы дом (малый город) и город (большой дом) сконструировать так же целесообразно, как механизм. При жизни Ле Корбюзье было заложено и построено 30 городских секторов (к настоящему времени их уже 57), в том числе известный город в Индии, построенный на новом месте в 1953 г. Чандигарх (англ. Chandigarh).

Чтобы освободить город от «деспотизма заводов» Л. Хильберзаймером было предложено размещать их вне

города, на больших расстояниях с навстречной стороны.

Теория «Города широких горизонтов» американского архитектора Ф.Л. Райта существенно повлияла на характер застройки американского малоэтажного пригорода. Концентрированный перенаселенный город должен был естественным образом «деурбанизироваться», распределившись по сельскохозяйственным пригородам, а основным средством передвижения в нем должен был стать автомобиль.

Особый интерес представляет теория «умный дом», предложенная американскими учеными Института интеллектуального здания в Вашингтоне в 1970 г. и вытекающая из него теория «умный город» («smartcity») – автоматизация городского хозяйства. Как отмечает директор SAP СНГ В. Постолатий, «Новые умные города (как правило, это поселения для элиты): оазис Хабари в Кувейте, Масдар-Сити в ОАЭ, Донган в КНР, Трежер-Айленд в Калифорнии и др.» [46]. Первый «умный город» в России появится под Петербургом – проект «Новый Берег», своеобразный мини-полис, в котором будут воплощены современные представления о комфортном и экологичном городе. Проект планируют завершить к 2028 г.

В 1978 г. американский строитель и эколог Р. Реджистера вводит понятие «экоцити» или устойчивого развития города. В 1987 г. вышла его первая книга «Экоцити Беркли: строительство городов для здорового будущего», в которой он излагает идеи экологически здорового города.

В отличие от «экополиса» российских ученых А.А. Брудного и Д.Н. Кавартадзе, где люди и живая природа поддерживают друг друга, «экоцити» создается с учетом воздействия на окружающую среду, где живут и работают люди, с минимизацией требуемых входных данных (энергии, воды и пищи), и отходов (вывод тепла, загрязнения воздуха CO₂, метаном и загрязнения воды).

Постиндустриальная цивилизация на сегодня представлена теорией города-хартии П.М. Ромера – автономные зоны со свободной экономикой, отдельным судопроизводством и практически полным самоуправлением, конкурирующие друг с другом за жителей. П.М. Ромер считает, что такие города однозначно окупятся, поскольку интеллектуальные и профессиональные ресурсы значительно превосходят любые затраты на строительство города. В настоящее время

такие города-хартии планируется построить на территории Гондураса.

К постиндустриальной цивилизации авторы настоящей работы относят ноосферный город, появляющийся в последнее время в научной литературе с различными характеристиками и свойствами.

Отдельно следует остановиться на советской и российской архитектуре. Д.А. Лебедевым в 1894–1895 гг. были разработаны градостроительные принципы, во многом тождественные городам-садам, и в 1913 г. в России создается общество городов-садов, которые впоследствии называются «города-огороды».

Принципиальные планировочные схемы развивающегося города были разработаны в конце 1920-х годов И. Леонидовым, Н. Милютиным, Н. Ладовским, М. Гинзбургом, М. Барщ и др. в самый разгар второй градостроительной дискуссии по проблемам социалистического расселения. Основоположником последовательного «дезурбанизма» считают советского социолога, экономиста и градостроителя М.А. Охитовича (1896–1937).

Самым известным в мире трудом по современному советскому градостроительству является «Соцгород» Н.А. Милютина, который вышел в 1930 г. тиражом 7000 экз., но через год был изъят из продажи и больше никогда не издавался. Как отмечает С.О. Хан-Магомедов, «В книге “Соцгород” Н. Милютин высказывает точку зрения на роль и место города в системе расселения, анализирует проблему урбанизма и дезурбанизма прежде всего с учетом задачи уничтожения противоположности между городом и деревней. При этом в основу своего критерия оценки различных форм поселений он положил взаимосвязь и взаимозависимость промышленных, селитебных и других территорий. Н. Милютин рассматривал промышленность не просто как градобразующий фактор, но видел в промышленной территории одну из важнейших функциональных зон, влияющих на планировочную структуру города в целом» [44. С. 317].

В пояснительной записке к проекту «Зеленого города» (авторы М.Я. Гинзбург и М.О. Барщ), а затем и в книге Гинзбурга «Жилище» изложены взгляды на пути обобществления быта: в мелочной регламентации жизни человека была противопоставлена идея сочетания свободы в удовлетворении потребностей с централизацией самой системы обслуживания.

В 1960 г. появляется дипломный проект выпускников Московского архитектурного института (А.Э. Гутнов, И.Г. Лежава, А.В. Бабуров, А.И. Звездин, С.А. Садовский, Н.Д. Кострикин, Е.П. Суханова, З.В. Харитоновна, Н.Б. Гладкова) – концепция современного города, названная «Новым элементом расселения» (НЭР). Ключевое положение – переосмысление архитектурно-планировочной организации города на основе транспортно-коммуникационной структуры, демонстрирующее подход к градостроительству как динамичному процессу.

Среди современных российских исследователей городов следует выделить ученого, доктора технических наук А.Н. Тетиора [39] с теорией «Биопозитивного устойчивого города (экосити)», предложенной в 2000 г. Биопозитивный (биотический) город – поселение, где созданы благоприятные условия для существования всего живого: флоры, фауны и человека. Полноценное развитие флоры и фауны в городе рассматривается как необходимое условие полноценного развития человека, также представляющего собой часть живой природы. Для решения этих задач предлагается, в частности, придавать зданиям и сооружениям свойства «биопозитивности».

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, в эволюции градостроительных теорий «идеального города» прослеживается четкая тенденция: «город-крепость» античной цивилизации; разнообразное количество разумных и утопических идей «как делать город» раннеиндустриальной цивилизации; проблематика разрастания и разгрузки больших городов, функционализм в градостроительстве индустриальной цивилизации; города-хартии под работающими людьми-профессионалов постиндустриальной цивилизации.

Если ранее города формировались под развитие промышленности, то в последние десятилетия определяющим фактором развития городов становится сфера услуг.

Современные градостроительные теории рассматривают вопросы агломераций¹, расселения населения, а не отдельных городов. Системы расселения должны представлять целостную структуру за счет городов различной величины, а также иметь все минимально необходимые и достаточные элементы градостроительного зонирования

(жилые, общественно-деловые, производственные зоны, зоны инженерной и транспортной инфраструктур, зоны рекреационного назначения, зоны особо охраняемых территорий, зоны сельскохозяйственного использования, зоны специального назначения, зоны размещения военных объектов и иные виды территориальных зон).

Во-вторых, в основе любого архитектурного и градостроительного проекта должен быть человек со своими потребностями: биологическими, материальными, социальными, духовными, этическими и т.д. Следует отметить, что большинство российских (ранее советских) городов строились и развивались по принципу «люди к работе» в отличие от западноевропейских «работа к людям»: «"urbsoveticus" – советский город, унаследованный Россией, – это точка приложения труда, а не жизни» [17]. Поскольку в основе города лежат потребности человека, то процесс урбанизации должен являться предметом междисциплинарных исследований географов, социологов, демографов, архитекторов, экономистов, градостроителей и т.д. Следует напомнить, что средой урбанизации является общество: «несводимость урбанизации к росту и развитию городов, что вытекает из понимания урбанизации как широкого общественного процесса» [35. С. 29]. В связи с этим возникает понятие «ложная урбанизация» – стремительный рост численности городского населения, не сопровождаемый ростом числа рабочих мест, обеспеченности жильем и т.д. Так, например: «страна получила не новых горожан, а переехавших сельских жителей, что замедляло формирование городской среды и часто делало города и агломерации (и стиль жизни в них) похожими на большие деревни» [5]. Или наоборот: «все население оказывается в сфере влияния городского образа жизни, городской культуры, новых ценностных ориентаций и т.д., поэтому развитие урбанизации продолжается не столько ширирь, сколько вглубь» [35. С. 12].

В-третьих, концентрация. Урбанизация способствует развитию форм и организации деятельности, интенсивности общения: «концентрация максимально расширяется» [35. С. 39]. В городах, особенно крупнейших и крупных, наблюдаются концентрации, которые авторы настоящей работы условно подразделили на: пространственные, массовые, количественные и объемные. Пространственные концентрации проявляются

в межрайонных различиях по многим показателям внутри города (плотная застройка в центре города, концентрация бизнеса в центре и вследствие этого «экономические пустыни» вокруг города и т.д.). Массовая концентрация населения различных социально-экономических групп в городе вследствие этого варьирует плотность населения. Количественная концентрация в городе финансовых и инвестиционных ресурсов, центров торговли, преступности, мест приложения труда и т.д. Объемная концентрация связана в первую очередь с транспортом, промышленностью и инженерной инфраструктурой: загрязнение воздуха, сточные воды, концентрация пыли, потребление кислорода автомобилями и т.д. Вследствие вышеперечисленных видов концентрации у города как системы возникает эффект эмерджентности – «наличия у системы новых свойств, отсутствующих у ее компонентов» [42. С. 9].

Именно концентрация способствует формированию и развитию трех основных видов эффектов в крупных и крупнейших городах: эффект масштаба, эффект агломерации, эффект урбанизации, а также коллективной эффективности [50], сформулированной Р. Дж. Сэмпсон, В. Рауденбуш, Ф. Эрлс (1997).

В заключение хотелось бы обозначить пять ключевых направлений в развитии городов на прогнозный период 2014–2019 гг., сформулированных в апреле 2013 г. в Докладе Совета управляющих Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам [36]:

- повышение осведомленности о проблемах урбанизации на местном, национальном и глобальном уровнях;
- совершенствование городского планирования, управления и руководства;
- совершенствование политики в области земельных и жилищных ресурсов;
- экологически обоснованная городская инфраструктура и услуги;
- финансирование доступных по цене социального жилья и инфраструктуры. ■

¹ Понятие «урбанизация» шире понятия «расселение».

Источники

1. Алексашина В.В. Идеальный город в контексте философии, экологии, архитектуры // *Academia*. Архитектура и строительство. 2008. № 3. URL: www.stroy-musey.ru/journal/ideality.php
2. Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве: в 2 т. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1935–1937.
3. Анимича Е.Г., Власова Н.Ю. Градостроение: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2010.
4. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / пер. С.А. Жебелева. М.: Мысль, 1983.
5. Артоболевский С. Регулирование городских агломераций в странах Европы (аналитический материал). URL: www.archipelag.ru/agenda/rovestka/evolution/irkutsk/b2_reg_aglomer/
6. Бархин М.Г. Город, структура и композиция. М.: Наука, 1986.
7. Берталани Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: сб. пер. / общ. ред. и вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969.
8. Брудный А.А., Кавтарадзе Д.Н. «Экополис». Введение и проблемы: препринт. Пушино: НЦБИ АН СССР, 1981.
9. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. Градостроительство XX века в странах капиталистического мира: в 2 т. М.: Стройиздат, 1979.
10. Гипподам из Милета. URL: www.arstudia.ru/gippodam/
11. Гиппократ. Сочинения / пер. В.И. Руднева; коммент. В.П. Карпова. М.: Биомедгиз, 1936. Кн. 1. О воздухах, водах и местностях.
12. Говард Э. Города будущего / пер. с англ. А.Ю. Блох. СПб., 1911 (Публикация оригинала – 1898).
13. Горбатенко С. Петр I и Польская архитектура XVIII века. URL: www.povpol.ru/index.php?id=1388
14. Горюнов В.С., Тубли М.П. Архитектура эпохи модерна. Концепции. Направления. Мастера. СПб.: Стройиздат, 1992.
15. Гутнов А.Э., Глызычев В.Л. Мир архитектуры. М.: Молодая гвардия, 1990.
16. Джеффри А.Дж. / Geoffrey Alan Jellicoe (1900–1996). URL: http://academy.dviger.com/virtoteka/show/c_117.html
17. Дулина Н.В. Старые проблемы современного города в координатах «нового урбанизма» (на примере Волгограда) // *Известия Волг. гос. техн. ун-та: межвуз. сб. науч. ст.* Волгоград. 2005. № 6(15).
18. Дэй К. Места, где обитает душа. М.: Изд-во «Ладья», 2000.
19. Дюрер А. Литературное наследие Дюрера // *Трактаты. Дневники. Письма* / пер. Ц. Сельштраус. М.: Искусство, 1957. Т. 1.
20. Иконников А.В. Зарубежная архитектура. От «новой архитектуры» до постмодернизма. М.: Стройиздат, 1982.
21. Иржи Г. Теория города: пер. с чеш. / науч. ред. д.и.н. О.А. Швидковский. М.: Стройиздат, 1972.
22. Колясников В.А. Современная теория и практика градостроительства: территориальное планирование городов: учеб. пособие. Екатеринбург: Архитектон, 2010.
23. Концепция линейного города. URL: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st022.shtml>
24. Королева А. Город как организм. URL: <http://expert.ru/2013/06/24/gorod-kak-organizm/>
25. Коэн Ж.Л. Ле Корбюзье. М.: Арт-Родник, 2008.
26. Леду. URL: www.arhitekto.ru/bxt/7klfr08.shtml
27. Львов С.Л. Гражданин Города Солнца: Повесть о Томмазо Кампанелле. М.: Политиздат, 1979.
28. Милютин Н. Проблемы строительства социалистических городов. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР. М.–Л.: Гос. изд-во, 1930.
29. Михайлов Б.П. Трактат об архитектуре Антонио Аверлино (Филарете) // *Сообщения Института истории искусств*. Вып. 7: Архитектура. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
30. Новый город – «идеальный город»! URL: <http://architecture.artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000003/st020.shtml>
31. Облачева М. Утопия. Город в пространстве, Иона Фридман. URL: http://archi.ru/press/world/press_current.html?nid=2161
32. Облачева М. Утопия. Кибернетический город Николая Шеффера. URL: http://archi.ru/press/russia/2160/issue_present.html?id=170&fl=1&sl=3
33. Ожоги Г., Джонс И., Скамоцци В. // *Annali di architettura*. 2007. № 18–19.
34. Осинковский И.Н. Эразм Роттердамский и Томас Мор: из истории ренессансного христианского гуманизма: учеб. пособие по средним векам для студентов МГПУ. М., 2006.
35. Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация: сущность, факторы и особенности изучения // *Проблемы современной урбанизации* / под ред. Ю.Л. Пивоварова. М.: Статистика, 1972.
36. Программа работы Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам и бюджет Фонда Организации Объединенных Наций для Хабитат и населенных пунктов на двухгодичный период 2014–2015 гг. / Совет управляющих Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам. 15–19 апреля 2013 г. URL: www.unhabitat.org/downloads/docs/9547_6_593424.pdf
37. Путилов С. Тайны «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона // *Наш современник*. 1993. № 2.
38. Ромер П. Первый в мире город-хартия. URL: http://voicefabric.ru/ted/paul_romer/
39. Тетиор А.Н. Устойчивое развитие города. URL: <http://www.leadnet.ru/tet/>
40. Тубли М.П. Антонио Сант-Элиа: от модерна к футуризму. Архитектура мира // *Материалы конференции «Проблемы истории архитектуры»*. Вып. 1. М.: ВНИИТАГ, 1992.
41. Утопическое мышление и архитектура. URL: www.stroyrex.ru/utopicheskoe-myshlenie-i-arhitektura.html
42. Федоров М.В., Пешина Э.В., Гредина О.В., Авдеев П.А. Пентаспираль – концепция производства знаний в инновационной экономике // *Управленец*. 2012. № 3–4.
43. Фремpton К. Современная архитектура: критический взгляд на историю развития. М.: Стройиздат, 1990.
44. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. М.: Стройиздат, 2001. Кн. 2: Социальные проблемы.
45. Хромов С. Мечта об идеальном городе // *Новый акрополь*. 2001. № 3. URL: www.newacropolis.ru/magazines/3_2001/Mecht_o_ideal_gorode/
46. Fuller B.R., Kuromiya Kiyoshi. *Critical Path*. Gordonsville, Virginia, U.S.A.: St. Martin's Press, 1982.
47. Hilberseimer L.K. *The New City. Principles of Planning*. Chicago: Paul Theobald, 1944.
48. Intelligent Buildings: Applications of IT and Building Automation to High Technology Construction Projects / *Seminar Proceedings* (London: Unicom Seminars Limited in Collaboration with the Belgian Institute of Automatic Control Contract Journal and International Construction. Dec. 7th–9th 1987). London: Unicom Seminars Limited, 1987.
49. Register R. *Ecocity Berkeley: Building Cities for a Healthy Future*. North Atlantic Books, 1987.
50. Sampson R.J., Raudenbush W.S., and Earls F. *Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy*. URL: www.d.umn.edu/~jmaahs/MA%20Theory%20Articles/Sampson%20et%20al%20collective%20efficacy.pdf
51. Sert J.L. *Can Our Cities Survive?* New York.: Harvard University Press, 1947.
52. Soleri P. *Arcology: The City in the Image of Man*. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 1969.
53. Willis C.C. Harvey W. Corbett // *Macmillan Encyclopedia of Architects* / ed. A.K. Placzek. New York: The Free Press, 1982.

References

- Aleksashina V.V. Ideal city in the context of philosophy, ecology, architecture. [Idealny gorod v kontekste filosofii, ekologii, arkhitektury]. *Academia. Architecture and construction*, 2008, no. 3. Available at: www.stroy-museum.ru/journal/idealcity.php
- Alberti L.B. Ten books of architecture. [*Desyat' knig o zodchestve*]. Moscow, Izdatelstvo vsesoyuznoy akademii arkhitektury, 1935-1937.
- Aristotelus. Works. [*Sochineniya*]. Vol. 4. Politics. Book seventh. Moscow, Mysl, 1983.
- Artobolevsky S. Regulation of urban agglomerations in European countries (analytical material). [*Regulirovaniye gorodskikh aglomeratsiy v stranakh Evropy (analyticheskiy material)*]. Available at: www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/irkutsk/b2_reg_aglomer/
- Barkhin M.G. City, structure and composition. [*Gorod, struktura i kompozitsiya*]. Moscow, Nauka, 1986.
- Bertalanfi L. fon. General systems theory – critical review. [*Obshchaya teoriya sistem – kriticheskiy obzor*]. Moscow, Progress, 1969, pp. 23–82.
- Brudny A.A., Kavtaradze D.N. Eopolis. Introduction and problems. [*Ekopolis. Vvedeniye i problemy*]. Pushchino, NTsBI AN SSSR, 1981.
- Bunin A.V., Savarenskaya T.F. City building of the XX century in the capitalist countries [*Gradostroitelstvo XX veka v stranakh kapitalisticheskogo mira*]. Moscow, Stroyizdat, 1979.
- Hippodamus of Miletus [*Gippodam iz Mileta*]. Available at: www.arstudia.ru/gippodam/
- Hippocrates. Works. Selected books. "On airs, waters and areas". [*Sochineniya. Izbranniye knigi. "O vozdukhah, vodakh i mestnostyakh"*]. Moscow, Biomedgiz, 1936.
- Govard Ebenizer. The cities of the future. [*Goroda budushchego*]. S.-Petersburg, 1911 (Original publication – 1898), 177 p.
- Gorbatenko S. Peter I and Polish architecture of the XVIII century. [*Pyotr I i polskaya arkhitektura XVIII veka*]. Available at: www.novopol.ru/index.php?id=1388
- Goryunov V.S., Tubli M.P. Architecture of the modern epoch. Concepts. Directions. Masters. [*Arkhitektura epokhi moderna. Konceptsiy. Napravleniya. Mastera*]. S.-Petersburg, Stroyizdat, 1992.
- Animitsa Ye.G., Vlasova N.Yu. City-building. [*Gradovedeniye*]. Yekaterinburg, USUE Publisher, 2010.
- Gutnov A.E., Glyzychev V.L. The world of architecture. [*Mir arkhitektury*]. Moscow, Molodaya gvadiya, 1990.
- Geoffrey Alan Jellicoe. Available at: http://academy.dviger.com/virtoteka/show/c_117.html
- Dulina N.V. Old problems of modern city in the context of "new urbanism" (case of Volgograd) [Stariye problemy sovremennogo goroda v koordinatakh "novogo urbanisma" (na primere Volgograda)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Volgograd State Technical University*, 2005, no. 6(15), pp. 51-58.
- Day C. Places where soul lives. [*Mesta, gde obitayet dusha*]. Moscow, Ladia, 2000, p. 212.
- Durer A. Literary remains of Durer: Treatises. Diaries. Letters. [*Literaturnoye naslediyе Dyurera: Traktaty. Dnevniky. Pisma*]. Moscow, Iskusstvo, 1957, vol. 1.
- Ikonnikov A.V. Foreign architecture. From "new architecture" to postmodernism. [*Zarubezhnaya arkhitektura. Ot "novoy arkhitektury" do postmodernisma*]. Moscow, Stroyizdat, 1982, 256 p.
- Irzi Gruzha. The theory of city. [*Teoriya goroda*]. Moscow, Stroyizdat, 1972.
- Kolyasnikov V.A. Modern theory and practice of the city: territorial planning of the cities. [*Sovremennaya teoriya i praktika gradostroitelstva: territorialnoye planirovaniye gorodov*]. Yekaterinburg, Arkhitekton, 2010.
- The conception of linear city. [*Kontseptsiya lineinogo goroda*]. Available at: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st022.shtml>
- Koroleva A. City as an organism. [*Gorod kak organism*]. Available at: <http://expert.ru/2013/06/24/gorod-kak-organizm/>
- Cohen Jean-Louis. Le Corbusier. [*Le Corbusier*]. Moscow, Art-Rodnik, 2008.
- Ledoux. Available at: www.arhitekto.ru/txt/7klfr08.shtml
- Lvov S.L. The citizen of the City of the Sun: the story about Tommaso Campanella. [*Grazhdanin Goroda Solntsa: Povest o Tommaso Kampanelle*]. Moscow, Politizdat, 1979.
- Milyutin N. Problems of the socialist cities' construction. Basic issues of rational planning and construction of the populated places of the USSR. [*Osnovniye voprosy ratsionalnoy planirovki i stroitelstva naselennykh mest SSSR*]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoye izdatelstvo, 1930.
- Mikhailov B.P. Filarete's treatise on architecture (Antonio Averlino). [Traktat ob arkhitekture Antonio Averlino (Filarete)]. *Soobshcheniya Instituta istorii iskusstv – Notes of the Institute of the History of the Arts*, Iss. 7: Architecture. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1956, pp. 111-136.
- The new city – "the ideal city"! [*Noviy gorod – "idealny gorod"*]. Available at: <http://architecture.artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000003/st020.shtml>
- Oblacheva M. Utopia. City in space, Iona Freedman. [*Utopia. Gorod v prostanstve, Iona Freedman*]. Available at: http://archi.ru/press/world/press_current.html?nid=2161
- Oblacheva M. Utopia. Nicolas Sheffer's cybernetic city. [*Utopia. Kiberneticheskiy gorod Nikolya Sheffera*]. Available at: http://archi.ru/press/russia/2160/issue_present.html?id=170&fl=1&sl=3
- Ogioggi Haward, Jones Inigo and Skamozzi Vincenzo. *Annalidiarchitettura*, 2007, no. 18-19.
- Osinovsky I.N. Erasmo da Rotterdam and Thomas Moor: from the history of the Renaissance Christian Humanism. [*Erasm Rotterdamskiy i Tomas Mor: iz istorii renesansnogo khristianskogo gumanisma*]. Moscow, 2006, 217 p.
- Pivovarov Yu.L. Modern urbanization: essence, factors and particularities of the study. Problems of the urbanization modernization. [*Sovremennaya urbanizatsiya: sushchnost, faktory i osobennosti izucheniya. Problemy modernizatsii urbanizatsii*]. Moscow, Statistika, 1972.
- Paul Romer: The first in the world city-charter. [*Perviy v mire gorod-khartiya*]. Available at: http://voicfabric.ru/ted/paul_romer/
- The Working programme of the United Nations Human Settlements Programme and the budget of the United Nations Fund for Habitat and human settlements for a two-year period of 2014–2015 [*Programma raboty Programmy Organizatsii Obyedinennykh Natsiy po naselelym punktam i byudzhет Fonda Organizatsii Obyedinennykh Natsiy dlya Khabitat i naselelykh punktov na dvukhgodichnyy period 2014–2015*]. Council of the United Nations Human Settlements Programme. April 15–19, 2013. Available at: www.unhabitat.org/downloads/docs/9547_6_593424.pdf
- Putilov S. The mysteries of the "New Atlántida" by F. Backon. [Tayny "Novoy Atlantidy" F. Bekona]. *Nash sovremennik – Our Contemporary*, 1993, no. 2, pp. 171-176.
- Tetior A.N. Sustainable development of the city. [*Ustoichivoye razvitiye goroda*]. Available at: www.leadnet.ru/tet/
- Tubli M.P., Antonio Sant-Elia: from modern to futurism. World architecture. *Problemy istorii arkhitektury: Materialy konferentsii* (Problems of the architecture history: proceedings of the conference), Iss. 1. Moscow, VNIITAG, 1992.
- Utopia thinking and architecture. [*Utopicheskoye myshleniye i arkhitektura*]. Available at: www.stroy-pex.ru/utopicheskoe-myshlenie-i-arkhitektura.html
- Fyodorov M.V., Peshina E.V., Gredina O.V., Avdeev P.A. Pentahelix as a concept of knowledge production in innovative economy. [Pentaspiral' – kontseptsiya proizvodstva znaniy v innovatsionnoy ekonomike]. *Upravlenets – Manager*, 2012, no. 3-4, p. 9.
- Frempton K. Modern architecture: a critical history. [*Sovremennaya arkhitektura: kriticheskiy vzglyad na istoriyu razvitiya*]. Moscow, Stroyizdat, 1990.
- Khan-Magomedov S.O. Architecture of the soviet avant-garde. Vol. 2. Social problems. [*Arkhitektura sovetskogo avangarda. Kniga 2. Sotsialnye problemy*]. Moscow, Stroyizdat, 2001.
- Khromov S. The dream of ideal city. [Mechta ob idealnom gorode]. *Noviy Akropol – The New Acropolis*, 2001, no. 3. Available at: www.newacropolis.ru/magazines/3_2001/Mecht_o_ideal_gorode/
- Buckminster Fuller, Richard, Kuromiya Kiyoshi. Critical Path. Gordonsville, Virginia, U.S.A.: St. Martin's Press, 1982.
- Hilberseimer L.K. The New City. Principles of Planning. Chicago: Paul Theobald, 1944.
- Intelligent Buildings: Applications of IT and Building Automation to High Technology Construction projects / Seminar Proceedings. London: Unicom Seminars Limited in Collaboration with the Belgian Institute of Automatic Control Contract Journal and International Construction Dec. 7th–9th 1987. London: Unicom Seminars Limited, 1987. p. 264.
- Register R. Ecocity Berkeley: Building Cities for a Healthy Future. North Atlantic Books, 1987.
- Sampson R.J., Stephen W.R. and Felton Earls. Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy. URL: www.d.umn.edu/~jmaahs/MA%20Theory%20Articles/Sampson%20et%20al%20collective%20efficacy.pdf
- Sert J.L. Can Our Cities Survive? New York: Harvard University Press, 1947, p. 242.
- Soleri P. Arcology: The City in the Image of Man. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 1969.
- Willis C.C. Harvey W. Macmillan. Encyclopedia of Architects, ed. Adolf K. Placzek. New York: The Free Press, 1982, pp. 451-452.

Обоснование приоритетных направлений оптимизации социально-демографического развития субъектов УрФО*

Конкретные направления деятельности и приоритеты в сфере улучшения социально-демографической ситуации реализуются как на федеральном, так и на региональном уровне. Регионы России становятся не только объектами, но и субъектами развития, активно формируют свои долгосрочные стратегические цели и вырабатывают пути их достижения. Об этом свидетельствует практика разработки региональных стратегий, развернувшаяся в субъектах РФ по их собственной инициативе. Данные стратегии объединяет главная цель – обеспечение достойного уровня и качества жизни населения, современных стандартов его материального и духовного благополучия, основанное на сбалансированном росте экономики, эффективном государственном управлении и местном самоуправлении, интенсивном развитии потенциальных возможностей и традиционных ценностей. Несмотря на определенные позитивные изменения в социально-демографическом развитии, необходима дальнейшая работа по уточнению поставленных задач и целевых ориентиров социально-демографического развития для разных уровней реализации управленческого воздействия.

Российские тенденции процессов воспроизводства связаны не только с событиями последних 15–20 лет. Первый этап четко прослеживается с 1960-х годов (рис. 1, сектор А), когда рождаемость впервые опустилась ниже уровня простого воспроизводства населения, а страна вступила в период скрытой депопуляции.

Второй этап (рис. 1, сектор В), в отечественной демографии получивший название «русский крест», характеризуется сменой естественного прироста убылью населения. Для нового периода суженного воспроизводства (рис. 1, сектор С) характерно медленное синхронное «покачивание» кривых рождаемости и смертности населения. Потенциальные варианты дальнейшего социально-демографического развития России зависят от причин происходящих изменений.

Социально-демографическое развитие регионов России носит двойственный характер (рис. 2). С одной стороны, социально-демографические процессы проходят в рамках *глобальных закономерностей развития*, под воздействием изменения системы ценностей и образа жизни, а также отношения к образованию, здравоохранению и другим отраслям социальной сферы.

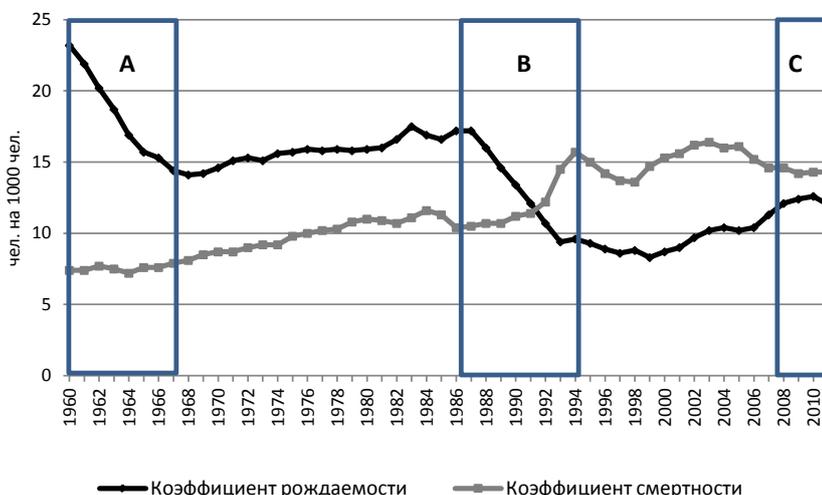

Рис. 1. Общие коэффициенты рождаемости и смертности в Российской Федерации за 1960–2011 гг. [6; 7]

▶ **ВАСИЛЬЕВА Елена Витальевна**
Кандидат экономических наук,
научный сотрудник

**Институт экономики
Уральского отделения РАН
620014, РФ, г. Екатеринбург,
ул. Московская, 29
Тел.: (343) 371-57-06
E-mail: elvitvas@ya.ru**

Ключевые слова

НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
СУБЪЕКТЫ УрФО
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ
МАКСИМИЗАЦИЯ УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ
МИНИМИЗАЦИЯ
УРОВНЯ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация

В статье обоснованы приоритетные направления оптимизации социально-демографических процессов в субъектах УрФО. Данные направления позволяют снизить смертность, улучшить ситуацию в области рождаемости и в то же время смягчить неблагоприятные последствия тех социально-демографических тенденций, которые не могут быть изменены в ближайшее время.

JEL classification

J1

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант №11-06-00044-а «Социально-демографическое развитие регионов России: диагностика, прогнозирование и оптимизация управления»).

The Rationale for Prioritized Directions in Optimising Social-Demographic Development of Subjects of the Ural Federal District

► **Yelena V. VASILYEVA**

Cand. Sc. (Ec.), Research Fellow

**Institute of Economics
(Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences)
620014, RF, Yekaterinburg,
ul. Moskovskaya, 29
Phone: (343) 371-57-06
E-mail: elvitvas@ya.ru**

Key words

DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OPTIMIZATION
SOCIAL-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT
SUBJECTS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT
QUALITY OF LIVING
MAXIMIZING BIRTH RATE
MINIMIZING DEATH RATE

Summary

In the paper the prioritized directions in optimising social-demographic processes in the subjects of the Ural Federal District are proved. These priorities will allow to reduce death rate, improve birth rate as well as alleviate adverse effects of those social-demographic tendencies which cannot be changed soon.

JEL classification

J1

В поддержании определенных темпов роста населения государство заинтересовано больше, чем отдельная семья. Экономическая ценность детей для семьи сейчас скорее отрицательная, чем положительная, дети для нее являются объектом длительных «капитальных» вложений. Согласно новой экономике семьи Г. Беккера, большие затраты семьи на одного ребенка делают каждого ребенка более «дорогостоящим» и сокращают еще более спрос на количество детей. В современной семье потребность в детях реализуется в форме замены большего количества детей ростом «качества» одного ребенка, т.е. возрастанием затрат на здоровье, воспитание и образование одного ребенка [19]. Т. Шульц доказал экономическую целесообразность крупных вложений капитала – как частных, так и государственных – в человеческий фактор [20. P. 26–28]. Мобилизация огромных ресурсов, включая расходы на здравоохранение, охрану окружающей среды, развитие научных исследований, а также существенный пересмотр законодательных актов, связанных с охраной здоровья, позволили развить социальную инфраструктуру и тем самым ограничить неблагоприятное воздействие факторов физической и социальной среды на социально-демографическое развитие. В результате происходит изменение модели смертности по причинам смерти, смещение центра тяжести с причин, слабо связанных с возрастом, на причины, сильно связанные с ним [13]. Д. Ван де Каа рассматривает второй демографический переход как результат движения общественного сознания от консерватизма к прогрессивности, при этом прогрессивность понимается как толерантность и восприимчивость к новым ценностям и моделям поведения [21]. Изменения демографических характеристик связаны не только с естественным воспроизводством, но и с возросшей мобильностью населения. Иммиграция вносит значимый вклад в динамику численности местного насе-

ления и в изменение его состава. Это позволило Д. Коулмену сформулировать концепцию третьего демографического перехода – особой фазы развития населения страны, в течение которой наиболее значимый вклад в динамику численности населения вносит миграция [9; 10].

С другой стороны, современные социально-демографические тенденции в России обусловлены социально-экономическими изменениями, спровоцированными российскими аномалиями (значительную социальную дифференциацию населения, высокий уровень смертности, особенно у мужчин и от предотвратимых причин). Особое значение с точки зрения *региональных особенностей* социально-демографического развития имеет функционирование институтов. Под воздействием резких изменений внешней среды – экономической, политической, природной и др. – возникают деструктивные состояния в функционировании институтов, так называемые «институциональные ловушки» [14]. Рыночные реформы 1990-х годов повлияли на формирование таких ловушек. По мнению Н. Римашевской, реформы нанесли ущерб социально-демографическому развитию посредством существенного снижения качества условий и уровня жизни, социальных напряжений и нестабильности, непреодолимых трудностей адаптации перехода к рынку [15]. Совокупность патологических процессов, которые в ходе реформ вызвали развитие сверхвысокой и сверххранной смертности лиц трудоспособного возраста, ухудшение состояния здоровья и отрицательный естественный прирост населения, Б. Величковским обозначена как социальный стресс [6].

Таким образом, возможности социально-демографического развития ограничены общемировыми закономерностями воспроизводства населения, а также региональными особенностями, которые складываются под воздействием экономических, социальных, природно-климатических, геогра-

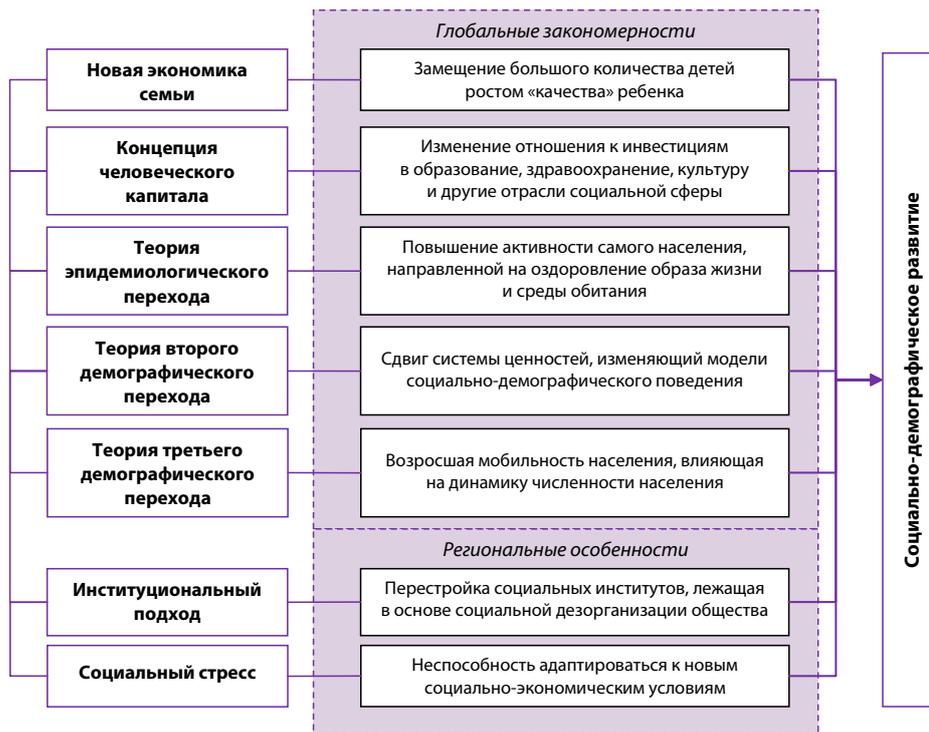

Рис. 2. Современные подходы к исследованию социально-демографического развития России

фических и экологических условий региона. Региональные особенности могут «затушевать» или затормозить проявления общемировых тенденции, но не ликвидировать их. В этих условиях особое значение приобретает оптимизация социально-демографических процессов в регионе.

Методология и методы. Оптимизация социально-демографических процессов в регионе – это формирование благоприятных тенденций для устойчивого воспроизводства населения в регионе на основе:

- максимизации уровня рождаемости в условиях перехода к модели малодетной семьи путем формирования материальных и духовно-нравственных мотиваций;
- минимизации уровня смертности путем адаптации населения к изменяющимся социально-экономическим условиям, формирования благоприятной среды обитания в регионе и повышения активности самого населения в направлении оздоровления образа жизни.

Возможности максимизации рождаемости только за счет материальных мотиваций при формировании модели нуклеарной семьи ограничены ценностными ориентациями населения. Материальные мотивации позволят максимизировать уровень рождаемости за счет более полной реализации потребностей семей в детях, по экономическим и сопряженным с ними соображениям

откладываемых, а духовно-нравственные мотивации существенно повысят уровень рождаемости в долгосрочной перспективе.

При минимизации уровня смертности необходимо учитывать такой важный резерв ее снижения, как естественная убыль трудоспособного населения. Динамика смертности трудоспособных когорт вызывает необходимость проведения срочных мер, тем более что смертность, в отличие от рождаемости, сильно зависит от материального благосостояния. Увеличение финансирования медицинского обслуживания населения является обязательным, но не достаточным фактором минимизации уровня смертности, требуется радикальное изменение образа жизни населения. Инициатива по минимизации смертности должна перейти к населению, поскольку источники опасности для здоровья и жизни сегодня часто находятся вне сферы прямого влияния медицины – в питании, окружающей среде, в привычках, поведении и стиле жизни.

Всесторонний анализ социально-демографических процессов с позиций общемирового развития и региональных особенностей позволит обосновать приоритетные направления их оптимизации. В качестве метода анализа используются комплексная методика диагностики качества жизни [8] и методика оценки эффективности управления социально-демографическими про-

цессами региона [4]. В основу методик положены методы и процедуры индикативного анализа. Суть индикативного анализа заключается в получении интегральной оценки на основе совокупности индикаторов [12]. Алгоритм диагностики социально-демографических процессов в регионе включает 4 этапа.

Этап 1. Формирование индикаторов. С целью всесторонней диагностики социально-демографических процессов в регионе, выявления их природы и оценки управления ими перечень индикаторов отражает:

- различные аспекты качества жизни населения региона (качество населения, занятость населения, уровень и условия жизни, приемлемость для проживания природной окружающей среды, безопасность личности, детерминанты внутренней и внешней миграции, социальная защищенность населения);
- процессы, протекающие в рамках общемировых социально-демографических закономерностей и отражающие региональные особенности их проявления;
- уровень финансирования социально-демографического развития региона.

Этап 2. Определение порогов. Каждому индикатору соответствует шкала допустимых значений его изменения (порогов). Поскольку существуют объективные различия в условиях развития регионов, то по отдельным индикаторам пороги являются дифференцированными для федеральных округов и субъектов РФ. Все субъекты группируются в сходные группы по значениям порогов индикаторов на основании классификационных признаков (возрастной состав, доля городского населения, плотность населения, природно-климатические условия, степень освоенности региона, степень развитости и структура промышленного производства, уровень среднедушевого ВРП и географическое положение региона).

Этап 3. Создание электронной базы данных. Значения индикаторов берутся напрямую из данных статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики, Министерства здравоохранения и социального развития РФ, Федерального казначейства (Казначейство России) и др.

Этап 4. Получение оценки. В рамках методики ставится задача получения как оценки состояния по отдельным индикаторам, так и интегральной оценки. Для получения таких оценок необходимо преобразовать значения индикаторов,

Направления и мероприятия оптимизации социально-демографического развития
Уральского федерального округа

	Приоритетные направления	Мероприятия
Максимизация уровня рождаемости	Полное удовлетворение потребности семей в детях	Для субъектов УрФО: <ul style="list-style-type: none"> • совершенствование системы пособий и льгот семьям в связи с рождением и воспитанием детей; • содействие молодым семьям в лечении бесплодия; • развитие рынка услуг по уходу за детьми; • обеспечение доступности и повышение качества медицинской помощи по восстановлению репродуктивного здоровья; • создание сети пунктов предабортного консультирования. Для Курганской и Свердловской областей: <ul style="list-style-type: none"> • содействие молодым семьям в приобретении жилья
	Укрепление социального института семьи и формирование ориентации населения на расширенное воспроизводство	Для субъектов УрФО: <ul style="list-style-type: none"> • формирование семейных ценностей, повышение престижа семьи, родительского труда по воспитанию нескольких детей; • содействие занятости женщин, имеющих детей
Минимизация уровня смертности	Устранение экзогенных факторов смертности населения и более полная реализация эндогенного потенциала здоровья населения	Для субъектов УрФО: <ul style="list-style-type: none"> • повышение качества оказания медицинской помощи; • повышение доступности оказания медицинской помощи. Для Курганской, Свердловской и Челябинской областей: <ul style="list-style-type: none"> • развитие центров медико-социальной поддержки граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Для Курганской области: <ul style="list-style-type: none"> • повышение оперативности и качества оказания медицинской помощи пострадавшим в ДТП. Для ХМАО и ЯНАО: <ul style="list-style-type: none"> • профилактика профессиональных заболеваний
	Повышение активности населения в направлении оздоровления образа жизни	Для субъектов УрФО: <ul style="list-style-type: none"> • пропаганда занятий спортом, активного отдыха; • обеспечение доступности для населения здорового питания

выраженные в различных единицах измерения, в нормализованные значения. Нормализованная оценка индикатора рассчитывается путем сопоставления фактических (текущих) значений индикаторов с их порогами. Для получения интегральной оценки применяется правило средневзвешенной оценки, где в качестве весов используются балльные оценки по отдельным индикаторам. Оценка эффективности управления социально-демографическими процессами региона проводится путем сопоставления полученных нормализованных оценок каждого индикатора социально-демографических процессов и уровня финансирования отдельной социально значимой статьи бюджета. В зависимости от данного соотношения определяется эффективность управления социально-демографическими процессами по 6 зонам с различной степенью эффективности.

Анализ социально-демографической ситуации. На основании методик проведен анализ качества жизни и управления социально-демографическими процессами в субъектах УрФО и выявлены следующие тенденции.

1. Субъекты УрФО не являются полностью благополучными с точки зрения качества жизни. В первую очередь это обусловлено состоянием социальной и природной среды в субъектах. В округе сохраняются низкие условия жизни населения, неразвитость социальной инфраструктуры и напряженная криминогенная ситуация. Кроме того, добывающие и металлургические предприятия УрФО негативно влияют на экологическую обстановку. Несмотря на положительные сдвиги, состояние здоровья населения округа вызывает серьезные опасения за качество населения. Относительно благоприятная ситуация отмечена в Тюменской области, она характеризуется критической стадией предкризиса. Кризисная ситуация в течение всего рассматриваемого периода наблюдалась в Курганской области и Ямало-Ненецком АО. Неблагополучная ситуация в Курганской области вызвана сохраняющейся депрессивностью ее экономики и, как следствие, повышенной безработицей, низкими доходами населения, распространённостью асоциального образа жизни, ростом числа социально значимых заболеваний, в результате в области

наблюдается устойчивый миграционный отток. Результат диагностики Ямало-Ненецкого автономного округа связан с его узкоспециализированной сырьевой экономикой и суровыми природно-климатическими условиями, которые приводят к высокой стоимости жизни, дифференциации населения по доходам, тяжелым условиям труда и миграционному оттоку населения [3; 5; 17].

2. Субъекты УрФО по социально-демографическим процессам, несмотря на благоприятную тенденцию, характеризуются аномалиями на протяжении всего рассматриваемого периода, особенно по процессам смертности населения. Необходимо отметить, что низкая рождаемость, безусловно, является главной причиной сокращения населения. Однако, в отличие от чрезвычайно высокой смертности, не представляет собой исключительное явление, сходный уровень рождаемости наблюдается во многих развитых странах в рамках второго демографического перехода. Во всех субъектах округа итоговая рождаемость формируется в гораздо более зрелом возрасте. Социально-демографические аномалии процессов рождаемости проявляются в методах регулирования рождаемости, значительный вес в которых имеют прерывания беременности, несмотря на положительную тенденцию их снижения [18]. Тенденции же смертности населения УрФО с наибольшим основанием могут быть охарактеризованы как аномальные, степень остроты и долгосрочности которых в значительной степени зависит от социально-экономического развития региона (уровень бедности, условия жизни, доступность услуг социальной сферы). В этом плане Курганская область является наиболее проблемным из субъектов УрФО, более благополучно выглядят Свердловская и Челябинская области. В Тюменской области и автономных округах более молодая структура их населения влияет на структуру смертности: наблюдается более высокий уровень смертности от экзогенных причин и в трудоспособном возрасте.

3. В 2011 г. уровень финансирования социально значимых статей бюджета субъектов УрФО классифицировался как низкий, хотя динамика основных показателей финансирования свидетельствует об увеличении финансовых средств. Таким образом, рост объема финансирования происходит не столько под влиянием социально-демографических процессов, сколько в связи

с уровнем социально-экономического развития, приближающимся к уровню развитых стран. Благодаря более высокой бюджетной обеспеченности Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа имеют больше финансовых возможностей решать социально-демографические проблемы [1; 2].

4. Управление социально-демографическими процессами в округе классифицируется как неэффективное. Челябинская область и Ханты-Мансийский АО относятся к I зоне эффективности управления (привлечение дополнительных ресурсов и перераспределение средств внутри статьи), Курганская и Свердловская области – ко II зоне (привлечение дополнительных ресурсов), Тюменская область и Ямало-Ненецкий АО – к VI зоне (перераспределение средств внутри статьи бюджета). Субъекты УрФО требуют особого внимания при принятии управленческих решений, поскольку проблема недофинансирования здесь дополняется наличием социально-демографических аномалий [11].

Приоритетные направления оптимизации. Анализ социально-демографической ситуации указал на необходимость формирования приоритетных направлений оптимизации социально-демографических процессов в УрФО. Предлагаемые направления не противоречат существующим концепциям и стратегиям социально-экономического и демографического развития региона. Основной акцент в них сделан на уточнении поставленных задач и целевых ориентиров социально-демографического развития с учетом общемировых закономерностей развития и региональных особенностей. Как показал анализ социально-демографических процессов в субъектах УрФО, несмотря на принимаемые меры и положительные изменения в динамике состояния рассматриваемой сферы в последние годы, ситуация по ряду проблем продолжает оставаться критичной. Поскольку социально-демографические процессы связаны с укладом жизни и средой проживания, то для формирования направлений оптимизации выделены не только социально-демографические аномалии, но и кризисные состояния составляющих качества жизни в каждом субъекте УрФО. По каждому направлению оптимизации сформированы мероприятия для субъектов УрФО (см. таблицу).

Мероприятия по направлению «**Полное удовлетворение потребности семей в детях**»

1. *Совершенствование системы пособий и льгот семьям в связи с рождением и воспитанием детей.* Система пособий и льгот призвана сглаживать различия между разными категориями семей. Значительные различия в уровне жизни семей связаны с их детностью, поэтому более существенная поддержка семей с большим числом детей будет одновременно способствовать сглаживанию этих различий и стимулированию рождения нескольких детей. При равном (без учета числа детей) размере пособий и льгот получается, что основные средства направляются на поддержку однопородных семей. В то же время добровольный отказ от рождения первенца не имеет массового распространения, и вряд ли следует акцентировать внимание на стимулировании первых рождений. Только существенное увеличение доли вторых и особенно третьих обеспечит прекращение убыли населения.

2. *Содействие молодым семьям в лечении бесплодия.* Следует предусмотреть возможность частичной или полной компенсации молодым семьям затрат на лечение бесплодия.

3. *Развитие рынка услуг по уходу за детьми.* Сегодня высшее и среднее профессиональное образование стало массовым, женщины этих образовательных групп составляют значительный сегмент на рынке труда. Если рост рождаемости не будет сопровождаться развитием рынка социальных услуг по воспитанию и образованию детей, то либо потенциал рождаемости у этих групп не будет реализован, либо женщины значительно сократят свое участие на рынке труда, что будет усугублять негативные тенденции на нем при наличии дефицита трудовых ресурсов. Существует необходимость в развитии и поддержке инфраструктуры дошкольного обучения и воспитания, обеспечении доступности услуг дошкольного образования для всех слоев населения, в том числе за счет расширения мест в семейных, негосударственных, корпоративных детских садах. Данные мероприятия должны учитывать неизбежный демографический спад, связанный с провалом 1992–2003 гг., и предусматривать возможность совмещения их со школами или в перспективе их репрофилирование.

4. *Обеспечение доступности и повышение качества медицинской помощи по восстановлению репродуктивного здоровья,* в том числе использование вспомогательных репродуктивных технологий. Создание специализированных

медико-социальных центров, способствующих повышению знаний подростков о методах и средствах контрацепции, повышение доступности служб по охране репродуктивного здоровья подростков с целью его улучшения.

5. *Создание сети пунктов пред-абортного консультирования.* Сделать обязательным посещение женщиной психолога перед принятием окончательного решения. Организовать консультации и клинические обследования с целью предупреждения нежелательных беременностей.

6. *Содействие молодым семьям в приобретении жилья.* В Курганской и Свердловской областях ситуация на рынке жилья достаточно напряженная. Целесообразно ввести льготный порядок списания части долга при рождении детей, а также установить льготы по сумме первоначального взноса в зависимости от наличия и числа детей. Учет числа детей в семье при определении суммы первоначального взноса обеспечит выравнивание возможностей бездетных и имеющих детей молодых семей, поскольку среднедушевые доходы в семьях с детьми ниже.

Мероприятия по направлению «**Укрепление социального института семьи и формирование ориентации населения на расширенное воспроизводство**»

1. *Формирование семейных ценностей, повышение престижа семьи, родительского труда по воспитанию нескольких детей.* Важными направлениями по повышению рождаемости являются формирование установок на создание семьи, регистрацию брака и его сохранение, подготовка детей и подростков к семейной жизни, оказание психологической помощи семьям на разных стадиях жизнедеятельности, развитие семейного досуга и отдыха. Подготовка детей и подростков к семейной жизни должна быть ориентирована на формирование ценностей семьи, предпочтительности ее в форме зарегистрированного брака с несколькими детьми, на развитие навыков семейной жизни. Разнообразные методы – от компьютерных игр, имитирующих образ жизни семьи, до тестирования будущих супругов при подаче заявления на регистрацию брака – позволят подготовить молодых людей к супружеству и, возможно, предотвратить распад части молодых супружеских пар. С этой целью необходимо создание сети психологических консультаций и подготовка психологов для работы с семьями, со-

действие формированию установок супругов на возможность и целесообразность обращения в психологические консультации. Важно также максимально способствовать развитию семейного отдыха и досуга.

2. Содействие занятости женщин, имеющих детей. Часть женщин отказывается от рождения первого или очередного ребенка в связи с опасением потерять квалификацию, «отстать» от своих коллег за период нахождения в отпуске по уходу за ребенком. Поэтому важно создавать благоприятные условия для сочетания трудовой деятельности вне дома с осуществлением родительской функции. С этой целью необходимо обеспечить возможность бесплатного повышения квалификации, переподготовки по востребованным специальностям.

Мероприятия по направлению **«Устранение экзогенных факторов смертности населения и более полная реализация эндогенного потенциала здоровья населения»**

1. Повышение качества оказания медицинской помощи. Создание комплексной системы профилактики факторов риска, ранней диагностики с применением передовых технологий, внедрения образовательных программ, направленных на предупреждение развития указанных заболеваний. Улучшение материально-технического обеспечения учреждений здравоохранения, оказывающих помощь, в том числе экстренную, оснащение и кадровое обеспечение учреждений здравоохранения в соответствии со стандартами, повышение доступности высокотехнологичной медицинской помощи, а также развитие системы восстановительного лечения и реабилитации.

2. Повышение доступности оказания медицинской помощи. Внедрение технологий телемедицинской консультации, т.е. консультации у врача-специалиста, находящегося в удаленном медицинском учреждении, которые осуществляются при помощи передачи сведений о состоянии здоровья пациента по электронным каналам связи с использованием компьютерной, фото- и видеоаппаратуры, для обеспечения доступности медицинской помощи для жителей сельской местности и отдаленных районов Севера.

3. Повышение оперативности и качества оказания медицинской помощи

пострадавшим в ДТП. Оснащение специализированного санитарного автотранспорта и трассовых медицинских пунктов средствами безопасной транспортировки и системы «ГЛОНАСС».

4. Профилактика профессиональных и профессионально обусловленных заболеваний. Медико-профилактические мероприятия, включающие своевременное проведение предварительных и периодических медицинских осмотров в лечебно-профилактическом учреждении и центре профпатологии, что способствует раннему выявлению профессиональной патологии; своевременное направление лиц с подозрением на наличие профессионального заболевания в центр профпатологии на экспертизу связи заболевания с профессией; взятие на учет и диспансерное наблюдение лиц с нарушением здоровья, своевременное лечение и реабилитация этих лиц.

5. Развитие центров медико-социальной поддержки граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, с целью снижения риска заболеваемости, девиаций и смертности, включая поддержку некоммерческих организаций, осуществляющих данные виды деятельности. Одним из ключевых условий социальной адаптации населения является наличие возможности трудоустройства. Развитие сети кризисных и реабилитационных центров, суицидологических кабинетов на базе ЛПУ. Мониторинг и формирование банка данных о лицах, проявляющих суицидальные тенденции или страдающих депрессией. Обучение в рамках образовательной программы учащихся старших классов, средних учебных заведений и вузов методам адаптации к стрессовым ситуациям, способам оказания психологической поддержки в кризисных ситуациях (на уроках ОБЖ, валеологии).

Мероприятия по направлению **«Повышение активности населения в направлении оздоровления образа жизни»**

1. Пропаганда занятий спортом, активного отдыха. Реконструкция материально-технической базы для проведения физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий с целью вовлечения в активные занятия физической культурой. Сокращение деформации, которой подвергся детский спорт: число спортивных школ и секций растет, но в большинстве своем они ориентированы только на перспективы перехода в большой спорт.

2. Обеспечение доступности здорового питания для населения. Большие риски для здоровья населения несет неправильное и несбалансированное питание. С этой целью необходимо обеспечение поддержки и развития предприятий сети быстрого питания, следующих рецептам низкокалорийной, бесхолестериновой, несолевой диеты.

Представленное обоснование приоритетных направлений оптимизации социально-демографического развития субъектов УрФО основывается на оценке возможностей и границ этого развития, а также эффективности управления социально-демографическими процессами. Данные направления нацелены как на количественно улучшение показателей воспроизводства населения, так и на его структурные преобразования, поскольку не все сложившиеся тенденции поддаются коррекции. Мероприятия в рамках приоритетных направлений включают в себя не только усилия по изменению неблагоприятных тенденций, но и меры по адаптации к тем из них, изменить которые невозможно. ■

Источники

1. Агарков Г.А., Найдёнов А.С., Чусова А.Е. Динамика теневого сектора экономики под воздействием глобализации и научно-технического прогресса // Журнал экономической теории. 2010. № 4.
2. Васильева А.В., Васильева Е.В., Тюлюкин В.А. Моделирование влияния бюджетного финансирования на социально-демографические процессы региона // Экономика региона. 2012. № 2.
3. Васильева Е.В. Межрегиональная дифференциация качества жизни населения России // Экономика региона. 2010. № 4.
4. Васильева Е.В. Социально-демографическое развитие Уральского федерального округа: диагностика, прогнозирование и оценка эффективности управления / под ред. А.А. Куклина. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2012.
5. Васильева Е.В., Гурбан И.А. Диагностика качества жизни населения регионов России // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 4.
6. Величковский Б.Т. Жизнеспособность Нации. Роль социального стресса и генетических особенностей популяции в развитии демографического кризиса и изменении состояния здоровья населения России. М.: РАМН, 2009.
7. Естественное движение населения (оперативная информация за январь-декабрь 2011 г.) / Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru/free_doc/2011/demo/edn12-11.htm.
8. Комплексная методика диагностики качества жизни в регионе / под ред. А.И. Татаркина, А.А. Куклина. 2-е изд., испр., доп. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010.
9. Коулмен Д. Иммиграции и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход в действии // Миграция и развитие. М.: СП «Мысль», 2007.
10. Коулмен Д. Третий демографический переход? // Демоскоп Weekly. URL: www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php.
11. Куклин А.А., Васильева Е.В. Методический подход к оценке эффективности управления социально-демографическими процессами в регионе // Известия Уральского государственного экономического университета. 2012. № 3.
12. Мызин А.Л., Пыхов П.А., Денисова О.А. Программно-технический комплекс диагностики энергетической безопасности региона // Экономика региона. 2012. № 2.
13. Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. М., 1977.
14. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.
15. Римащевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. М.: ИСЭПН РАН, 2003.
16. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения / Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/vita1_bd.htm.
17. Татаркин А.И., Куклин А.А., Васильева Е.В., Никулина Н.Л. Качество жизни как системная доминанта повышения экономической безопасности региона // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 11.
18. Черепанова А.В., Васильева Е.В. Проблемы и перспективы социально-демографического развития регионов России (на примере Свердловской области) // Экономика региона. 2011. № 1.
19. Becker G.S. The Economic Approach to Human Behavior. University of Chicago Press, 1978.
20. Shultz T. Investment in Human Capital. New York, London, 1971.
21. Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin. 1988. Vol. 42. №1.

References

1. Agarkov G.A., Naidyonov A.S., Chusova A.Ye Dynamics of shadow sector of economy as a result of globalization and scientific and technical progress. [Dinamika tenevogo sektora ekonomiki pod vozdeystviem globalizatsii i NTP]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii – Journal of economic theory*, 2010, no. 4, pp. 7-17.
2. Vasilyeva A.V., Vasilyeva Ye.V., Tyulyukin V.A. Modelling the influence of budgetary financing on social-demographic processes of the region. [Modelirovaniye vliyaniya byudzhethnogo finansirovaniya na sotsialno-demographicheskiye protsessy regiona]. *Ekonomika regiona – Region's economy*, 2012, no. 2, pp. 266–276.
3. Vasilyeva Ye.V. Interregional differentiation of quality of living of Russia's population. [Mezhregionalnaya differentsiatsiya kachestva zhizni naseleniya Rossii]. *Ekonomika regiona – Region's economy*, 2010, no. 4, pp. 234–242.
4. Vasilyeva Ye.V. Social-demographic development of the Ural Federal District: diagnostics, forecasting and management efficiency assessment. [Sotsialno-demographicheskoye razvitiye UrFO]. Yekaterinburg: Institute of Economics of URO RAS, 2012.
5. Vasilyeva Ye.V., Gurban I.A. Diagnostics of quality of living of the population of Russia's regions. [Diagnostics kachestva zhizni naseleniya regionov Rossii]. *Vestnik TGU – Herald of Tyumen State University*, 2010, no. 4, pp. 186–192.
6. Velichkovskiy B.T. Viability of nation. Role of a social stress and genetic features of population in development of demographic crisis and change of condition of health of the population of Russia. [Zhiznospособnost' natsii]. Moscow, RAMN, 2009.
7. Natural movement of population (current information Jan.–Dec. 2011). [Yestestvennoye dvizheniye naseleniya]. Federal State Statistics Service. Available at: www.gks.ru/free_doc/2011/demo/edn12-11.htm.
8. Tatarkin A.I., Kuklin A.A. et al. Complex method of diagnostics of quality of living in the region. [Kompleksnaya metodika diagnostiki kachestva zhizni v regione]. Yekaterinburg: Institute of Economics of URO RAS, 2010.
9. Coleman D. Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition *Population and Development Review. Migratsiya i razvitiye – Migration and Development*. Moscow, Mysl', 2007, pp. 12–48.
10. Coleman D. The Third Demographic Transition. [Tretiy demographicheskii perekhod]. *Demoskop Weekly*. Available at: www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php.
11. Kuklin A.A., Vasilyeva E.V. Methodical approach to assess the efficiency of the social-demographic processes management in a region. [Metodicheskiy podkhod k otsenke effektivnosti upravleniya...]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – The News of Urals State University of Economics*, 2012, no. 3, pp. 79–86.
12. Myzin A.L., Pykhov P.A., Denisova O.A. Program and technical complex of diagnostics of region's energy security. [Programmno-tekhnicheskii kompleks diagnostiki energeticheskoy bezopasnosti regiona]. *Ekonomika regiona – Region's Economy*, 2012, no. 2, pp. 81–93.
13. Omran A. Epidemiological aspect of the theory of vital rates of the population. [Epidemiologicheskii aspekt teorii yestestvennogo dvizheniya naseleniya]. *Problemy narodonaseleniya – Problems of population*. Moscow, 1977, pp. 57–91.
14. Polterovich V.M. Institutional traps and economic reforms. [Institutsionalniye lovushki i ekonomicheskkiye reformy]. *Ekonomika i matematicheskiye metody – Economics and mathematical methods*, 1999, vol. 35, no. 2.
15. Rimashchevskaya N.M. Individual and reform: Survival secrets. [Chelovek i reformy: sekrety vyzhivaniya]. Moscow, ISEPN RAS, 2003.
16. Birth rate, mortality and natural increase of the population. Federal State Statistics Service. Available at: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/vita1_bd.htm.
17. Tatarkin A.I., Kuklin A.A., Vasilyeva Ye.V., Nikulina N.L. Quality of living as a system dominant of increase of region's economic safety. [Kachestvo zhizni kak sistemnaya dominanta povysheniya ekonomicheskoy bezopasnosti regiona]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Herald of Tyumen State University*, 2012, no. 11, pp. 38–49.
18. Cherepanova A.V., Vasilyeva Ye.V. Problems and prospects of social and demographic development of Russia's regions (at the example of Sverdlovsk oblast). [Problemy i perspektivy sotsialno-demographicheskogo razvitiya regionov Rossii (na primere Sverdlovskoy oblasti)]. *Ekonomika regiona – Region's Economy*, 2011, no. 1, pp. 57–61.
19. Becker G.S. The Economic Approach to Human Behavior. University of Chicago Press, 1978.
20. Shultz T. Investment in Human Capital. New York, London. 1971. P. 26–28.
21. Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*. 1988. Vol. 42. №1.

► **КОЧЕГАРОВА Людмила Геннадьевна**
 Преподаватель кафедры экономики
 и управления проектами

**Южно-Уральский государственный
 университет (национальный
 исследовательский университет)**
 454080, РФ, г. Челябинск,
 пр. Ленина, 76
 Тел.: (908) 062-56-64
 E-mail: lyu72@yandex.ru

Ключевые слова

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ
 ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
 ИНВЕСТИЦИОННЫЙ РИСК
 РЕГИОНАЛЬНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ

Аннотация

В статье рассмотрен процесс формирования модели прогнозирования инвестиций на основе уровня инвестиционного потенциала и инвестиционного риска. Значения инвестиционного потенциала и риска формируются на основании частных критериев с учетом их значимости. Значимость критериев определяется с помощью оценки корреляции данных факторов с величиной иностранных инвестиций.

Полученные результаты могут быть учтены при разработке мер, направленных на привлечение иностранных инвестиций на уровне регионов.

JEL classification

R53, R58

Формирование статистической модели оценки привлечения иностранных инвестиций на территорию субъектов РФ

В масштабах Российской Федерации регионы конкурируют между собой за привлечение инвестиций, поскольку эффективно используемые дополнительные вложения способствуют активизации экономического развития и улучшению качества жизни в регионе. Величина привлеченных инвестиций во многом определяется инвестиционной привлекательностью региона, исключение составляют государственные инвестиции, которые направлены также на поддержку депрессивных регионов и территорий, испытывающих определенные экономические трудности. Под инвестиционной привлекательностью мы будем понимать «возможность надежного и своевременного достижения целей инвестора на базе экономических результатов деятельности объекта инвестирования» [2]. Инвестиционная привлекательность определяется конкурентными преимуществами региона [9]. В свою очередь, укрупненно можно выделить две группы преимуществ, формирующих конкурентоспособность региона: а) преимущества, обусловленные текущим развитием региона (эффективность функционирования общественно-политической и государственно-правовой системы, уровень развития науки, состояние социальной сферы и т.д.); б) так называемые «финансовые гены» – природные факторы, факторы, унаследованные от предыдущих поколений (так, народнохозяйственный комплекс РФ был сформирован еще при СССР) и т.д. [8].

Цель распределения государственных инвестиций заключается в достижении определенного баланса, в выравнивании уровня развития регионов и обеспечении повышения качества жизни всего населения страны в целом. Государственные инвестиции направлены на достижение не столько экономического, сколько социального эффекта, при этом в большинстве случаев дать точную количественную оценку такого эффекта не представляется возможным. В отличие от государственных органов,

иностранцы ставят приоритетной задачей максимизации экономического эффекта, что не исключает возможности параллельно с этим достигать желаемого (с позиции региона) социального эффекта. В связи со значимой ролью иностранных инвестиций в процессе развития территорий актуальными являются следующие задачи:

- выделить факторы, оказывающие влияние на величину иностранных инвестиций в ходе реализации регионального инвестиционного процесса;
- на основе данных факторов сформировать регрессионную модель, позволяющую надежно оценить величину инвестиций, привлекаемых на территорию субъектов РФ, на основе имеющейся статистической информации.

В нашем исследовании мы будем исходить из того, что величина привлекаемых в регион инвестиций зависит от инвестиционной привлекательности данного региона. Для формирования статистической модели необходимо привести данную характеристику к формализованному виду, с этой целью выделим возможные факторы, влияющие на инвестиционную привлекательность.

В настоящее время существует большое количество как отечественных, так и зарубежных методик, позволяющих оценить инвестиционную привлекательность региона. Каждая компания и рейтинговое агентство обладает своей уникальной методикой, которая позволяет сформировать рейтинг инвестиционной привлекательности регионов и сделать прогноз относительно предпочтений инвесторов. Такие аналитические исследования создают информационную базу, на которой основывается выработка предложений для региональных властей по улучшению своих позиций в рейтинге [4]. Отметим, что развитие методического аппарата сравнительной оценки инвестиционного климата движется по пути разнообразия как оцениваемых экспертами параметров, так и независимых статистических показателей. Унифицированной методики формирования

Formation of the Statistical Model to Assess Foreign Investment Attractiveness of the RF Subjects

рейтинга не может существовать хотя бы потому, что подходы экспертов в отношении формирования некоторых характеристик инвестиционного климата различаются. Основным отличием современных методик является определенный набор критериев оценки, а также компетентность аналитиков [11].

Сложность применения подобных методик заключается в том, что эксперты должны обладать информацией о каждом из субъектов РФ. В действительности же аналитики (в особенности иностранные) чаще всего не имеют достаточно полного представления о реальной ситуации в отдельных регионах и судят по стране в целом без учета этих особенностей [10].

Среди наиболее известных можно назвать рейтинговые методики Standard & Poor's (кредитный рейтинг регионов РФ), World Bank (рейтинг конкурентоспособности российских регионов), Министерства регионального развития РФ (методика оценки эффективности исполнительной власти), методику рейтингового агентства «Эксперт-РА».

В основу методики определения рейтинга инвестиционной привлекательности регионов, разработанной агентством «Эксперт-РА», положено утверждение, что при выборе региона инвестор руководствуется двумя характеристиками: уровнем инвестиционного потенциала региона и уровнем инвестиционного риска.

Под инвестиционным потенциалом будем понимать характеристику, учитывающую насыщенность территории региона факторами производства, потребительский спрос населения и ряд других параметров, которые способны влиять на потенциальные объемы инвестирования в регион. Инвестиционный потенциал региона определяется на основании 9 частных потенциалов: природно-ресурсного, трудового, производственного, инновационного, институционального, инфраструктурного, финансового, потребительского, туристического.

Инвестиционный риск – это характеристика, которая показывает вероятность потери инвестиций и дохода от них. В определение величины инвестиционного риска включают следующие частные риски: экономический, социальный, криминальный, экологический, финансовый и управленческий [4].

В свою очередь, частные потенциалы и частные риски формируются на основе ряда статистических показателей. Отметим, что оценка весов каждой составляющей в совокупном потенциале определяется с помощью экспертных методов, что не исключает наличия определенного субъективизма при формировании рейтинга.

Для построения статистической регрессионной модели используем составляющие инвестиционной привлекательности – инвестиционный потенциал и инвестиционный риск, – выраженные через интегральные индексы инвестиционного потенциала (ИИП) и инвестиционного риска (ИИР) и включающие ряд параметров, характеризующих отдельные частные потенциалы и риски.

Алгоритм построения регрессионной модели приведен на рисунке.

На первом этапе были сформулированы возможные факторы, позволяющие дать статистическую оценку частных инвестиционных потенциалов и рисков (табл. 1, 2). За основу взяты факторы, предложенные Г. Марченко и О. Мачульской и адаптированные к современной методике агентства «Эксперт-РА» [5]. В качестве статистической информации использовались данные Федеральной службы государственной статистики за 2010 г. [6; 7].

На следующем этапе произведен отбор факторов на основании оценки тесноты связи между критериальной и объясняющими переменными с помощью коэффициента параметрической корреляции Пирсона. В процессе подготовки данных из рассмотрения были исключены регионы, характеризующиеся аномальными значениями по ряду рассматриваемых факторов. Выявление аномальных

▶ **Lyudmila G. KOCHEGAROVA**
Lecturer of Economics and Project Management Dept.

**South Ural State University
(National Research)**
454080, RF, Chelyabinsk,
pr. Lenina, 76
Phone: (908) 062-56-64
E-mail: lyu72@yandex.ru

Key words

INVESTMENT ATTRACTIVENESS
INVESTMENT POTENTIAL
INVESTMENT RISK
REGIONAL INVESTMENT

Summary

The article describes the process of forming the model to forecast investment based on the investment potential and the investment risk. The value of investment potential and investment risk are formed on the basis of individual criteria according to their importance. The weight of criteria is determined by evaluating the correlation of these factors with the value of foreign investments.

The results can be taken into account in the development of measures to attract foreign investment at regional level.

JEL classification

R53, R58

Алгоритм построения модели прогнозирования инвестиций

значений проводилось с помощью визуального анализа диаграмм рассеяния, дополнительно была проведена оценка статистических характеристик. При условии нормального распределения данных порог можно задать с помощью следующего условия: $T = \bar{x} \pm 2\sigma$. Это значит, что любые значения ряда, отличающиеся от среднего больше, чем на два среднеквадратических отклонения, являются потенциальными аномалиями.

С целью повышения качества и достоверности модели из наблюдений были исключены г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург и Сахалин-

ская область. Все указанные регионы характеризуются аномальными значениями, прежде всего по величине привлекаемых иностранных инвестиций (предсказываемая переменная). Кроме того, в соответствии с условием $T = \bar{x} \pm 2\sigma$, г. Москва характеризуется также аномалиями по следующим частным потенциалам: производственный, инфраструктурный, инновационный, трудовой, институциональный, потребительский, финансовый. Московская область имеет аномалии по факторам инвестиционного, инновационного, трудового и потребительского потенциала;

г. Санкт-Петербург – по факторам инфраструктурного и инновационного потенциала; Сахалинская область – по фактору инфраструктурного потенциала.

Для формирования ИИП и ИИР по каждой группе выбирается фактор, который имеет наибольший коэффициент корреляции с величиной прямых иностранных инвестиций, при этом коэффициенты, имеющие значение менее 0,3, характеризуются слабой связью и не включаются в интегральный критерий (ИИП или ИИР).

Отметим, что факторы инфраструктурного и туристического потенциала не являются в этом случае статистически значимыми и исключаются из модели. Также многие факторы инвестиционного риска не имеют статистической значимости, а некоторые из них показывают положительную корреляцию (факторы экологического и криминального риска), тогда как предполагается, что с повышением инвестиционного риска снижается инвестиционная привлекательность региона, а значит и объем привлекаемых инвестиций. Можно предположить, что некоторые из этих факторов являются не причиной, а следствием увеличения объема инвестиций. Так, сброс загрязненных сточных вод увеличивается при росте объемов промышленного производства, который, в свою очередь, может быть связан с инвестиционной активностью.

Показатели, выбранные в результате предварительной оценки для формирования ИИП и ИИР, являются разнородными величинами. Очевидно, что результаты моделирования не должны зависеть от единиц измерения этих величин, для этого необходимо привести все величины к одному масштабу. Используем метод минимаксной нормализации так, чтобы значение каждой величины, характеризующей отдельный частный потенциал для конкретного региона, находилось в диапазоне от 0 до 1. Воспользуемся формулой (1):

$$V'(i) = \frac{V(i) - \min(V(i))}{\max(V(i)) - \min(V(i))}, \quad (1)$$

где $V(i)$ – исходное значение признака; $V'(i)$ – нормализованное значение признака.

Следующий этап построения модели заключается в непосредственном формировании индексов инвестиционного потенциала и инвестиционного риска.

Таблица 1 – Статистические показатели, характеризующие отдельные виды инвестиционного потенциала

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ	
Ресурсный потенциал 1. Добыча полезных ископаемых. 2. Площадь земельного лесного фонда и земель иных категорий, на которых расположены леса. 3. Посевные площади всех сельскохозяйственных культур. 4. Мощность электростанций	Инновационный потенциал 1. Число используемых передовых производственных технологий. 2. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (исследователи). 3. Число организаций, выполняющих научные разработки. 4. Объем инновационных товаров, работ, услуг. 5. Внутренние текущие затраты на исследования
Производственный потенциал 1. Валовой региональный продукт. 2. Среднегодовая численность занятых в экономике. 3. Число предприятий и организаций	Трудовой потенциал 1. Численность экономически активного населения. 2. Число лиц с высшим и средним профессиональным образованием в численности занятых в народном хозяйстве
Потребительский потенциал 1. Среднедушевые денежные доходы населения. 2. Вклады физических лиц на рублевых счетах в Сберегательном банке РФ	Институциональный потенциал 1. Число кредитных организаций и филиалов. 2. Число малых предприятий. 3. Число организаций с иностранным капиталом
Инфраструктурный потенциал 1. Плотность железнодорожных путей общего пользования. 2. Объем услуг связи, оказанных населению, в расчете на одного жителя. 3. Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием	Финансовый потенциал 1. Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ. 2. Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций Ресурсный потенциал 1. Валовая добавленная стоимость по виду экономической деятельности «Гостиницы и рестораны». 2. Количество историко-культурных и природных достопримечательностей в регионе

Таблица 2 – Статистические показатели, характеризующие отдельные виды инвестиционного риска

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ	
Экономический риск 1. Удельный вес убыточных организаций. 2. Степень износа основных фондов	Криминальный риск 1. Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения. 2. Число зарегистрированных убийств и покушений на убийства
Социальный риск 1. Уровень безработицы в текущем году. 2. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. 3. Просроченная задолженность по заработной плате в расчете на одного работника. 4. Доля работников, участвовавших в забастовках	Экологический риск 1. Выбросы в атмосферный воздух загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников. 2. Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты. 3. Распределение различных типов установок с источниками ионизирующего излучения по субъектам РФ
Финансовый риск 1. Дефицит бюджета субъекта Федерации (доходы и расходы). 2. Просроченная кредиторская задолженность в процентах от общей задолженности	Управленческий риск 1. Качество управления бюджетом. 2. Степень развитости системы управления. 3. Наличие программно-целевых документов

Рассчитаем данные индексы по формулам (2, 3):

$$ИИП = \frac{\alpha_1 V'(\text{ПрП}) + \alpha_2 V'(\text{ИП}) + \alpha_3 V'(\text{ТП}) + \alpha_4 V'(\text{ИнсП}) + \alpha_5 V'(\text{ПП}) + \alpha_6 V'(\text{ФП}) + \alpha_7 V'(\text{РП})}{\sum_{i=1}^7 \alpha_i}, \quad (2)$$

где $V'(\text{ПрП})$, $V'(\text{ИП})$, $V'(\text{ТП})$, $V'(\text{ИнсП})$, $V'(\text{ПП})$, $V'(\text{ФП})$, $V'(\text{РП})$ – нормализованные значения показателей, характеризующих соответственно производственный, инновационный, трудовой, институциональный, потребительский, финансовый, ресурсный потенциал региона; α_i – вес показателя, определяемый на основе его статистической значимости, характеризующейся значением коэффициента корреляции.

Для определения веса показателя производится ранжирование данных показателей в соответствии со значением коэффициента корреляции, а затем в зависимости от ранга присваивается уровень значимости. В этом случае показателю, имеющему более тесную связь с критериальной переменной, присваивается большая значимость, так, показателю с рангом 1 присваивается коэффициент 7 и т.д.

Присваивать веса показателям для расчета ИИП нет необходимости, поскольку инвестиционный риск в нашем случае включает только один фактор, так как остальные были отсеяны на этапе оценки корреляции факторов с предсказываемой переменной.

$$ИИР = V'(СР), \quad (3)$$

где $V'(СР)$ – нормализованное значение показателя, характеризующего уровень социального риска региона.

Источники

1. Асеенко В.Б., Сопилко Н.Ю., Журавлева Е.А. Стратегический подход к управлению социально-экономической системой // Управленец. 2011. №7–8.
2. Бакиева А.А. Взаимосвязь оценок российских регионов по инвестиционной привлекательности // Успехи современного естествознания. 2006. № 11.
3. Буценко Е.В. Анализ и обработка исходных данных для прогнозирования результатов инвестиционного проектирования // Известия Уральского государственного экономического университета. 2009. № 4 (26).
4. Концепция проекта «Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России». URL: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/concept/>
5. Марченко Г., Мачульская О. Исследование инвестиционного климата регионов России: проблемы и результаты // Вопросы экономики. 1999. № 9.
6. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011.
8. Смирнов А.В. «Финансовая генетика» организации инвестиционных процессов в постцентрализованной экономике России // Управленец. 2011. № 1–2.
9. Татаркин А.И. Формирование конкурентных преимуществ регионов // Регион: экономика и социология. 2006. № 1.
10. Тихомирова И.В. Инвестиционный климат в России: региональные риски / Федер. фонд поддержки малого предпринимательства. М.: Издатцентр, 1997.
11. Эткин Д. Рейтинговые методы оценки инвестиционного климата регионов // Социальная политика и социальное партнерство. 2011. № 9.

Используя пакет SPSS Statistics, выполним регрессионный анализ с помощью пошагового включения переменных. В результате переменная ИИП была признана незначимой и исключена из модели. Таким образом, величина инвестиций в нашей модели зависит только от индекса инвестиционного потенциала региона.

Особенность множественной линейной регрессии заключается в том, что независимые переменные, входящие в состав модели, могут коррелировать между собой, обнаруживая причинно-следственные связи. В этом случае возникает эффект мультиколлинеарности. Одно из условий построения множественной регрессионной модели – отсутствие или низкая степень корреляции между независимыми переменными. Для характеристики коллинеарности рассмотрим значения показателя «VIF» (фактор инфляции вариации). Значение фактора инфляции вариации для нашей модели составляет 1,355 (нормативное значение $VIF < 10$), что свидетельствует об отсутствии нежелательного эффекта мультиколлинеарности.

Уравнение линейной регрессии с одной переменной в этом случае будет иметь следующий вид:

$$Y = 2614,295 \times \text{ИИП}. \quad (4)$$

Данный вид зависимости указывает на то, что значимым фактором, влияющим на величину привлекаемых иностранных инвестиций, является индекс инвестиционной привлекательности, который в свою очередь определяется семью частными потенциалами (производственным, инновационным, трудовым, институциональным, потребительским, финансовым, ресурсным). Также выражение (4) говорит о том, что каждый раз при увеличении значения ИИП на 0,001 объем привлекаемых в регион инвестиций вырастает на 2,64 млн дол. США. Следовательно, каждый регион имеет возможность влиять на величину инвестиций через улучшение отдельных характеристик интегрального значения инвестиционной привлекательности.

Значение коэффициента корреляции R в данном случае составляет 0,775 ($> 0,5$), что свидетельствует о наличии тесной линейной взаимосвязи между величиной прямых иностранных инвестиций и независимыми переменными. Коэффициент R^2 составляет 0,601, а следовательно, 60% вариации анализируемой функции могут быть объяснены, остальные 40% вариации могут быть связаны

с влиянием неучтенных факторов. Этот момент следует принимать во внимание при использовании результатов анализа для прогнозирования величины инвестиций. Значение F -критерия, равное 113,124, существенно превышает табличное значение, равное 3,97 (при $\alpha = 0,05$), p -значение, рассчитанное программой SPSS Statistics, меньше 0,05, а следовательно, линейную модель можно считать достоверной.

Значение критерия Стьюдента для включенной переменной ИИП составляет 10,636, а для исключенной ИИП – 1,65. Табличное значение критерия Стьюдента составляет 1,99, а значит, отвергается гипотеза о равенстве коэффициента нулю для включенной независимой переменной, и наоборот, такая гипотеза принимается для второй переменной, что свидетельствует об отсутствии статистической значимости для коэффициента перед независимой переменной.

С помощью опции SPSS Statistics «Подгонка кривых» также была оценена возможность построения других видов регрессионных зависимостей, при этом отмечено, что в случае линейной, квадратичной и кубической регрессии значение коэффициента детерминации превышает 0,6, что говорит о приемлемом уровне объясняющей способности данных моделей. Для всех трех случаев значение F -статистики существенно превышает критическое и свидетельствует о значимости модели.

Из рассмотренных видов зависимостей нами предлагается к использованию линейная регрессионная зависимость в силу ее простоты и достаточно высокой точности и способности к прогнозированию категориальной переменной.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Статистическая линейная регрессионная модель, сформированная для прогнозирования величины иностранных инвестиций, свидетельствует о том, что увеличение значения индекса инвестиционного потенциала на 0,001 вызывает рост объемов привлекаемых в регион инвестиций на 2,64 млн дол. США.

2. С целью формирования уравнения регрессионной зависимости был выделен ряд факторов, которые оказывают реальное влияние на уровень привлекаемых в регион инвестиций. При этом отметим, что некоторые факторы (частные потенциалы и риски), предлагаемые авторами рейтинговых методик оценки

инвестиционной привлекательности, не являются статистически значимыми и их не имеет смысла принимать во внимание при прогнозировании инвестиций (а также при оценке уровня инвестиционной привлекательности). Оценка значимости указанных факторов определена статистическим методом с помощью установления ранга по величине коэффициента корреляции, характеризующего степень тесноты связи между предсказываемой переменной и каждым из частных факторов. Такой метод оценки значимости факторов позволяет избежать субъективизма, который присущ экспертным методам.

3. Из двух составляющих инвестиционной привлекательности региона для инвестора более важен инвестиционный потенциал, тогда как региональные инвестиционные риски не имеют статистической значимости и не могут учитываться при построении прогностической модели. Можно предположить, что значимость частных составляющих интегрального показателя инвестиционного риска может зависеть от сферы вложений инвестора, либо региональный риск является менее значимым для инвестора по сравнению с другими видами риска и

обращает на себя внимание лишь тогда, когда его значение достигает критического уровня.

4. Улучшая значения каждого из частных показателей, оказывающих влияние на категориальную переменную, региональные власти могут влиять на инвестиционную привлекательность региона, а соответственно и на объем инвестиций, вкладываемых иностранными инвесторами в экономику отдельных субъектов Федерации. Следовательно, региону необходимо провести комплексную оценку указанных параметров, сравнить их со средними значениями по стране в целом для выявления «слабых мест» и разработать комплекс мер, направленных на повышение инвестиционного потенциала.

5. Сформированная линейная регрессионная модель обладает приемлемым уровнем качества и может использоваться для прогнозирования величины иностранных инвестиций на территории субъектов Федерации. Представленная модель не является единственно возможной. По уровню качества к ней близки квадратичная и кубическая регрессионные модели, которые также могут использоваться для прогностических целей. ■

References

1. Aseenko V.B., Sopilko N.Yu., Zhuravlyova Ye.A. Strategic approach to the of the socio-economic system management. [Strategicheskiy podhod k upravleniyu socialno-ekonomicheskoy sistemoy]. *Upravlenets – Manager*, 2011, no. 7-8.
2. Bakieva A.A. The correlation between assessments of Russian regions in terms of investment attractiveness. [Vzaimosvyaz' otsenok rossiyskikh regionov po investitsionnoy privlekatel'nosti]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya – Successes of Modern Natural Sciences*, 2006, no. 2011.
3. Butsenko Ye.V. The Analysis and Processing of Initial Data for Forecasting Results of Investment Projecting. [Analiz i obrabotka ishodnykh dannykh dlya prognozirovaniya rezul'tatov investitsionnogo proektirovaniya]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Izvestiya of the Urals State University of Economics*, 2009, no. 4(26).
4. The Project Concept "Rating of investment attractiveness of Russian regions". [Reyting investitsionnoy privlekatel'nosti regionov Rossii]. Available at: www.raexpert.ru/ratings/regions/concept/
5. Marchenko G., Machulskaya O. The study of investment climate in Russian regions: problems and results. [Issledovanie investitsionnogo klimata regionov Rossii: problemy i rezultaty]. *Voprosy ekonomiki – Economic Issues*, 1999, no. 9.
6. Russian regions. The main characteristics of the RF subjects. 2011. Statistical book. [Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub'ektov Rossiyskoy Federatsii. Statisticheskiy sbornik]. Moscow, Rosstat, 2011.
7. Russian regions. Socio-economic indicators. 2011. Statistical book. [Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli. Statisticheskiy sbornik]. Moscow, Rosstat, 2011.
8. Smirnov A.V. "Financial genetics" of investment processes organization in post-centralized economy of Russia. ["Finansovaya genetika" organizatsii investitsionnykh protsessov v posttsentralizovannoy ekonomike Rossii]. *Upravlenets – Manager*, 2011, no. 1-2.
9. Tatarin A.I. The formation of regions' competitive advantages. [Formirovanie konkurentnykh preimushchestv regionov]. *Region: ekonomika i sotsiologiya – Region: Economics and Sociology*, 2006, no. 1.
10. Tikhomirova I.V. Investment climate in Russia: regional risks. [Investitsionny klimat v Rossii: regionalnye riski]. Moscow, IZDATSENTR, 1997.
11. Etkin D. Rating methods to estimate investment climate in the regions. [Reytingovy metody otsenki investitsionnogo klimata regionov]. *Sotsialnaya politika i sotsialnoye partnerstvo – Social policy and social partnership*, 2011, no. 9.

▶ **НИКУЛИНА Наталья Леонидовна**
Кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник

**Институт экономики
Уральского отделения РАН
620014, РФ, г. Екатеринбург,
ул. Московская, 29
Тел.: (343) 371-57-01
E-mail: nikulinanl@mail.ru**

▶ **СИНЕНКО Анастасия Игоревна**
Аспирант

**Институт экономики
Уральского отделения РАН
620014, РФ, г. Екатеринбург,
ул. Московская, 29
Тел.: (343) 371-57-06
E-mail: nastia-sinenko@rambler.ru**

Ключевые слова

ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА
ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ
ФИНАНСОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ

Аннотация

В статье исследовано понятие финансовой безопасности региона. Представлено авторское определение данного понятия. Авторами разработана методический инструментарий диагностики финансовой безопасности региона, основанный на индикативном методе и включающий в себя бюджетный, социальный, финансовый и производственный модули. Выполнена оценка финансовой безопасности Свердловской области, сделан вывод о приемлемости ситуации в данной сфере.

JEL classification

P25, R50, H0

Диагностика финансовой безопасности региона

Одной из основных причин, тормозящих социально-экономическое развитие, ориентированное на обеспечение стабильности государства и общества, их защищенность от финансовых угроз, является нестабильность финансовой системы, это обуславливает необходимость разработки теоретико-методических основ диагностики финансовой безопасности региона.

Безопасность характеризует системы различного уровня и функционального назначения: государство в целом, отдельные сферы государственной деятельности, промышленные предприятия, финансовые организации, домашние хозяйства и т.д. Их различает объем ресурсонакопления и ресурсопотребления, а также возможность и особенность собственного целеполагания и управления [16. С. 76].

Национальная безопасность – это защищенность жизненно важных интересов граждан, общества и государства, а также национальных ценностей и образа жизни от широкого спектра внутренних и внешних угроз, различных по своей природе (политических, военных, экономических, информационных, экологических и др.) [13. С. 307].

Важнейшей составляющей национальной безопасности является экономическая безопасность.

Хотя экономическая безопасность в нашей стране как категория вошла в научный оборот сравнительно недавно, уже существует большое количество подходов к ее определению.

Л.И. Абалкин трактует экономическую безопасность как «состояние экономической системы, которое позволяет ей развиваться динамично, эффективно и решать социальные задачи и при котором государство имеет возможность вырабатывать и проводить в жизнь независимую экономическую политику» [1. С. 365].

Авторы придерживаются определения и классификации экономической безопасности, сформулированных научной экономической школой Института

экономики УрО РАН и представленных в работах основателей данной школы А.И. Татаркина, А.А. Куклина, О.А. Романовой и др. [19; 20]. Под экономической безопасностью региона понимается комплекс экономических, геополитических, экологических, правовых и иных условий, обеспечивающих [19. С. 16–18]:

- предпосылки для его выживания в условиях кризиса и будущего развития;
- защиту жизненно важных интересов страны в отношении ее ресурсного потенциала, сбалансированности и динамики развития и роста ее экономики;
- создание внутреннего иммунитета и внешней защищенности от дестабилизирующих воздействий;
- конкурентоспособность страны на мировых рынках и устойчивость ее финансового положения;
- обеспечения достойных условий жизни и устойчивого развития личности.

Экономическая безопасность региона рассматривается уральской научной школой в разрезе сфер жизнедеятельности [6; 19; 20], одной из которых является финансовая безопасность.

По мнению российских экономистов, создание концепции финансовой безопасности предполагает не только эффективное функционирование самой финансовой системы, но и обеспечение безопасного функционирования всех элементов финансово-экономического механизма [12. С. 166], в том числе и экономической безопасности.

Дискуссионность понятия «финансовая безопасность» очевидна. «В связи с недостаточной разработкой теории финансов многие термины и понятия трактуются по-разному, в них вкладывается разное содержание, что не позволяет выработать действенные меры по защите финансовой системы страны от дестабилизирующих факторов. И если в трактовке общего понятия «экономическая безопасность» имеется определенность, то категория «финансовая безопасность» еще нуждается в более тщательной проработке и выработке корректных исходных категорий, понятий и активно дей-

Diagnosing the Financial Security of a Region

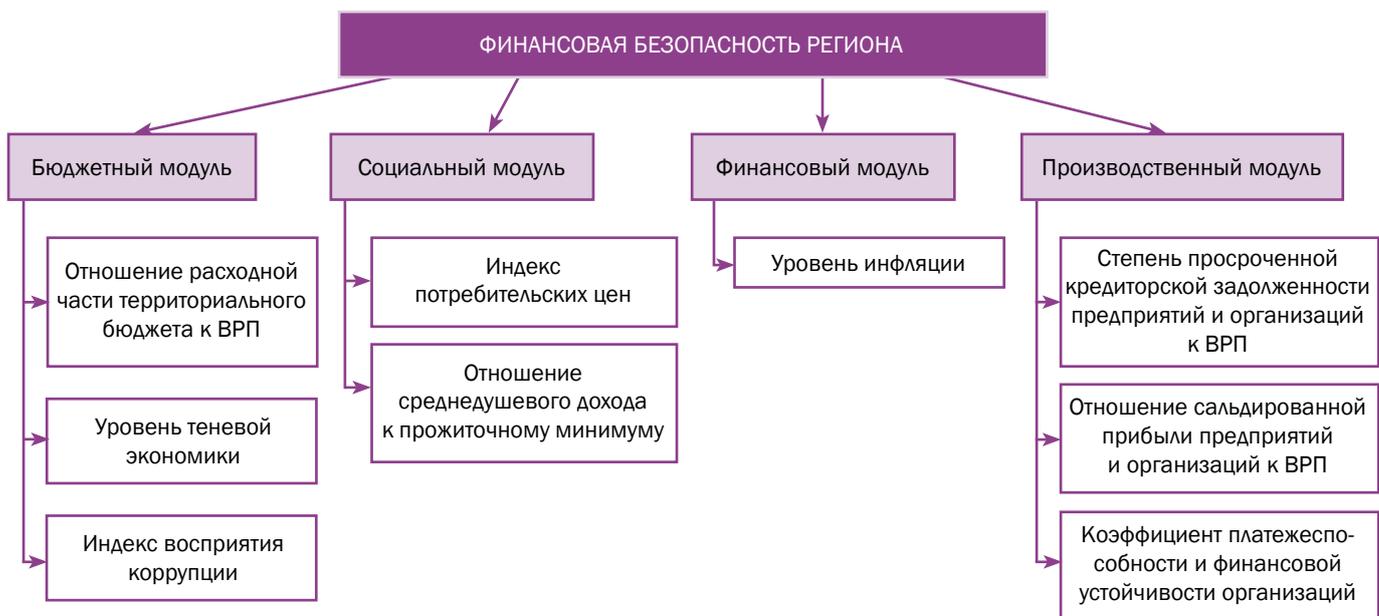

Рис. 1. Индикаторы диагностики финансовой безопасности

ствующих финансовых инструментов» [15. С. 310].

Различные определения понятия финансовой безопасности приведены в работах Е.А. Олейникова [12], В.К. Сенчагова [14], В.В. Бурцева [2] и др.

В исследованиях вышеперечисленных авторов не уделено внимания вероятности угроз, не определена связь финансовой безопасности и устойчивости.

По мнению авторов, **финансовая безопасность** – это состояние защищенности финансовой системы региона, включающей бюджетный, социальный, собственно финансовый и производственный сегменты, от внешних и внутренних угроз, нарушающих ее устойчивость, т.е. способность региона обеспечить необходимый уровень доходов бюджета в таком количестве, в котором требуют расходы в соответствии с потребительскими нуждами. При выполнении данного условия можно говорить о некоей устойчивости региона в финансовой сфере.

Проблема обеспечения финансовой безопасности региона обусловлена возникновением угроз безопасности и зна-

чительным усилением их степени проявления. В связи с этим целесообразно классифицировать угрозы финансовой безопасности региона на современном этапе развития и дать их характеристику.

Угрозы можно подразделить на внутренние и внешние.

Внутренние угрозы – это неспособность к самосохранению и саморазвитию, слабость инновационного начала в развитии, неэффективность системы государственного регулирования экономики, неумение находить разумный баланс интересов при преодолении противоречий и социальных конфликтов для нахождения наиболее безболезненных путей развития общества [5. С. 312].

Внешние угрозы – это угрозы, поступающие от иностранных финансовых организаций, компаний или государств, преследующих свои интересы, не пересекающиеся с интересами субъектов внутри страны [18. С. 114].

Среди внутренних угроз финансовой безопасности следует выделить:

- низкую конкурентоспособность национальной экономики, вызванную отсталостью технологической базы боль-

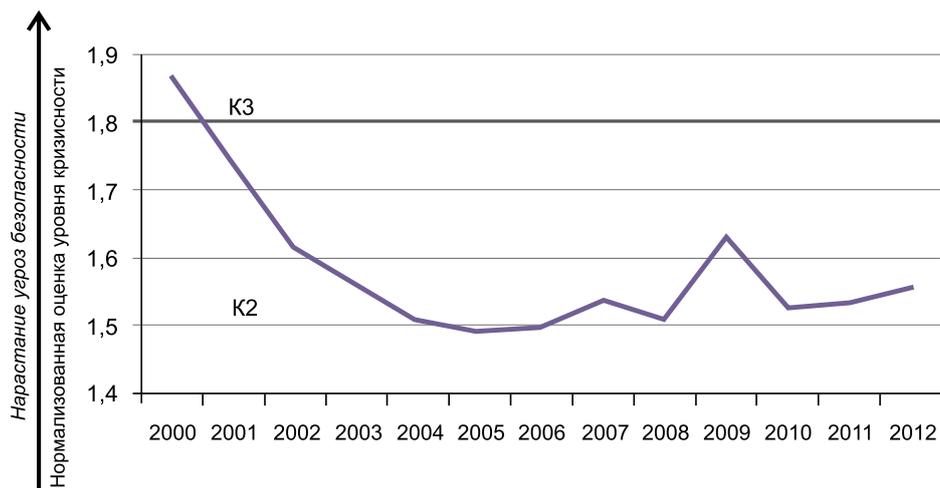
шинства отраслей, высокой энергоемкостью [8] и ресурсоемкостью, низким качеством продукции и высокими издержками производства;

- ухудшение состояния научно-технического потенциала, потерю позиций на отдельных направлениях научно-технического развития, в том числе в результате «утечки мозгов» за рубеж и в другие сферы деятельности, утрата престижности интеллектуального труда [4];

- низкую инвестиционную активность и преобладание вложения капиталов в посредническую и финансовую деятельность в ущерб производственной;

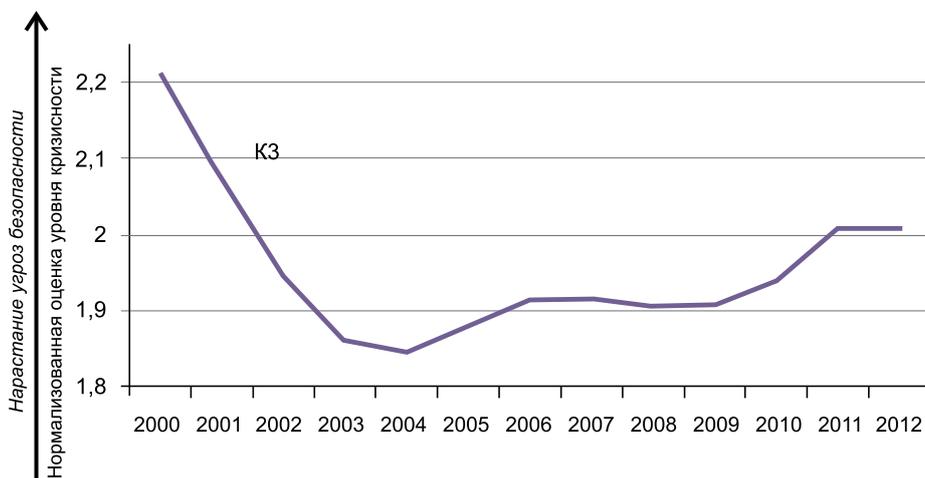
- слабость институтов власти, приводящую вместе с несовершенством законодательной базы к низкой правовой, финансовой, договорной дисциплине, массовому сокрытию доходов и уклонению от уплаты налогов, криминализации экономики и коррупции в области управления экономикой [7];

- несовершенство механизмов формирования экономической политики, которое может приводить к нарушению финансовой сбалансированности, порождать угрозы социальных конфликтов;

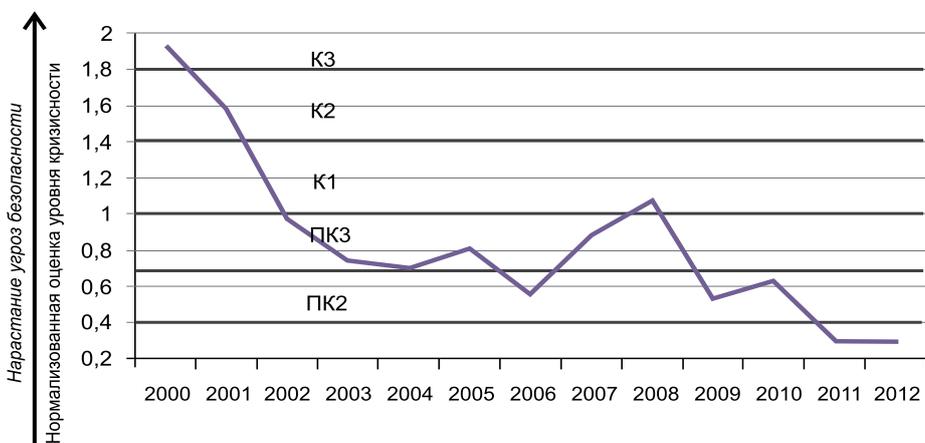
Примечание. Обозначение состояний по безопасности: К2 – кризисное угрожающее состояние; К3 – кризисное чрезвычайное состояние.

Рис. 2. Диагностика состояния финансовой безопасности Свердловской области по бюджетному модулю, 2000–2012 гг.

Примечание. Обозначение состояний по безопасности: К3 – кризисное чрезвычайное состояние.

Рис. 3. Диагностика состояния финансовой безопасности Свердловской области по социальному модулю, 2000–2012 гг.

Примечание. Обозначение состояний по безопасности: ПК2 – предкризисное развивающееся состояние; ПК3 – предкризисное критическое состояние; К1 – кризисное нестабильное состояние; К2 – кризисное угрожающее состояние; К3 – кризисное чрезвычайное состояние.

Рис. 4. Диагностика состояния финансовой безопасности Свердловской области по финансовому модулю, 2000–2012 гг.

- сохраняющийся высокий уровень инфляции.

Внешними угрозами финансовой безопасности являются [12]:

- завоевание иностранными фирмами внутреннего рынка России по многим видам товаров народного потребления;

- приобретение иностранными фирмами российских предприятий в целях вытеснения отечественной продукции, как с внешнего, так и с внутреннего рынка;

- высокий уровень внешнего долга;

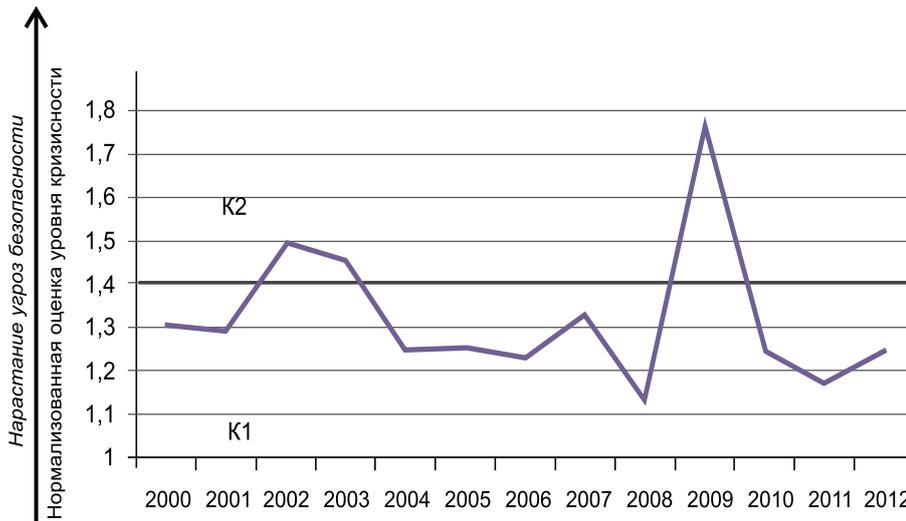
- взаимопроникновение внутренней и внешней политики государств (включая Россию), которые все больше зависят от мировых финансов;

- усиление конкуренции и борьбы между Россией и иными государствами в экономической и иных сферах.

Проанализировав работы авторов, занимающихся данной проблематикой, можно сделать вывод о том, что многие авторы отождествляют экономическую и финансовую безопасность. При оценке финансовой безопасности они не выделяют особенности финансовой безопасности и оценивают ее как неотделимую составляющую экономической безопасности. По мнению авторов, такой подход не позволяет в полной мере получить достоверную оценку финансовой безопасности региона.

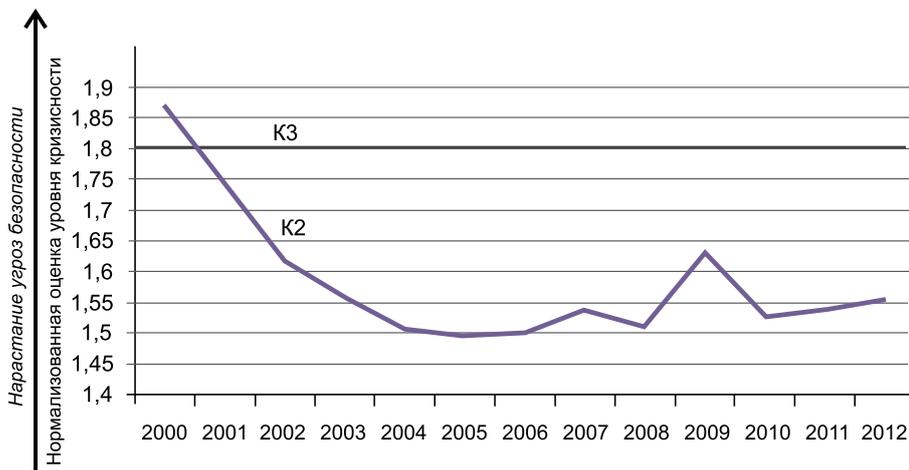
Методический инструментарий, касающийся вопросов оценки финансовой безопасности, отдельных ее показателей, рассмотрен в работах В.В. Бурцева [2], С.Ю. Глазьева [3], Е.А. Олейникова [12], В.К. Сенчагова [14], В.Л. Тамбовцева [17] и др.

Для комплексной диагностики финансовой безопасности авторами использован методический подход, разработанный в Институте экономики Уральского отделения РАН для оценки состояния экономической безопасности [6], предполагающий оценку состояния территорий по степени кризисности. Он опирается на идеи индикативного анализа, состоящего в выделении показателей безопасности специального, критериального типа, по значениям которых становится возможным исследовать действие угроз безопасности определенных видов. Такие показатели называются индикативными (или просто индикаторами безопасности). Виды угроз безопасности классифицируются по сферам жизнедеятельности. Каждая из выделяемых сфер жизнедеятельности представлена несколькими индикаторами, отражающими состав основных угроз безопасности по

Примечание. Обозначение состояний по безопасности: К1 – кризисное нестабильное состояние; К2 – кризисное угрожающее состояние.

Рис. 5. Диагностика состояния финансовой безопасности Свердловской области по производственному модулю, 2000–2012 гг.

Примечание. Обозначение состояний по безопасности: К2 – кризисное угрожающее состояние; К3 – кризисное чрезвычайное состояние.

Рис. 6. Диагностика состояния финансовой безопасности Свердловской области, 2000–2012 гг.

этой сфере. Таким образом, формируется совокупный набор индикативных показателей.

В рамках исследования выделены следующие основные сегменты для оценки финансовой безопасности: бюджетный; социальный; производственный; финансовый [10; 11].

На рис. 1 представлены индикаторы, позволяющие диагностировать состояние финансовой безопасности региона.

На основании разработанного методического аппарата была проведена оценка финансовой безопасности Свердловской области с 2000 по 2012 г.

За весь рассматриваемый период ситуация в бюджетном сегменте Свердловской области характеризовалась как кризисная чрезвычайная (К3) и кризисная угрожающая (К2) (рис. 2).

Наиболее неблагоприятная ситуация по данному модулю в Свердловской области наблюдалась в период с 2000–2004 гг., когда положение рассматриваемого объекта оценивалась как кризисно чрезвычайное (К3). С 2005 г. состояние бюджетного модуля финансовой безопасности улучшилось и перешло на уровень кризисно угрожающего (К2).

Отметим, что за анализируемый период при общей положительной тенденции улучшения ситуации не наблюдается. В период финансового кризиса уровень кризисности по бюджетной составляющей повысился, но не достиг кризисно чрезвычайного (К3).

По социальному модулю уровень кризисности за период 2000–2012 гг. значительно менялся, но при этом он находился в кризисном чрезвычайном со-

► **Natalya L. NIKULINA**
Cand. Sc. (Ec.), Sr. Research Fellow

Institute of Economics
(Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)
620014, RF, Yekaterinburg,
ul. Moskovskaya, 29
Phone: (343) 371-57-01
E-mail: nikulinanl@mail.ru

► **Anastasiya I. SINENKO**
Postgraduate

Institute of Economics
(Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)
620014, RF, Yekaterinburg,
ul. Moskovskaya, 29
Phone: (343) 371-57-06
E-mail: nastia-sinenko@rambler.ru

Key words

REGION'S FINANCIAL SECURITY
INTERNAL AND EXTERNAL THREATS
FINANCIAL STABILITY

Summary

In the article the concept of financial security of a region is investigated. Authors' definition of this term is presented. The authors have developed methodical tools to diagnose financial security of a region, based on an indicative method and including budgetary, social, financial and production modules. The assessment of financial security of Sverdlovsk oblast is executed, and using its results the authors arrive at the conclusion whether the situation in this sphere is acceptable.

JEL classification

P25, R50, H0

стоянии (К3). Результаты расчета по социальному модулю представлены на рис. 3.

Из рис. 3 видно, что значения индикатора по данному модулю не принимают определенной тенденции. Они то снижаются, то повышаются. Это объясняется изменениями индикатора индекса потребительских цен, входящего в состав показателей социального модуля. Так, в 2000 г. он равнялся 1,925, а в 2012 г. – 0,29. Тенденция снижения обусловлена влиянием высокого предложения продовольственных товаров и снижением цен, в частности на плодовоовощную продукцию, яйца. Это связано с высоким урожаем 2012 г. и улучшением инфраструктуры по хранению и реализации продуктов питания.

Если говорить еще об одном индикаторе – отношении среднедушевого дохода к прожиточному минимуму, то за анализируемый период ситуация по нему остается неизменной.

Ситуация по финансовому модулю за анализируемый период существенно улучшилась. Если в 2000 г. состояние Свердловской области характеризовалось как кризисное чрезвычайное (К3), то в 2012 г. уровень кризисности снизил-

ся до предкризисного начального состояния (ПК1). Результаты расчета по финансовому модулю представлены на рис. 4.

По рассматриваемому модулю заметны ухудшения значений в 2005, 2007 и 2008 гг. Основную роль в изменении ситуации играет уровень инфляции, характеризующийся повышением цен и снижением покупательской способности.

Анализируя полученные данные по производственному модулю (рис. 5), можно сделать вывод, что уровень кризисности в основном находился в кризисной нестабильной зоне (К1).

За весь рассмотренный период ситуация в Свердловской области по производственному модулю была стабильной. Только в 2009 г. состояние ухудшилось до кризисного угрожающего (К2), так как страна переживала финансово-экономический кризис и это не могло не повлиять на прибыль организаций.

На рис. 6 представлена комплексная оценка финансовой безопасности Свердловской области. В целом данное состояние можно охарактеризовать как кризисное угрожающее (К2). Лишь в 2000 г. складывалась кризисная чрезвычайная ситуация (К3).

Наиболее благоприятной была ситуация в 2005 г., так как значение по уровню кризисности было близко к кризисному нестабильному (К1). В этот период произошло резкое снижение уровня теневой экономики [9], а следовательно, улучшение состояния Свердловской области по бюджетному модулю.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что ситуация в Свердловской области с точки зрения финансовой безопасности не является приемлемой. Финансовая безопасность тесно связана с кризисными явлениями в экономике. Если в стране, и тем более в мире, происходит кризис, то это существенным образом отражается на уровне финансовой безопасности региона.

Для повышения финансовой безопасности Свердловской области необходима разработка комплекса мер, направленных на минимизацию негативных тенденций, а также мероприятий, направленных на устойчивое развитие финансовой сферы Свердловской области. ■

Источники

1. Абалкин Л.И. Избранные труды: в 4 т. / Вольное экономическое общество России. М.: Экономика, 2000. Т. IV. В поисках новой стратегии.
2. Бурцев В.В. Факторы финансовой безопасности // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. №1. URL: www.cfin.ru/press/management/2001-1/burtsev.shtml/.
3. Глазьев С.Ю. За критической чертой (о концепции макроэкономической политики в свете обеспечения экономической безопасности страны). М.: Российский экономический журнал, 1996.
4. Гурбан И.А., Крутикова М.А. Состояние образовательного капитала как системообразующий фактор формирования человеческого капитала // Вестник УрФУ. Сер. Экономика и управление. 2011. № 4.
5. Исламов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России. Концепция – правовые основы – политика. СПб., 2001.
6. Комплексная методика диагностики экономической безопасности территориальных образований Российской Федерации (вторая редакция). Ч. 1. Методические положения диагностики экономической безопасности территорий регионального уровня / А.И. Татаркин и др. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2001.
7. Куклин А.А., Агарков Г.А. Оптимальное соотношение экономических и административных мер противодействия теневой экономике регионов // Экономика региона. 2007. № 1.
8. Мызин А.Л., Пыхов П.А., Денисова О.А. Программно-технический комплекс диагностики энергетической безопасности региона // Экономика региона. 2012. №2.
9. Найденов А.С., Чусова А.С. Основные тенденции эволюции теневой экономики УрФО как отражение глобальных изменений мировой экономической системы // Экономика региона. 2008. № 4.
10. Никулина Н.Л., Синенко А.И. Диагностика финансовой безопасности субъектов Уральского федерального округа // Инновационные технологии в управлении конкурентоспособностью территориальных социально-экономических систем: труды X Междунар. конф. молодых ученых. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2012.
11. Никулина Н.Л., Синенко А.И. Теоретико-методические подходы к оценке финансовой безопасности региона // Сб. стат. I Научной школы молодых ученых. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2012.
12. Олейников Е.А. Экономическая безопасность (теория и практика): учебник. М.: Классика +, 1999.
13. Проблемы глобальной безопасности: сб. науч. тр. М.: ИНИОН, 1995.
14. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник. 2-е изд. М.: Дело, 2005.
15. Степашин С.В. Экономическая безопасность РФ: учеб. для вузов. Ч. 2. М.; СПб.: Лань, 2001.
16. Страхов А.И. Безопасность общества – социально-трудовой аспект. М.: ИЭ РАН, 2011.
17. Тамбовцев В.Л. Экономическая безопасность хозяйственных систем: структура проблемы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 1995. №3.
18. Тихонов Д.Н. Основы налоговой безопасности. М.: Аналитика-Пресс, 2002.
19. Экономическая безопасность региона: единство теории, методологии исследования и практики / А.И. Татаркин и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997.
20. Экономическая безопасность Свердловской области / Э.Э. Россель и др.; под науч. ред. Г.А. Ковалевой и А.А. Куклина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003.

References

1. Abalkin L.I. The best works: in 4 volumes. Vol. IV. In search of new strategy. [Izbranniye trudy. Tom 4. V poiskakh novoy strategii]. Moscow, Ekonomika, 2000.
2. Burtsev V.V. Factors of financial security. Management in Russia and abroad. Available at: www.cfin.ru/press/management/2001-1/burtsev.shtml.
3. Glazhev S.U. Beyond critical line (On the concept of macroeconomic policy in the light of ensuring economic security of the country). [Za kriticheskoy chertoy]. Moscow, Russian economic journal, 1996.
4. Gurban I.A., Krutikova M.A. Condition of educational capital as a backbone factor of formation of the human capital. [Sostoyaniye obrazovatel'nogo kapitala kak sistemooobrazuyushchiy faktor formirovaniya chelovecheskogo kapitala]. Vestnik UrFU. Ekonomika i upravleniye – Herald of UrFU. Economics and management, 2011, no. 4, pp. 136-148.
5. Islamov R.F., Salmikov V.P., Stepashin S.V. Economic security of Russia. [Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii]. S.-Petersburg, 2001.
6. Tatarin A.I., Kuklin A.A., Myzin A.L. et al. Complex technique of diagnostics of economic security of territorial formations of the Russian Federation. Vol. 1. Methodical provisions of diagnosis of economic security of territories of regional level. [Kompleksnaya metodika diagnostiki ekonomicheskoy bezopasnosti territorialnykh obrazovaniy RF. Chast' 1]. Yekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, 2001.
7. Kuklin A.A., Agarkov G.A. Optimal ratio of economic and administrative measures to counteract shadow economy of regions. [Optimalnoye sootnosheniye ekonomicheskikh i administrativnykh mer protivodeystviya tenevoy ekonomike regionov]. Ekonomika regiona – Region's Economy, 2012, no. 1, pp. 9-21.
8. Myzin A.L., Pykhov P.A., Denisova O.A. Program and technical complex of diagnosis of energy security of the region. [Programmno-technicheskiy kompleks diagnostiki ekonomicheskoy bezopasnosti regiona]. Ekonomika regiona – Region's Economy, 2012, no. 2, pp. 81-93.
9. Naydyonov A.S., Chusova A.S. Main tendencies of evolution of shadow economy of Ural Federal District as a reflection of global changes of the world economy system. [Osnovnye tendentsii evolyutsii tenevoy ekonomiki UrFO kak otrazheniye globalnykh izmeneniy mirovoy ekonomicheskoy systemy]. Ekonomika regiona – Region's Economy, 2008, no. 4, pp. 68-74.
10. Nikulina N.L., Sinenko A.I. Diagnosis of financial security of subjects of Ural federal district. Innovative technologies in management of competitiveness of territorial social-economic systems, in: Xth Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh (Xth International Conference of Young Scientists). Yekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, 2012, pp. 294-297.
11. Nikulina N.L., Sinenko A.I. Theoretical and methodical approaches to the assessment of financial security of the region. Sbornik statey 1 Nauchnoy shkoly molodykh uchenykh (Proceedings of the 1st Scientific school of young scientists). Yekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, 2012, pp. 186-194.
12. Oleynikov E.A. Economic security (theory and practice). [Ekonomicheskaya bezopasnost' (teoriya i praktika)]. Moscow, Klassika+, 1999.
13. Problems of global security: collection of scientific works (Sbornik nauchnykh trudov Problemy globalnoy bezopasnosti). Moscow, INION, 1995.
14. Senchagov V.K. The economic security of Russia. [Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii]. Moscow, Delo, 2005.
15. Stepashin S.V. The economic security of the Russian Federation. [Ekonomicheskaya bezopasnost' RF]. Moscow, S.-Petersburg, Lan', 2001.
16. Strahov A.I. Security of society – social and labor aspect. [Bezopasnost' obshchestva – sotsialno-trudovoy aspekt]. Moscow, Institute of Economics of the RAS, 2011.
17. Tambovcev V.L. Economic security of economic systems: Problem structure. [Ekonomicheskaya bezopasnost' ekonomicheskikh system: struktura problemy]. Vestnik of MGU. Ser. 6. Ekonomika – Bulletin of MSU. Ser. 6. Economics, 1995, no. 3, pp. 3-9.
18. Tikhonov D.N. Fundamentals of tax security. [Osnovy nalogovoy bezopasnosti]. Moscow, Analitika-Press, 2002.
19. Tatarin A.I., Kuklin A.A., Romanova O.A., Yakovlev V.I. Economic security of the region: unity of the theory, research and practice methodology. [Ekonomicheskaya bezopasnost' regiona: edinstvo teorii, metodologii issledovaniya i praktiki]. Yekaterinburg, USU Publisher, 1997.
20. Kovaleva G.A., Kuklin A.A., Rossel E.E. et al. The economic security of Sverdlovsk oblast. [Ekonomicheskaya bezopasnost' Sverdlovskoy oblasti]. Yekaterinburg, USU Publisher, 2003.

▶ **ЛИПКОВА Беата**

Доктор философии (PhD), доцент
факультета международных отношений

**Экономический университет
в Братиславе (Словакия)**

Dolnozemska cesta 1/b

852 35 Bratislava, Slovakia

Тел.: +421 2 62411856

E-mail: beatalipkova@ionline.sk;

beata.lipkova@euba.sk

Ключевые слова

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК (ЕЦБ)

ЕВРОЗОНА

ИНФЛЯЦИЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ

БАНКОВСКИЙ СОЮЗ

Аннотация

После разразившегося в 2007–2008 гг. мирового финансового кризиса проявились слабые стороны модели Европейского валютного союза (ЕВС). Данная модель основывается на делегировании полномочий государствам-членам ЕС в области валютной политики независимому Европейскому центральному банку (ЕЦБ) при одновременном сохранении государственного суверенитета в фискальном секторе. Последовавшие долговой кризис Еврозоны и кризис банковского сектора, с одной стороны, привели к усиленной координации мер экономического управления ЕВС, а с другой стороны, положили начало урегулированию давних проблем, в решении которых ЕЦБ играет все более значимую роль. В статье анализируется работа ЕЦБ в условиях Европейского долгового кризиса с учетом напряженной ситуации в банковском секторе. Автор характеризует статус ЕЦБ в Валютном союзе, рассматривает влияние кризиса на его функционирование и подчеркивает возросшую роль ЕЦБ в разрешении текущего кризиса Еврозоны.

JEL classification

F15, F34, F53, H12

Роль ЕЦБ в разрешении долгового кризиса Еврозоны (часть II)*

ЕЦБ И БАНКОВСКИЙ КРИЗИС

Становление Европейского валютного союза (ЕВС) в течение первого десятилетия его существования сопровождалось усиливающейся финансовой интеграцией, в то время как снятие границ для свободного движения капитала подразумевало значительное увеличение трансграничных потоков капитала. Хотя на уровне ЕС основные стандарты осуществления банковского надзора были согласованы, режим контроля, антикризисные меры и процедуры, применяемые к проблемным банкам, оставались исключительно в ведении национальных контролирующих органов. Данный подход основывался на том факте, что таким образом государства члены поддерживали свою фискальную независимость и принимали на себя ответственность по финансовому спасению своих банковских систем. Основываясь на финансовом кризисе Еврозоны, Тиффорд и Уайт выступили с предупреждением, что единая валюта и усиливающаяся координация фискального сектора несовместимы с национальными режимами контроля, антикризисными мерами и процедурами, применяемыми к проблемным банкам. Этим утверждением авторы подчеркивали, что проблемой является не только неэффективное осуществление надзорных функций, но и склонность данной системы к банковским и суверенным долговым кризисам, усиливающим друг друга. В попытке навести порядок в финансовом секторе после 2008 г. были реализованы реформы в области финансового надзора, а в ЕС были созданы новые органы для проведения ранней диагностики и разрешения проблем сектора. Так, для банковского сектора в 2011 г. была создана Европейская служба банковского надзора (European Banking Authority – EBA).

Несмотря на усиливающуюся финансовую интеграцию в ЕВФ, кризис показал, что межбанковское кредитование, осуществляемое между разными государствами-членами, и межбанковское кредитование в пределах одной страны

не равны между собой с точки зрения риска, принимаемого на себя кредитором. Оказалось, что в период финансовой нестабильности проблемы задолженности правительств Еврозоны сказались на кредитном рейтинге банков в тех странах, где они расположены, а также на их способности привлекать средства на межбанковском рынке. Владение государственными облигациями стран, экономика которых склонна к финансовой нестабильности, обострило проблемы в банковском секторе, где существовала вероятность крупных убытков и угроза краха банков, связываемого с государственными интервенциями по поддержке банковского сектора. Озабоченность тем, что государство может столкнуться с крахом банковского сектора, увеличивала риски по государственным облигациям, а отсутствие у государства достаточной бюджетной обеспеченности для поддержки своих банков повышало вероятность краха банковской системы [28]. Риск того, что неплатежеспособность правительств ставит под угрозу платежеспособность коммерческих банков, стал причиной реакции на начало долгового кризиса в Еврозоне, постепенно захватывающего все новые страны. Хотя ситуация, когда некоторые банки находились в зоне риска, была достаточно распространена, все же оставалось неясно, активы каких банков попадали под удар, будучи размещенными в данных рискованных банках. Основной причиной сокращения межбанковских кредитов (из-за проблем с ликвидностью) стал риск банкротства банков [1. P. 4]. В то же время не было четкого разделения между финансово состоятельными банками и банками, нуждающимися в дополнительном капитале.

Вплоть до начала мирового финансового кризиса коммерческие банки осуществляли свою деятельность в условиях стабильного рынка. На практике это означало, что межбанковское кредитование в пределах ЕВС учитывалось как способ перемещения кредитов из районов профицита в области дефицита [1]. После

* Часть I см.: «Управленец» № 3(43) / 2013.

The European Central Bank in Resolving the Euro Area Debt Crisis (Part II)*

ECB AND THE BANKING CRISIS

The emergence of the EMU in the first decade of its existence accompanied by deepening financial integration, while the introduction of free movement of capital meant a significant increase in cross-border capital flows. At the EU level, minimum standards for the implementation of banking supervision were agreed, while the supervisory regime, rescue and dealing with problem banks remained strictly in the hands of national supervisors. This solution resulted from the fact that members maintained their fiscal independence and took responsibility for fiscal rescue of their banking systems. On the basis of the crisis in the Euro Area Tilford and Whyte warned that sharing a common currency with increasing coordination of fiscal sector cannot coexist with national regimes of surveillance, rescue and dealing with problem banks, pointing out that the problem is not only ineffective implementation of supervision, but that this system is prone to banking and sovereign debt crises that feed on each other [30, p. 30]. In an effort to clean up the financial sector of the EU, reforms of financial supervision were implemented after 2008 and the EU established new authorities for early diagnosis and resolution of problems in the sector. In 2011 the EU established the European Banking Authority (EBA) for the banking sector.

Despite the deepening financial integration in the EMU crisis revealed that lending between banks in different Member States in terms of the risk borne by the lender is not perceived as equally as lending between banks in the same Member State. It turned out that in the period of financial instability debt problems of governments in the EA have impacts on the credit rating of banks in the country where they are located, as well as on their ability to raise funds in the interbank market. Holdings of government bonds of fiscally fragile countries exacerbated problems in the banking sector, where there was a fear of large losses and a threat of collapse of banks associated with the probability of state intervention in order to save the banking sector.

Concern that the state may face a collapse of the banking sector increased riskiness of government bonds. Concern that the state does not possess the fiscal capacity to support its banks, increased the probability of the banking collapse [28]. The risk that the insolvency of governments threatens the solvency of commercial banks caused the reaction after the outbreak of contagious debt crisis in the EA. Although it was common that some banks are at risk, it was not clear which other banks have assets at risk in these banks. The main reason for the contraction of interbank loans (due to problems with liquidity) was the risk of bank failures [1, p. 4]. At the same time there was no clear separation between healthy banks and those in need of additional capital.

Until the beginning of the global financial crisis, commercial banks operated in the EA under normal market conditions, which in practice meant that lending between banks within the EMU accounted as a way of loans transmission from the areas in surplus to areas in deficit [1]. After 2007, when the banks ceased to believe in the solvency of each other, there was a shift in the balance of the money market to the balance of national central banks. EA banks with surplus began placing surpluses into Euro system¹ and the banks that suffered from a lack of resources borrowed from the Euro system. This process took place within the assets and liabilities of the national central banks to the ECB when the central banks of the deficit countries borrowed from the ECB to lend to commercial banks in their countries, while the central banks of the surplus countries lend their surpluses to the ECB, which compensated for the loss of interbank funding. The ECB thus assumed the role of a central clearing house [18].

Weakness of the system of national banking regulation was not remedied by the creation of EBA, which has in relation to the national regulator only limited powers [16]. Under the leadership of EBA 90 major banks from 21 EU Member States completed stress tests and the results published by EBA in July 2011 evoked healthy condition

¹ ECB and Central Banks of Euro-area members.

► **Beata LIPKOVÁ**
PhD., Assistant-prof.
of Faculty of International Relations

University of Economics in Bratislava
Dolnozemska cesta 1/b
852 35 Bratislava, Slovakia
Phone: +421 2 62411856
E-mail: beatalipkova@ionline.sk;
beata.lipkova@euba.sk

Key words

EUROPEAN CENTRAL BANK
EURO AREA
INFLATION
GOVERNMENT DEBT
BANK UNION

Summary

The model of the European Monetary Union based on the transfer of competences of the Member States to the independent ECB in the monetary area while maintaining national sovereignty in the fiscal area revealed its weaknesses after the outbreak of the global economic and financial crisis in 2007–2008. Following Euro area debt crisis and the crisis in the banking sector led on the one hand to stronger coordination of economic governance of the EMU, and on the other hand, addressed persistent problems ECB plays an increasingly important role. The aim of the article is to contribute to the analysis of the ECB functioning during the Euro area debt crisis, taking into account the aspects arising from the banking crisis. From this perspective the article examines the status of the ECB in the EMU, the impact of the crisis on its functioning, and points to the expected increase in the ECB's role in solving the current crisis in the Euro area.

JEL classification

F15, F34, F53, H12

2007 г., когда банки перестали верить в платежеспособность друг друга, в балансе денежного рынка произошел сдвиг в сторону баланса национальных центральных банков. Финансовые институты Еврозоны, обладающие избыточными средствами, стали размещать эти избытки в Евросистеме¹, а банки, испытывающие нехватку ресурсов, заимствовали их из данной системы. Этот процесс происходил в рамках активов и пассивов национальных центральных банков в ЕЦБ: центробанки стран, испытывающих дефицит, заимствовали средства у ЕЦБ для предоставления кредита коммерческим

¹ ЕЦБ и центральные банки государств-членов Еврозоны.

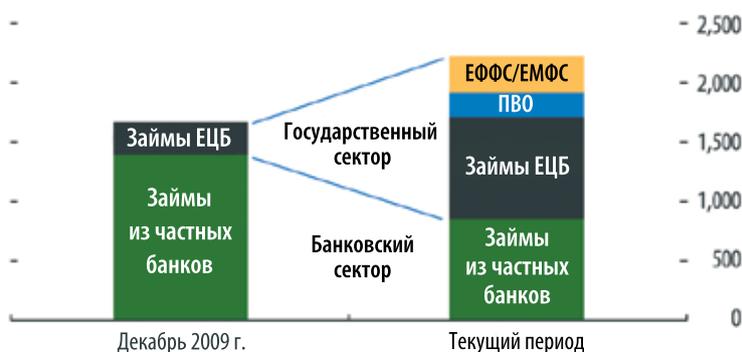
банкам на своей территории, в то время как центральные банки с профицитом средств предоставляли эти средства ЕЦБ, который компенсировал потери межбанковского финансирования. Таким образом, ЕЦБ взял на себя роль центральной расчетной палаты [18].

Недостатки системы национального банковского контроля не были урегулированы созданием Европейской службы банковского надзора – ЕСБН (EBA), которая в отношении национального контролирующего органа обладает лишь ограниченными полномочиями [16]. Под руководством ЕСБН 90 основных банков из 21 страны Европейского союза прошли проверку стресс-тестами на устойчи-

вость к кризисным явлениям в экономике. Результаты, опубликованные ЕСБН в июле 2011 г., охарактеризовали состояние Европейской банковской системы как платежеспособное (в конечном итоге тесты не прошли только пять банков Испании, два – Греции и один австрийский банк с низким уровнем достаточности капитала). Ф. Багус отмечает, что большинство банков прошли стресс-тесты в силу нереалистичных допущений, подчеркивающих тот факт, что оценка между сроками погашения задолженности и риском потери ликвидности не была проведена [2. Р. 132].

Усиление кризисных явлений в банковском секторе во второй половине 2011 г. негативно сказалось на работе зоны евро, проводимой для разрешения кризиса государственного долга. Европейские банки столкнулись со значительной неопределенностью из-за размера требований банков в отношении государственного долга и способности правительства оказывать поддержку финансово слабым банкам. Макроэкономический дисбаланс между государствами-членами Еврозоны, существующий в виде несоответствий на текущих счетах платежного баланса, привел к тому, что ключевые банки Еврозоны (в основном в Германии и Франции) были вовлечены в кредитование частного и государственного долга периферийных стран, таких как Греция, Ирландия, Испания, Португалия и Италия (рис. 3). Многие банки, действующие на территории Еврозоны, представили завышенную оценку активов и одновременно накопили

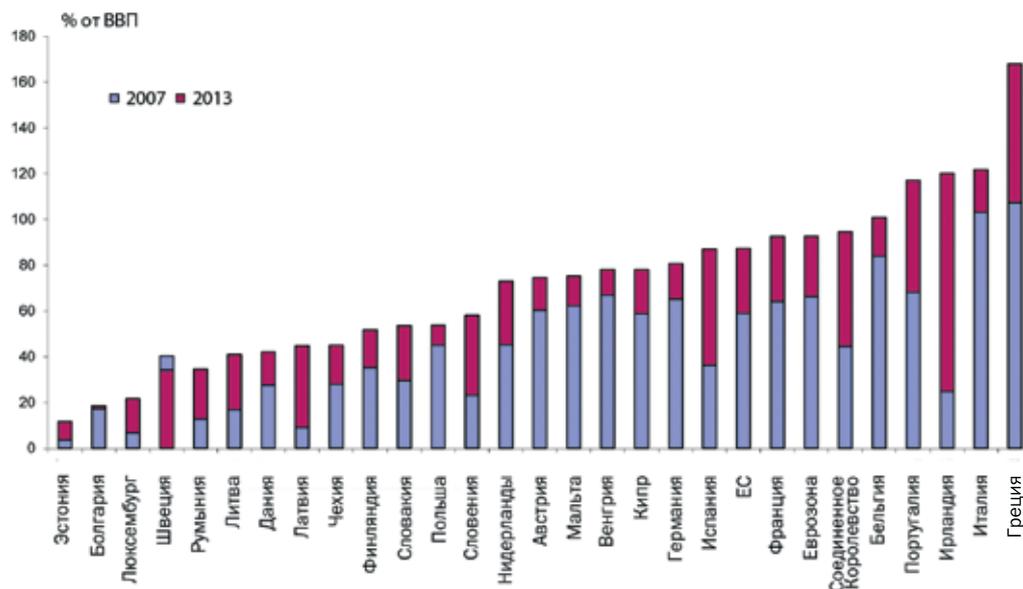
слишком много проблемных активов из-за появления «мыльных пузырей» на рынке жилой недвижимости. Когда бум начал затихать, рыночная стоимость таких активов резко упала, а банки с множеством проблемных активов обанкротились. В подобной ситуации многие страны зоны евро были вынуждены предоставлять поддержку банкам, чтобы спасти банковский сектор. Это привело к массовым заимствованиям на рынке капитала и дальнейшему ухудшению финансового положения правительств. Массовые операции по спасению финансовых институтов по иронии начали представлять угрозу устойчивости государственных финансов в тех странах зоны евро, которые придерживались правил, изложенных в Пакте стабильности и роста. Ирландия и

Примечание: в том числе трансграничное кредитование банками Еврозоны, банками на периферии, заимствующими средства в Евросистеме, за исключением срочной помощи по обеспечению ликвидности, покупки Европейским центробанком государственных облигаций посредством Программы выкупа облигаций, Европейского фонда финансовой стабильности и Европейского механизма финансовой стабилизации.

Источник: IMF Global Financial Stability Report. Октябрь 2012.

Рис. 3. Средства с повышенным риском, направленные странами Еврозоны в экономики Греции, Ирландии, Италии, Португалии и Испании, млрд евро

Источник: European Commission. Report on Public Finances in EMU 2012.

Рис. 4. Общая задолженность правительства (краткосрочные финансовые последствия кризиса)

of the European banking system (ultimately tests were not passed only by five Spanish, two Greek and one Austrian banks with low capital adequacy ratio). Bagus points out that most banks passed stress tests due to unrealistic assumptions, pointing out that there was no evaluation between rate of debt maturity and liquidity risk [2, p. 132].

The functioning of the Euro Area in terms of government debt crisis was worsened in the second half of 2011 by deepening crisis in the banking sector. European banks faced considerable uncertainty due to the size of banks' claims against government debt and the ability of governments to support weak banks. Macroeconomic imbalances between EA Member States occurring as imbalances on current account of balance of payments led the banks of the Euro-area core (mostly German and French) to engage in credits in private and public debt in peripheral countries (Greece, Ireland, Spain, Portugal, Italy) (Figure 3). Many banks operating in the EA had massively overvalued assets and simultaneously accumulated too much toxic assets due to

bubbles in the housing market. When the boom began to collapse the market value of such assets, the banks holding toxic assets have faced bankruptcy. In this situation, many Euro Area countries were forced to provide support to banks in order to rescue their banking sector. This led to massive borrowing from capital markets and further deterioration of the fiscal position of governments. Massive rescue of financial institutions began ironically threaten the sustainability of public finances in the euro area countries that adhered to the rules laid down in the SGP. Ireland and Spain got into serious fiscal problems because of the risk procedure and private sector saving, thereby transforming private debt into public debt. In the Euro Area Member States, which showed poor fiscal position and where was the weakened banking sector (especially in Greece and Ireland), there was a withdrawal of bank deposits. Banks were unable to compensate for the loss of deposits through the interbank money market and lack of funds was replaced by their loans from central banks within the

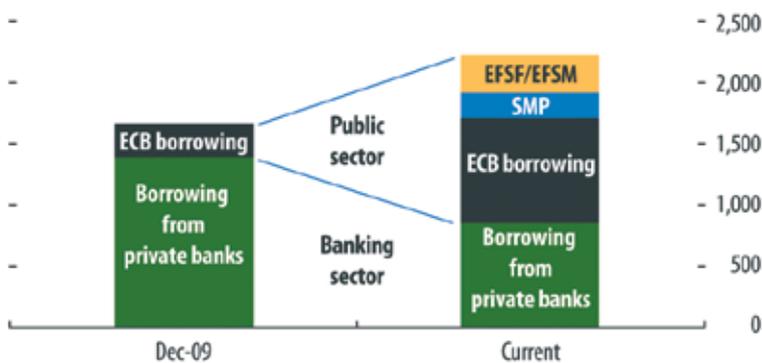
ESCB. In the second half of 2011 the situation was worsened by deposit withdrawals from banks in Spain and to a lesser extent in Italy. If parts of banking regulation worked well, the banks in the EA would have absorbed the bubbles like in other countries affected by the financial crisis. Lack of coordination in the field of banking policy has deteriorated the situation and inadequate government actions of some Euro Area countries (mainly France, Germany and Italy) led to the fragility of the banking sector to concentrate in the largest economies in the EMU [3, p. 12]. Current exposures from the rest of the EA to the peripheral countries reached 2.2 trillion EUR [19].

The combination of rising budget deficits and new debts as a result of rescuing the banking sector deteriorated rapidly the ratio of Euro Area public debt to GDP. Figure 4 shows the expected increase in the ratio of public debt to GDP between 2007 and 2013 in the EU Member States. According to the assumptions of the Commission, public debt in the EA shall increase from 66.3% of GDP in 2007 to 92.7% of GDP in 2013 and 59.0% of EU GDP to 87.3% of GDP [10].

The ECB in order to help the troubled countries with banking sector liquidity provided in December 2011 and March 2012 loans to banks and implemented a three-year refinancing operation, when given long-term low-interest loans to banks in the LTRO (long-term refinancing operations) in an amount exceeding 1 trillion EUR. This helped to reduce the pressure on banks and contributed to the stabilization of credit flows in the peripheral countries of the EA, which was probably the most important factor that stopped the freezing of markets providing funds for banks and indirectly supported the bond markets of some EA countries [1]. In response to the financial implications of a Euro Area debt crisis occurring in

growth of budget deficits, the ECB lowered the minimum rating for operations conducted on the open market from A-to BBB- [2, p. 115]. During the crisis, the ECB has dramatically reduced the quality of the collateral used in lending operations (e.g. Greek banks received more than 100 billion EUR, which serve as collateral for private Greek assets and Greek government debt) [18]. Strict rejection of restructuring

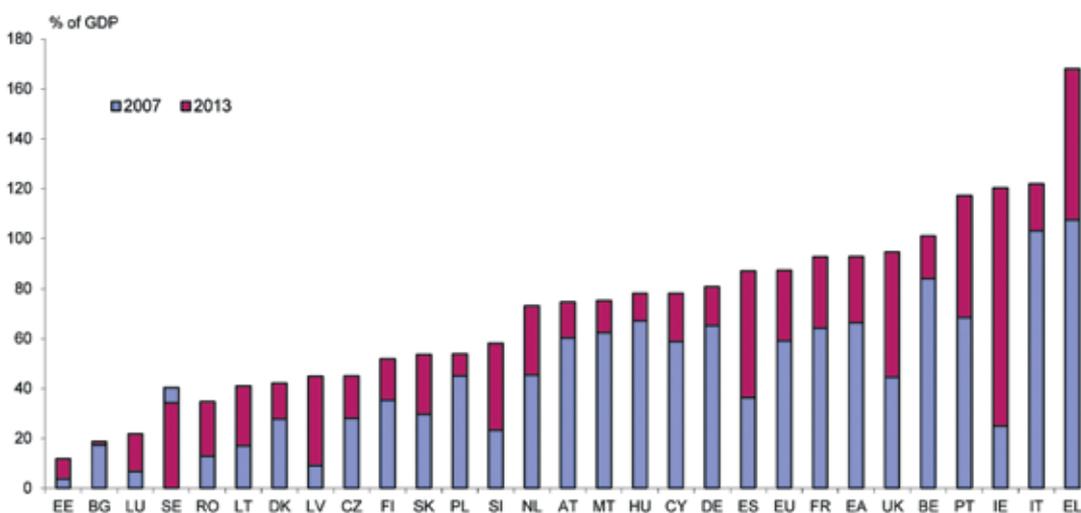
Greek sovereign debt by the ECB during the first phase of the crisis reflected its concern

Notes: including cross-border lending by banks EA, periphery banks borrowing from the Euro system, excluding emergency liquidity assistance, the ECB's purchases of government bonds through the SMP, EFSF and EFSM.

Source: IMF Global Financial Stability Report. October 2012.

Fig. 3. Euro Area Exposures to Greece, Ireland, Italy, Portugal and Spain (in billions of euros)

Source: European Commission. Report on Public Finances in EMU 2012.

Fig. 4. General government debts (short-term fiscal impact of the crisis)

Испания испытывали серьезные финансовые проблемы в связи с рискованными процедурами и спасением частного сектора, тем самым трансформируя частный долг в государственный. В государствах Еврозоны, которые демонстрировали неудовлетворительное финансовое положение и чей банковский сектор был ослаблен (особенно в Греции и Ирландии), происходило снятие банковских вкладов. Банки были не в состоянии компенсировать потери депозитов на межбанковском денежном рынке, и отсутствие средств компенсировалось кредитами со стороны центральных банков в рамках Европейской системы. Ухудшение ситуации произошло во второй половине 2011 г., когда закрытие банковских вкладов стало происходить в Испании и чуть в меньшей степени в Италии. Если бы звенья банковского регулирования работали слаженно, то банки Еврозоны, как и в других странах, подверженных финансовому кризису, поглотили бы «пузыри». Недостаточная координация в сфере банковской политики, приведшая к ухудшению ситуации, и неадекватные решения, принятые правительствами некоторых стран зоны евро (главным образом Францией, Германией и Италией), привели к тому, что неустойчивость финансового сектора концентрировалась в крупнейших экономках ЕВС [3. Р. 12]. Текущие рискованные вливания остальных стран Еврозоны в периферийные страны достигли 2,2 трлн евро [19].

Вместе с тем растущий дефицит бюджетов и новые долговые обязательства, возникшие в результате принятия мер по спасению банковского сектора, быстро ухудшали коэффициент отношения государственного долга Еврозоны к ВВП. Ожидаемый рост соотношения государственного долга к ВВП на территории стран Европейского союза в период 2007–2013 гг. показан на рис. 4. В соответствии с предположениями Комиссии, государственный долг Еврозоны возрастет с 66,3% ВВП в 2007 г. до 92,7% ВВП в 2013 г., а в целом по Евросоюзу: с 59,0 до 87,3% ВВП ЕС за тот же период [10].

Чтобы помочь проблемным странам с ликвидностью банковского сектора, ЕЦБ в декабре 2011 г. и марте 2012 г. обеспечил банки кредитными средствами и реализовал трехгодичную операцию рефинансирования, в процессе выполнения которой предоставил долгосрочные кредиты с заниженными процентными ставками в виде операций долгосроч-

ного рефинансирования (LTRO), общая сумма которых превысила 1 трлн евро. Это способствовало ослаблению давления на банки и содействовало стабилизации кредитных потоков в периферийные страны Еврозоны, что, вероятно, стало основным фактором предотвращения «замораживания» рынков, предоставляющих средства банкам и косвенно поддерживающих рынки облигаций некоторых стран зоны евро [1]. На финансовые последствия долгового кризиса Еврозоны – рост бюджетного дефицита – Европейский центробанк ответил, снизив минимальный рейтинг (с А– до BBB–) для операций на открытом рынке [2. Р. 115]. Во время кризиса ЕЦБ значительно снизил качество залога, используемого в кредитных операциях (например, греческие банки получили более 100 млрд евро, которые выступают в качестве залога для частных активов и государственного долга Греции) [18]. Резкий отказ ЕЦБ от реструктуризации государственного долга Греции в период первой фазы кризиса свидетельствовал об озабоченности Центробанка стабильностью банковской системы и показал уязвимость денежно-кредитной политики, опирающейся на кредиты банковской системе, в которых залоговый государственный долг выступает основным инструментом [8. Р. 63]. Д. Грос указывает на то, что в этом контексте ЕЦБ находится в значительно иной ситуации, нежели Федеральная резервная система (ФРС) в США, так как качество его залога определяется национальными границами. Анализируя роль ФРС, которая реализовала политику количественного смягчения после начала кризиса, Д. Грос подчеркивает качественную разницу в деятельности обоих центральных банков. Количественное смягчение Штатов представляло собой почти исключительно приобретение безрисковых активов (например, государственных облигаций США), а ФРС обеспечивала займами лишь очень ограниченное число банков, в то время как ЕЦБ приобретал рискованные активы и предоставлял кредиты на крупные суммы банкам зоны евро, пострадавшим от финансового кризиса [17]. Возможность принять государственные облигации, которые уже не обладают инвестиционным рейтингом, и интервенции ЕЦБ с целью урегулирования суверенного долга снизили степень доверия к Центробанку.

МЕРЫ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ КРИЗИСА В ЕВРОЗОНЕ, ПРИНИМАЕМЫЕ ЕЦБ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ, И ПЛАН СОЗДАНИЯ БАНКОВСКОГО СОЮЗА

Суверенный долговой кризис и кризис банковской системы в Еврозоне показали, что средств резервных фондов будет недостаточно для оказания помощи экономикам Испании и Италии. Постоянно усиливалось давление на ЕЦБ, чтобы добиться от него использования его неограниченных ресурсов для стабилизации финансовых рынков, предоставления гарантий по неограниченному закупу облигаций и принятия таким образом на себя роли кредитора последней инстанции. На Саммите Европейского Совета, состоявшемся 28–29 июня 2012 г., главным вопросом повестки для которого стало разрешение кризисных ситуаций, было принято решение «разорвать порочный круг между банками и государствами» [14]. Подходящее решение данной задачи основывается на намерении создать единый механизм надзора за банками (Единый надзорный орган, ЕНО – *Single Supervisory Mechanism*). Это позволило бы разорвать связи между банками и правительствами и обеспечить стабильные финансовые условия в зоне евро. Единственный способ стабилизировать рынки государственных облигаций состоит в увеличении степени участия ЕЦБ, что можно осуществить двумя способами: либо косвенно, выдав Европейскому стабилизационному механизму банковскую лицензию, позволяющую ему рассчитывать на ресурсы ЕЦБ, либо посредством прямых операций, производимых ЕЦБ [7]. Недавние события в попытке разрешить кризис Еврозоны демонстрируют дальнейшие изменения в отношении Европейского центробанка, что подкрепляется словами президента Марио Драги в июле 2012 г., который утверждал, что ЕЦБ сделает всё от него зависящее, чтобы сохранить единую валюту. Это подтверждается соглашением ЕЦБ о неограниченном приобретении государственных облигаций у государств-членов Еврозоны, испытывающих проблемы с рефинансированием долга, путем прямых денежных операций (*Outright Monetary Transactions – OMTs*). Это означает, что несмотря на то, что ЕВС не признавал вероятность возникновения такой возможности, а ЕЦБ давно отверг такой вариант решения проблемы, в конце концов он принял на себя роль кредитора последней инстанции. Оказание помощи государствам-

about the stability of the banking system and revealed the vulnerability of monetary policy, which relies on loans to the banking system, where collateral government debt serves as the primary tool [8, p. 63]. Gros points out that in this context, the ECB is in a significantly different position compared with the Federal Reserve (FR) in the USA, because the quality of its collateral is determined by national boundaries. Compared with the role of the FR after the outbreak of the crisis, which implemented quantitative easing, Gros highlights the qualitative difference in the activity of both central banks, which reflects the fact that while the U.S. quantitative easing implemented almost exclusively purchase of risk-free assets (e.g. U.S. government bonds) and FR lent only a very limited amount to banks, the ECB bought risk assets and lent large sums to weakened banks in the Euro Area [17]. Acceptance of government bonds, which already did not have an investment rating and ECB intervention to stabilize the sovereign debt reduced its credibility.

CURRENT ECB STEPS IN DEALING WITH THE EURO AREA CRISIS AND A PLAN TO CREATE A BANK UNION

After advancement, sovereign debt crisis and the banking crisis in the EA revealed that funds from the rescue funds will not be sufficient to potentially help the economies of Spain and Italy. Pressure on the ECB began to escalate in order to use its unlimited resources to calm the financial markets, guarantee unlimited purchases of bonds, and thus assume the role of lender of last resort. The situation in the development of the debt and banking crisis in the EMU shows that the ECB begins to play a key role in stabilizing the Euro Area. Summit of the European Council (June 28th – 29th 2012) to address the crisis brought about the decision «to break the vicious circle between banks and states» [14]. The adopted solution is based on the intention to create a single mechanism for the supervision of banks (Single Supervisory Mechanism) to form the basis for tearing connections between banks and governments, and to create a stable financial environment in the EA. The only way to stabilize government bond markets is to increase the involvement of the ECB, either indirectly by giving the ESM a banking license, allowing ESM to rely on the resources from the ECB, or through direct operations undertaken by the ECB [7]. Recent developments in solving the Euro Area crisis shows further changes in the attitude of the ECB, also confirmed by its president Mario Draghi in July 2012 stating

that the ECB will do everything required in order to save the common currency. This is confirmed by the agreement of the ECB's unlimited purchasing of government bonds from EA Member States, which have difficulties with debt refinancing through Outright Monetary Transactions (OMTs). This means that even though the original concept of creating such a possibility was not acknowledged within the EMU concept and the ECB long refused such a solution, eventually it adopted the role of lender of last resort. Assistance to EA Member States will be implemented through the rescue funds EFSF / ESM and ECB support obligation is conditional on the fulfillment of the reform program to which countries commit themselves. In connection with the aid and undertaking reforms in the economic policies of EA Member State one can see a guarantee for the ECB, which has no mandate to intervene in the economic policies of the Member States. In our opinion, there is a risk that a Member State which has taken the support of the ECB will not be able to fulfill its commitments under the reform program and the ECB does not have the tools to compel him to do so. Following the commitment of the ECB to buy government debt unlimitedly, Stiglitz points out that monetary policy has proved to be ineffective and strengthening its role in the economy is unlikely to return to sustainable economic growth path. He highlights the fact that even if the ECB monetary intervention has more potential help, it may cause the current situation in the EA to worsen [26].

Economists doubt and contradictions increase between EA Member States (and EU) to implement the Commission's plan to create a banking union, published in September 2012. The essence of this plan is to transfer responsibility for supervision of the banking sector from the level of member states to the supranational level, where the ECB will play a key role. ECB will act as an intermediary EFSF / ESM in the implementation of market operations. ESM will be able to assist countries, in addition to contingency in the purchase of government bonds, to provide financial assistance through direct loans to recapitalize troubled financial institutions. In order to prevent further destabilization resulting from the refinancing problems, the ESM will be able to actively intervene (buy government bonds) in the secondary, i.e. the interbank market. Direct bank recapitalization from rescue funds, however, means that the private debts of the banking sector would in future be transferred to the national level where the condition of the banking sec-

tor varies across the Member States and is associated with concerns of the transfer of resources from healthy daughters in one Member State to the troubled parent bank in another Member State. Regarding doubts about the ability of ESM, due to its capacity of 700 billion EUR (the effective lending capacity of 500 billion EUR; 200 billion EUR from EFSF), to stabilize government bonds markets De Grauwe points out that if the ESM runs out of cash, there is a similar situation as in the depletion of central bank reserves to protect the currency against speculative attack, i.e. if investors assume that bond prices will collapse, they accelerate their sales to cut the losses, and therefore ESM intervention can activate the crisis rather than avoid it [7].

Although the target intention is to create a bank union, the creation of other elements that characterize the banking union, i.e. common deposit insurance (euro-wide deposit insurance) and common rules to save banks that have failed (common-bank resolution scheme), is not accounted for in the first step. The Commission's plan for the supervision of banks in the Euro Area in the first phase assumes a uniform implementation and supervision of large and system banks and banks for which Member States provide financial aid from January 2013, and from January 2014 the ECB will carry out supervision of all banks within the EMU. The ECB would be responsible for issuing licenses to credit institutions, the ongoing banking supervision, early intervention in troubled banks, coupled with the power to require actions to correct a bad situation, such as liquidity support and capital and improving corporate governance of financial institutions [11]. These partial powers in the area of dealing with problem banks should also apply to the ECB's power to cease existence of such institutions in cooperation with the relevant authorities. Schoemaker points to the likelihood of increased conflicts between the ECB and the national authorities to deal with the banks [25, p. 15]. Similarly, Wyplosz argues that partial bank union, without the ECB competencies to deal with problem banks, will be probably forced to pour more liquidity to the banking sector [32, p. 16]. The release of the monetary policy of central banks that continues or even increases purchases of government bonds and encourages liquidity in the banking system is largely a result of inefficient government activities to address structural problems that central banks cannot solve using their balance sheets. In fact, interest rates close to zero in combination with excessive and almost unconditional

членам Еврозоны будет осуществляться через резервные средства Европейского фонда финансовой стабильности (ЕФФС) / Европейского стабилизационного механизма (ЕСМ), а обязанности по поддержке ЕЦБ зависят от исполнения программы реформ, которую страны взяли на себя. Помощь и осуществление реформирования экономических политик стран Еврозоны могут служить гарантиями для ЕЦБ, у которого нет полномочий вмешиваться в экономические политики государств-членов. По мнению автора, существует определенный риск того, что страна-участница, принявшая финансовую помощь от ЕЦБ, будет не в состоянии выполнить свои обязательства по программе реформирования, а Европейский центробанк не имеет в своем распоряжении рычагов, чтобы повлиять на сложившуюся ситуацию. Анализируя готовность ЕЦБ неограниченно выкупать государственные долги, Дж. Стиглиц отмечает, что денежно-кредитная политика доказала свою несостоятельность и усиление ее значения в экономике вряд ли поможет вернуться на путь устойчивого экономического роста. Он также подчеркивает тот факт, что, даже если валютные интервенции ЕЦБ могли оказать потенциально большую помощь, это могло бы привести к ухудшению текущей ситуации в Еврозоне [26].

Сомнения экономистов и усиливающиеся противоречия между государствами, входящими в Еврозону, свидетельствуют о низкой вероятности осуществления плана Комиссии по созданию банковского союза, опубликованного в сентябре 2012 г. Сущность данного плана заключается в делегировании ответственности за надзор в банковской сфере с уровня государств-членов на наднациональный уровень, где ключевая роль будет принадлежать ЕЦБ. Европейский центробанк будет выступать в качестве посредника Европейского механизма финансовой стабилизации/ Европейского стабилизационного механизма в осуществлении рыночных операций. Помимо помощи странам в неблагоприятных ситуациях, ЕСМ сможет оказать содействие в покупке государственных облигаций, а также предоставить финансовую помощь через прямые займы для рекапитализации финансовых институтов, находящихся под влиянием кризиса. Для недопущения дальнейшей дестабилизации, возникающей в результате проблем с рефинансированием, у ЕСМ появится возможность проводить политику активного вмешательства (по-

купать государственные облигации) на вторичном, т.е. межбанковском, рынке. Прямая банковская рекапитализация из резервных фондов означает, что частные долги банковского сектора в будущем могут быть перенаправлены на национальный уровень, где состояние банковского сектора колеблется в зависимости от страны и обусловлено проблемами передачи ресурсов от платежеспособных дочерних компаний в одном государстве-члене в головной банк, находящийся в другой стране-участнице. Относительно сомнений в способности ЕСМ вернуть стабильность рынкам государственных облигаций, что объясняется общим капиталом ЕСМ в 700 млрд евро (эффективная емкость кредитования составляет 500 млрд плюс 200 млрд евро от ЕФФС), П. Де Гроув указывает, что, если у ЕСМ закончатся денежные средства, аналогично средства истощатся и у Центробанка при попытке защитить валюту от спекулятивных атак, т.е. если инвесторы ожидают падения цен на облигации, они форсируют их продажу, чтобы минимизировать убытки, и поэтому вмешательство ЕСМ скорее будет активизировать кризисные явления, чем способствовать их избежанию [7].

Хотя основная задача состоит в создании банковского союза, формирование других элементов, характеризующих банковский союз, т.е. общее страхование вкладов (страхование вкладов в пределах Еврозоны) и общие правила по оказанию помощи обанкротившимся банкам (общая схема оказания помощи банкам), не принимается во внимание на первых порах. На начальном этапе план Комиссии по организации контроля за банками предполагает единообразное его исполнение и надзор за крупными банками и сетями банков, которым начиная с января 2013 г. оказывалась финансовая поддержка со стороны государств-членов. С января 2014 г. ЕЦБ будет осуществлять надзор за всеми банками на территории Экономического и валютного союза. Функции ЕЦБ будут включать выдачу лицензий кредитным организациям, непрерывный банковский надзор, интервенции в состоянии дел проблемных банков на ранней стадии в сочетании с полномочиями требовать осуществления необходимых действий для нормализации неблагоприятной ситуации, включая поддержку ликвидности и повышение качества корпоративного управления финансовым институтом [11]. Данные неполные полномочия в области регулирования ситуации в проблемных

банках должны быть также применимы к возможности ЕЦБ в сотрудничестве с соответствующими органами власти прекратить работу данных институтов. Д. Шонмейкер обращает внимание на вероятность разрастания конфликта между ЕЦБ и национальными органами власти при принятии решения о дальнейшем функционировании банков [25. Р. 150]. Аналогично С. Выплец утверждает, что неполный банковский союз, не учитывающий компетенции ЕЦБ в регулировании ситуации с проблемными банками, вероятно, столкнется с необходимостью вливать больше ликвидности в банковский сектор [32. Р. 16]. Обнародование денежно-кредитной политики центральных банков, которая предписывает продолжать или даже увеличивать приобретение государственных облигаций и стимулировать ликвидность в банковской системе, главным образом является результатом неэффективных правительственных действий по отношению к структурным проблемам, которые центральные банки не в состоянии разрешить, основываясь на своем бухгалтерском балансе. На самом деле, близкие к нулю процентные ставки в совокупности с чрезмерной и почти безоговорочной поддержкой ликвидности подрывают намерение частного сектора восстановить свой баланс, а также ставят под сомнение исполнение планов фискальных органов по ограничению своих кредитных требований [5. Р. 31]. Принимая во внимание текущие проблемы финансового сектора в Еврозоне, наряду с обязательством ЕЦБ скупать государственные облигации в неограниченном количестве и нести ответственность по обеспечению стабильности, автор статьи считает вполне логичным решение расширить полномочия ЕЦБ для создания единого европейского надзорного органа. Поддержка ЕЦБ обанкротившихся банков, однако, должна основываться на полномочиях по организации общей системы по сохранению и поддержке финансовых институтов, испытывающих трудности. Создание единого банковского надзора – верный системный шаг на пути к стабилизации финансового рынка, но это только частичное решение, способное в дальнейшем увеличить давление на ЕЦБ, как на кредитора последней инстанции, с целью оказания помощи государствам-членам, не обладая достаточными юридическими полномочиями, обусловленными другими элементами реально действующего банковского союза.

liquidity support undermine the intention of the private sector to repair its balance and undermine the intention of the fiscal authorities to restrict their lending requirements [5, p. 3]. Taking into account the current problems of the financial sector in the EA along with the commitment of the ECB to buy government bonds unlimitedly and be responsible for its stability, we consider the decision to increase the powers of the ECB in terms of creating a single European banking supervision body as a logical step. ECB support for banks that fail, however, should be based on the powers associated with the establishment of common system to deal with (and saving) troubled banks. Creation of a single banking supervision is the right system step to stabilize the financial market, but this is only a partial solution that can further increase the pressure on the ECB to help EA Member States as lender of last resort, without adequate legal powers associated with other elements of real bank union.

CONCLUSION

The global economic and financial crisis and the subsequent debt crisis in the EMU revealed weaknesses of economic and financial governance in the Euro Area. With the current destabilization of the financial sector, to solve the problems of banks by national governments is one of the greatest weaknesses of the EMU. Based on current trends, we can conclude that until the outbreak of the debt crisis in the EA, ECB monetary policy was pursued in accordance

with its mandate and independence from political influence of the Member States. The ECB managed to meet its first and most important goal of protecting price stability by keeping inflation near or under 2% limit. EMU, which was based on credible monetary policy of the ECB, is currently threatened by the consequences of policies that rely on the collective fiscal discipline of the Member States set by the rules of the SGP. The threat of insolvency of peripheral Member States of the EA combined with the threat of a collapse of the banking sector placed the ECB in a position where it is forced to provide financial rescue for failing national economies and plays an increasingly important role in solving the debt crisis and the crisis of the financial sector. Since the outbreak of the crisis in the EA, the ECB gradually implemented measures that can at least be considered unusual, and which were not counted within the original concept of EMU. The mere creation of the EFSF and ESM may be regarded as controversial, despite the fact that primary EU law explicitly prohibits the ECB's intervention in favor of the Member States. The ECB, in an effort to help countries that found themselves in trouble with the refinancing of sovereign debt, started in 2010 to buy their government bonds on secondary markets through the SMP, but this did not stop the growth of long-term bond yields. In consequence of the crisis in the banking sector, which insolvency threatens the solvency of governments (and vice versa), the ECB

launched the LTRO to pour liquidity into the banking sector and act as the central clearing house, allowing interbank funding to offset losses. Significant reduction in the quality of the collateral used in lending operations undermined the credibility of the ECB. Rescue plan of the ECB to buy bonds and supply banks with cheap cash in late 2011 and early 2012 did not stop the deepening crisis. Inability of Euro Area Member States to take rapid and consistent measures to stop the deepening crisis (which is partly the result of institutional arrangements and decision-making process in the EMU) constantly puts pressure on the ECB to support the failing Member States and in the future to play an important institutional role in preventing further crises. The ECB's statement on the implementation of direct purchases of government OMTs, as well as the role of the ECB played while creating a single mechanism for the supervision of banks seem to confirm this thesis in the future. We can assume, however, that without the creation of other components of the bank union and providing the corresponding powers to the ECB, there is a risk of pressure on the ECB as the role of lender of last resort to provide assistance to Member States and the banking sector with no guarantee that Member States shall improve their fiscal positions and banking sectors their balance sheets. ■

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировой экономической и финансовый кризис, а также последующий долговой кризис в Экономическом и валютном союзе раскрыли слабые стороны экономического и финансового управления в Еврозоне. Принимая во внимание текущее нестабильное состояние финансового сектора, одним из самых явных недостатков ЕВС является попытка решить проблемы финансовых институтов через национальные правительства. Исходя из текущих тенденций, мы можем заключить, что вплоть до начала долгового кризиса в Еврозоне денежно-кредитная политика Европейского центрбанка проводилась в соответствии с пределами компетенций и не была подвержена политическому влиянию государств-членов. ЕЦБ удалось выполнить свою первоочередную и самую важную задачу – обеспечить стабильность цен, поддерживая инфляцию на уровне ниже или близко к 2%. ЕВС, ранее опиравшемуся на надежную и стабильную денежно-кредитную политику ЕЦБ, сейчас угрожают последствия политик, основанных на коллективной финансовой дисциплине государств-членов, которые определены правилами Пакта стабильности и роста. Риск неплатежеспособности периферийных стран-участниц зоны евро и угроза падения банковского сектора поставили ЕЦБ в ситуацию, когда он был вынужден предоставлять финансовую помощь не справляющимся националь-

ным экономикам, тем самым увеличивая свое значение в разрешении долгового кризиса и кризиса финансового сектора. С момента начала кризиса в Еврозоне ЕЦБ постепенно осуществлял меры, которые по самым скромным оценкам рассматривались как нестандартные и изначально не входили в оригинальную концепцию ЕВС. Даже создание Европейского фонда финансовой стабильности и Европейского стабилизационного механизма может рассматриваться как противоречащее тому факту, что первичное законодательство Европейского союза открыто запрещает вмешательство ЕЦБ в пользу государств-членов. В 2010 г. для помощи странам, испытывающим затруднения с рефинансированием своего суверенного долга, ЕЦБ начинает скупать государственные облигации этих стран на вторичном рынке через Программу выкупа облигаций – ПВО (SMP), что, впрочем, не прекратило рост доходов по долгосрочным облигациям. Вследствие кризиса в банковском секторе, несостоятельность которого угрожает платежеспособности правительств (и наоборот), ЕЦБ инициировал операции долгосрочного финансирования (LTRO), чтобы вливать ликвидность в банковский сектор и функционировать как центральная расчетная палата, позволяя межбанковскому финансированию компенсировать убытки. Существенное снижение качества залога, используемого в кредитных операциях, подорвало

доверие к ЕЦБ. План ЕЦБ по скупке облигаций и снабжению банков дешевыми деньгами в конце 2011 – начале 2012 г. не смог предотвратить усугубление кризисных явлений. Неспособность государств-членов Еврозоны принять оперативные и последовательные меры для остановки углубляющегося кризиса (что частично является результатом институциональных порядков и процесса принятия решений в ЕВС) постоянно ставит ЕЦБ перед вынужденностью оказывать поддержку проблемным странам-участницам и в будущем принять на себя важную институциональную функцию по предотвращению вероятных кризисов. Заявление ЕЦБ об осуществлении покупки государственных облигаций в проблемных странах путем прямых денежных операций, а также роль ЕЦБ, которую он играл в процессе создания единого механизма по надзору за банками, похоже, подтверждает этот тезис в будущем. Тем не менее мы полагаем, что без создания остальных элементов банковского союза и предоставления соответствующих полномочий ЕЦБ существует определенный риск давления на ЕЦБ как на кредитора последней инстанции в плане оказания помощи странам-участницам и банковскому сектору, не имея при этом гарантий, что государства-члены улучшат свои фискальные показатели, а банковский сектор – свой бухгалтерский баланс. ■

Ответственность перед потребителями – приоритет социальной ответственности бизнеса

Наиболее перспективной концепцией государства является концепция социального государства, которая способствует построению гражданского общества и ответственного бизнеса, о чем свидетельствует мировой опыт государственного строительства. Открытое цивилизованное общество в сфере производства и потребления предполагает наличие таких форм общения, которые основаны на принципах партнерства, здоровой конкуренции, соблюдении правовых основ, принципов деловой культуры и др. Таким образом, одним из аспектов становления и развития современного общества является реализация принципов социальной ответственности. Институт социально ответственного бизнеса характерен для большинства стран с устойчивой экономикой, указывает И.С. Глебова [3], и опыт западных компаний показывает, что все исследуемые предприятия достаточно серьезно относятся к деятельности в области корпоративной социальной ответственности и воспринимают ее как стратегическое направление деятельности.

Дискуссия о социальной ответственности бизнеса в последнее время значительно активизировалась и в российской печати; исследования посвящены теоретическим, методологическим и практическим аспектам социальной ответственности. Однако труды, посвященные социальной ответственности в российской и зарубежной практике, имеют обобщенный характер. Они не учитывают специфических особенностей отраслей промышленности, например пищевой отрасли, и ряд прикладных вопросов, таких как анализ или диагностика, методика оценки, еще не решен.

Предпосылками развития социальной ответственности исследователи называют разные факторы. На внутренние процессы развития бизнеса, изменения общественных отношений в стране в ходе проведения радикальных социально-экономических преоб-

разований в последнее десятилетие XX века указывает Е. Николаева [11]. Основными причинами, побуждающими компании уделять особое внимание вопросам социальной ответственности, являются: глобализация и связанное с ней обострение конкуренции; растущие размеры и влияние компаний; усиление механизмов государственного регулирования; «война за талант» – конкуренция компаний за персонал; рост гражданской активности; возрастающая роль нематериальных активов (репутации и брендов) [7]. Нельзя не согласиться с мнением Н.Н. Федоровой, что существенным импульсом развития социальной ответственности компаний стал исключительно коммерческий фактор – взаимосвязь между общественным мнением и уровнем продаж [14]. Отношение к тому или иному товару или бренду определяется теперь не только качеством самого товара, эффективностью рекламы, но и общим имиджем, репутацией компании, в том числе ее ответственностью в отношении партнеров, работников, окружающей среды, общества в целом. Опросы в различных европейских странах показали, что значительное число потребителей готовы бойкотировать товары компаний, практикующих безответственную политику по отношению к обществу [14]. Классическим примером катастрофического снижения продаж вследствие плохой общественной репутации, описанным в литературе, может служить компания «Нестле», которая в конце 1980-х годов пострадала из-за непродуманной политики продвижения молочных смесей в развивающихся странах. Негативное общественное мнение привело к фактическому бойкоту всей линии товаров «Нестле» в Западной Европе и серьезным финансовым потерям для корпорации [12].

Социальная ответственность предприятий пищевой промышленности – особая тема. Производство продуктов питания имеет тесную связь с одной из глобальных проблем человечества –

ДОНКОВА Людмила Александровна
Кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры товароведения
и экспертизы

Уральский государственный
экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45
Тел.: (343)) 221-17-22
E-mail: cafedra@list.ru

Ключевые слова

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ПОТРЕБИТЕЛЯМИ
ПИЩЕВЫЕ ПРОДУКТЫ
МЯСО И МЯСНЫЕ ПРОДУКТЫ
КАЧЕСТВО
БЕЗОПАСНОСТЬ
РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы социальной ответственности бизнеса. Приоритетной темой, по мнению автора, является ответственность перед потребителями, которая заключается прежде всего в выпуске качественной и безопасной продукции. Рассмотрены основные проблемы, связанные с потребителями, предложены направления повышения ответственности перед ними.

JEL classification

M14, L66

► **Lyudmila A. DONSKOVA**
*Cand. Sc. (Agriculture),
 Assistant-Prof. of Commodity Science
 and Examination Dept.*

**Urals State University of Economics
 620144, RF, Yekaterinburg,
 ul. 8 Marta/Narodnoy Voli, 62/45
 Phone: (343) 221-17-22
 E-mail: кафедра@list.ru**

Key words

SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS
 RESPONSIBILITY TO CONSUMERS
 FOODSTUFFS
 MEAT AND MEAT PRODUCTS
 QUALITY
 SAFETY
 RUSSIAN PRACTICE

Summary

In the article the issues of social responsibility of business are considered. In the author's view, the responsibility to consumers is the priority theme which implies manufacturing qualitative and safe products. The paper deals with main problems associated with consumers and proposes directions to increase the responsibility to them.

JEL classification

M14, L66

Responsibility to Consumers – the Priority of the Socially Responsible Business

продовольственной проблемой. Пищевая промышленность – это важнейший социально значимый сектор промышленности России, ее призвание – обеспечение населения страны продуктами питания в необходимом количестве и соответствующего качества. Пищевая промышленность состоит из различных производств, но все отрасли объединяет назначение производимой продукции – производство продуктов питания, удовлетворяющих жизненно важные потребности организма человека и предназначенных для обеспечения жизнедеятельности человека и формирования его внутренней среды за счет усвоения их питательных веществ.

Однако в настоящее время производителями продуктов питания преследуется и несколько иная цель – создание коммерческого продукта с минимальными издержками, обеспечивающего высокую и стабильную прибыль бизнесу. Вопросы качества и безопасности пищевых продуктов, при этом отступают на второй план. На примере производства одной из значимых групп продовольственных продуктов – мяса и мясных товаров – рассмотрено состояние и проблемы, определяющие социальную ответственность отрасли.

В настоящее время для производства мяса и мясных продуктов определены следующие характерные особенности.

1. Традиционные пищевые технологии, формировавшиеся на протяжении достаточно длительного периода и являющиеся относительно безопасными, уступили место новым и совсем не безопасным в пищевом отношении. Например, значительно сокращен производственный цикл за счет снижения пассивных процессов, таких как сушка и созревание.

Современные технологии разведения сельскохозяйственных животных также влияют на содержание ряда важнейших нутриентов в составе мяса и продуктах его переработки. Животных откармливают на фермах в условиях ги-

подинамии, которые резко отличаются от естественных, к тому же рост животных ускоряется введением стимуляторов и антибиотиков, которые переходят в мясные продукты и влияют на их безопасность.

2. Современные пищевые технологии предполагают использование широкого спектра пищевых добавок, которые позволяют имитировать свойства, характерные для традиционных продуктов, и мясная индустрия является активным их пользователем. Многие пищевые добавки являются продуктами химического синтеза и чужеродными веществами для организма человека. По данным ВОЗ, за год человек съедает 3 кг красителей, ароматизаторов и усилителей вкуса. В последнее время пищевые производители Евросоюза отказываются от применения самой распространенной пищевой добавки E621 – усилителя вкуса – глутамата натрия, в то время как у нас эта добавка внесена в перечень сырья многих продуктов, в том числе мясных. Обширная доказательная база свидетельствует о проблемах здоровья, вызванных потреблением этой добавки.

3. Особую тревогу вызывает высокий уровень фальсификации мясных продуктов, которая, как правило, преследует чисто экономические цели – получение дополнительной прибыли за счет создания более дешевого продукта. Стремление к увеличению выхода готовой продукции сопровождается повышением доли вносимой воды, сокращением доли основного сырья – мяса за счет замены дешевыми, например соевыми, сывороточными, соединительно-тканными, белками и другими немясными компонентами, о чем мы подробно уже писали [6]. Так, например, в мясных продуктах идентифицированы несанкционированные включения сои, каррагинана, крахмала и других добавок немясного происхождения. Все это приводит к тому, что мясные продукты уже потенциально могут представлять опасность для организма человека [6].

4. Установлено, что распределение важной информации в пределах продовольственного рынка в целом, рынка мяса и мясных продуктов в частности, является асимметричным. Информационные манипуляции зачастую направлены на формирование образа фальсифицированного благополучия в отношении безопасности продукции, ее подлинности и натуральности. Это проявляется в том, что потребители на данном рынке сталкиваются с проблемой получения полной и достоверной информации о качестве товаров, их происхождении, составе, пищевой ценности. Важная информация предоставляется не в полном объеме, акцент делается на тех параметрах, которые могут заинтересовать людей. В условиях асимметрии информации о качестве продукции между продавцами и покупателями стратегическое поведение продавцов характеризуется стремлением максимизировать прибыль путем целенаправленного искажения информации о качестве. При этом ссылки в маркировке товаров на ГОСТы не дают гарантии, что изделия отвечают требованиям, и не снижают уровень асимметрии информации о качестве продукции, а формируют убеждение у покупателей в том, что продукция удовлетворяет минимальным требованиям по качеству [5].

5. Имеет место манипулирование поведением потребителя: благодаря многомиллионным вложениям его выбором настойчиво и изобретательно руководит агрессивная реклама [13]. Процесс рекламы, пропаганды не всегда приводит к получению полного необходимого объема знаний, кроме того, является способом зачастую негативного воздействия на психологию людей [5].

6. Еще одна проблема – рост производства пищевых продуктов, в том числе мясных, и их ингредиентов из генетически модифицированных источников с использованием новых технологий. Общеизвестно, что соя широко используется при производстве практически всех видов мясных продуктов. Однако трансгенная соя достаточно проблемный продукт. Поток соевого импорта – весь генетически модифицированный (по различным данным 90% сои, поступающей из США, представляет собой генетически модифицированный объект). Установлено, что первым агентом, попадающим в организм человека при употреблении генетически модифицированных продуктов, является белок, а чужеродные белки вредны, они могут

вызывать аллергию, вирусные и другие заболевания. Однако в информации, предоставляемой Управлением Роспотребнадзора по Свердловской области, мы не обнаружили данных, характеризующих состояние рынка мяса и мясных продуктов на предмет содержания той же генетически модифицированной сои в мясных продуктах. Отсутствует данная информация и в маркировке мясных продуктов, таким образом, потребитель просто не знает о реальном составе, пищевой ценности продуктов, которые он потребляет [6].

Согласно официально опубликованному на сайте регионального управления Роспотребнадзора документу о ситуации на потребительском рынке Свердловской области в I полугодии 2012 г. по мясной продукции, всего было проинспектировано 31,7 т мясной продукции. В категорию брака попало 6,4 т, и это составило 20,3% всего объема исследованной продукции. Забракованная продукция по видам нарушений распределилась следующим образом: изготовленная с нарушением правил маркировки – 32,1%; не соответствующая требованиям нормативных документов – 52,6%; фальсифицированная продукция – 12,3%; с истекшим сроком годности – 3%. Причем доля мясной продукции, изготовленной на территории Свердловской области и не соответствующей требованиям нормативных документов, составила 14%. Среди производителей были названы предприятия, продукция которых потребители доверяют и отдают предпочтение.

Динамично развивающийся рынок мясных продуктов предлагает разнообразные продукты, и зачастую неподготовленного, а порой даже подготовленного потребителя бывает легко ввести в заблуждение и причинить ему моральный, материальный вред, навредить здоровью. Это вызывает наибольшую тревогу, так как от качества продуктов питания напрямую зависит здоровье граждан, а значит, и национальная безопасность в целом.

Таким образом, ответственность производителей перед потребителями товаров остается одной из приоритетных тем. Ведение бизнеса в международном масштабе становится все сложнее день ото дня, указывает К. Мацусита [10], но вне зависимости от запутанности проблем производства и торговли, ответственность производителя перед потребителями остается прежней. А компании, работающие в сфере пищевой промыш-

ленности, несут особую ответственность перед потребителями.

Социальную ответственность разделяют на две большие группы: внутреннюю и внешнюю. К внутренней социальной ответственности относят деловую практику в отношении собственного персонала, всего, что касается развития человеческих ресурсов на предприятии, включая: безопасность труда, стабильную выплату заработной платы; дополнительное медицинское и социальное страхование сотрудников; развитие человеческих ресурсов через обучающие программы, подготовку и повышение квалификации; помощь в критических ситуациях. К внешней социальной ответственности бизнеса относят: спонсорство и корпоративную благотворительность; деятельность в сфере экологии, которая включает в себя всё то, что превышает установленные в государстве экологические стандарты; взаимодействие с местным сообществом; готовность компании участвовать в устранении кризисных ситуаций; выпуск качественной продукции [11].

В разные годы предлагалось много определений социальной ответственности. Однако после выхода в 2010 г. международного стандарта ISO 26000 «Руководство по социальной ответственности» большинство экспертов сошлись во мнении, что определение, которое дает именно этот стандарт, является на сегодня наиболее точным и полным. Таким образом, «социальная ответственность – ответственность организации за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение, которое: содействует устойчивому развитию, включая здоровье и благосостояние общества; учитывает ожидания заинтересованных сторон; соответствует применяемому законодательству и согласуется с международными нормами поведения; введено во всей организации» [4].

Введенный стандарт ГОСТ Р ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности» – это руководство по социальной ответственности для бизнеса, базирующееся на принципах подотчетности, прозрачности, требующее от бизнеса борьбы с коррупцией и этического поведения, соблюдения прав человека, признания их важности и всеобщности. Стандарт нацеливает на интеграцию принципов социальной ответственности в бизнес-процессы, включая все области активности и уровни управления.

Источники

1. Аникеева О.П., Симонова Л.М. Модели социальной ответственности бизнеса: мировой опыт и российская практика // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 4.
2. Виноградов Д.А., Петров А.В. Социальная ответственность Российского бизнеса в период современного глобального экономического кризиса: проблемы и тенденции // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 3.
3. Глебова И.С. Социальная ответственность бизнеса в России и за рубежом: учеб. пособие. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2008.
4. ГОСТ Р ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности». М., 2012.
5. Донскова Л.А. Информационная асимметрия на продовольственном рынке // Технология и товароведение инновационных пищевых продуктов. 2011. № 4(9).
6. Донскова Л.А., Дрегваль Т.А. Качество и безопасность мяса и мясных продуктов: состояние и проблемы // Конкурентоспособность территорий: Материалы XV Всерос. форума молодых ученых с международным участием в рамках III Евразийского экономического форума молодежи «Диалог цивилизаций». Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2012.
7. Корпоративная социальная ответственность. Новая философия бизнеса: учеб. пособие / Внешэкономбанк. М., 2011.
8. Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания. Потребители, менеджеры, лидеры общественного мнения и эксперты оценивают социальную роль бизнеса в России / под ред. С.Е. Литовченко, М.И. Корсакова. М.: Ассоциация менеджеров, 2003.
9. Маловичко А.С. Социальная ответственность бизнеса. Донецк, 2012.
10. Мацусита К. Миссия бизнеса. М.: Альпина Паблишер, 2010.
11. Николаева Е. Социальная ответственность российского бизнеса // Обозреватель. 2012. № 8.
12. Орлов Е.В. Корпоративная социальная ответственность: учеб. пособие. Н. Новгород: ННГАСУ, 2012.
13. Усенко Н.И., Позняковский В.М., Оловянишников А.Г. Мифы о качестве (особенности современного промышленного производства пищевой продукции) // ЭКО. 2013. № 06.
14. Федорова Н.Н. Политические аспекты формирования и реализации социальной ответственности современного российского бизнеса: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.

- 1 Добросовестные практики маркетинга, заключения договоров и беспристрастной подачи информации, основанной на фактах. Защита здоровья и безопасности потребителей
- 2 Устойчивое потребление. Обслуживание и поддержка потребителей и разрешение претензий и споров
- 3 Образование и осведомленность. Доступ к услугам первой необходимости. Защита данных и конфиденциальности потребителей

Проблемы, связанные с потребителями

Приоритетные направления и механизм реализации социальной ответственности бизнеса

Направление	Социально ответственные практики
Ответственные практики в отношении потребителей	Производство и предоставление качественных товаров, не представляющих угрозы для здоровья и жизни потребителей
	Производство и предоставление продуктов, обуславливающих функциональность, подлинность и натуральность
	Проведение оценки рисков здоровью человека при производстве новых продуктов, введении новых материалов и технологий
	Добросовестные практики маркетинга – предоставление информации о продуктах в понятной для потребителей форме
	Добросовестное и правдивое информирование о свойствах продукции
	Наличие процедур возмещения ущерба в случае предоставления товаров неудовлетворительного качества
	Обеспечение конфиденциальности личных данных потребителей
Производство и продвижение среди покупателей товаров, обладающих социальными и другими преимуществами	

Основные темы социальной ответственности, декларируемые в стандарте, – это организационное управление, права человека, окружающая среда, добросовестные деловые практики, проблемы, связанные с потребителями, участие в жизни сообществ, а также их развитие.

Приоритетной темой социальной ответственности является, на наш взгляд, пункт 6.7 данного стандарта – проблемы, связанные с потребителями. Вполне логично, что компания должна быть ответственной перед потребителями, ведь именно они, потребители, приносят деньги [12].

Насколько отечественные компании пищевой отрасли готовы принять такой стандарт, пока неизвестно. Стандарт ISO 26000 был рекомендован, например, РСПП для внедрения в жизнь, и возможно, крупные предприятия встанут на эту платформу. Изучение практики социальной ответственности бизнеса в России показывает, что представление о самой проблематике социальной ответственности бизнеса очень размыто и у российских предпринимателей пока

нет четкого понимания того, какая модель социальной ответственности для них наиболее приемлема, подчеркивают О.П. Аникеева и Л.М. Симонова [1]. В ходе проведенных опросов менеджеров и населения по вопросу понимания социальной ответственности бизнеса были установлены различия в представлениях по этому вопросу. В частности, всего 47,5% опрошенных менеджеров указали на то, что выпуск качественного продовольствия – главная задача производителя [8]. Анализ практики социальной ответственности бизнеса в России показывает также, что моральные мотивы бизнеса не занимают доминирующих позиций в поступках бизнесменов, и что самое важное – участие бизнеса в социальной политике является больше вынужденным и обусловлено давлением власти [2]. Для большинства из них выбор модели социальной ответственности пока только новация. Со стороны населения, СМИ, менеджеров, а главное – государства тоже нет единого мнения и представления о том, как должны взаимодействовать власть и местное сообщество с бизнесом, какими критериями

нужно измерять степень социальной ответственности каждого хозяйствующего субъекта, какими правилами и нормами регламентировать этот процесс и др. [2; 3; 9]. Практически отсутствует позитивная информация о примерах социальной ответственности в СМИ, что объясняется отсутствием социального аудита, который предусматривает изучение положительных примеров социальной ответственности, анализ результатов, содержания документов предприятий, и наконец, измерение поведения, восприятия.

В настоящий момент в первую очередь надо решать задачи базового уровня социальной ответственности, значительная часть которых связана с потребителями. Считаем, что базовой частью структуры социальной ответственности перед потребителями должны стать проблемы, связанные с защитой их здоровья и безопасности. Деятельность компаний оценивается в первую очередь по качеству их продукции и услуг, а вклад компаний в национальную экономику, природоохранная деятельность, честность и участие в благотворительности – важные, но второстепенные факторы, так считают и потребители [8].

В обобщенном виде проблемы, связанные с потребителями, представлены на рисунке.

Ответственность организаций, которые предоставляют потребителям продукты и услуги, включает предоставление образования и достоверной информации, использование добросовестной, прозрачной и полезной маркетинговой информации, способствование устойчивому потреблению, пропаганду устойчивого потребления, разработку продуктов и услуг, доступных для всех и учитывающих (если это возможно) потребности уязвимых и ущемленных лиц. Ответственность также предусматривает минимизацию рисков при использовании продуктов и услуг, включая разработку, производство, распространение, предоставление информации, службы технической поддержки и процедуры отзыва и возврата дефектных товаров. Механизм реализации социальной ответственности представлен в таблице.

ГОСТ Р ИСО 26000 предназначен для добровольного применения, данный стандарт не содержит требований, и слово «должен», которое указывает на тре-

бования на языке ИСО, не употребляется, а используется слово «следует». Однако мы считаем, что социальная ответственность бизнеса должна быть интегрирована в систему менеджмента качества, а рекомендации в отношении ответственности перед потребителями должны иметь юридическую силу и должны быть внедрены в практику Российской Федерации. Иначе глубоко проработанный, прекрасно составленный и написанный нормативный документ останется бесполезным в отсутствие соответствующего механизма принуждения. ■

References

1. Anikeeva O.P., Simonova L.M. Models of business social responsibility: world experience and Russian practice. [Modeli sotsialnoy otvetstvennosti biznesa: mirovoy opyt i rossiyskaya praktika]. *Vestnik TGU – Herald of TSU*, 2010, no. 4.
2. Vinogradov D.A., Petrov A.V. Social responsibility of Russian business during the ongoing global financial crisis: problems and trends. [Sotsialnaya otvetstvennost' Rossiyskogo biznesa v period sovremennogo globalnogo ekonomicheskogo krizisa: problemy i tendentsii]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana) – Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 2012, no. 3.
3. Glebova I.S. Socially responsible business in Russia and abroad. [Sotsialnaya otvetstvennost' biznesa v Rossii i za rubezhom]. Kazan, Kazanskiy gosudarstvenniy universitet, 2008.
4. GOST R ISO 26000-2012 Rukovodstvo po sotsialnoy otvetstvennosti. [All-Union State Standard R ISO 26000-2012. Manual on social responsibility]. Moscow, 2012.
5. Donskova L.A. Informational asymmetry in the foodstuff market. [Informatsionnaya asimmetriya na prodovolstvennom rynke]. *Tekhnologiya i tovarovedeniye innovatsionnykh pishchevykh produktov – Technology and commodity science of innovative food products*, 2011, no. 4(9).
6. Donskova L.A., Dregval T.A. Quality and safety of meat and meat products: current state and problems. *Konkurentosposobnost' territoriy: Materialy XV Vseros. foruma molodykh uchyonykh (Competitiveness of territories: Proceedings of the XV All-Russian Forum of Young Scientists)*. Yekaterinburg, USUE Publisher, 2012.
7. Corporate social responsibility. New philosophy of business. [Korporativnaya sotsialnaya otvetstvennost': novaya filosofiya biznesa]. Moscow, Vneshekonombank, 2011.
8. Litovchenko S.Ye., Korsakova M.I. Corporate social responsibility: public expectations. [Korporativnaya sotsialnaya otvetstvennost': obshchestvennyye ozhidaniya]. Moscow, Assotsiatsiya menedzherov, 2003.
9. Malovichko A.S. Business social responsibility. [Sotsialnaya otvetstvennost' biznesa]. Moscow, Alpina Publisher, 2010.
10. Matsushita K. Corporate mission. [Missiya biznesa]. Moscow, Alpina Publisher, 2010.
11. Nikolaeva Ye. Social responsibility of Russian business. [Sotsialnaya otvetstvennost' rossiyskogo biznesa]. *Obozrevatel' – Reviewer*, 2012, no. 8.
12. Orlov Ye.V. Corporate social responsibility. [Korporativnaya sotsialnaya otvetstvennost']. Nizhniy Novgorod, NNGASU, 2012.
13. Usenko N.I., Poznyakovskiy V.M., Olovyanishnikov A.G. Myths of quality. [Mify o kachestve]. *EKO – ECO Magazine*, 2013, no. 6.
14. Fyodorova N.N. Political aspects of formation and implementation of social responsibility of today's business in Russia: abstract of dis. Cand. Sc. (Politics). [Politicheskiye aspekty formirovaniya i realizatsii sotsialnoy otvetstvennosti sovremennogo rossiyskogo biznesa]. Moscow, 2010.

ПАРШУКОВ Алексей Евгеньевич
Аспирант кафедры стратегического менеджмента

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
195251, РФ, г. Санкт-Петербург,
ул. Политехническая, 29
E-mail: ajaxpar@gmail.com

Aleksey Ye. PARSHUKOV
Postgraduate
of Strategic Management Dept.

Saint-Petersburg State Polytechnical University
195251, RF, Saint-Petersburg,
ul. Politekhnikeskaya, 29
E-mail: ajaxpar@gmail.com

Ключевые слова

КОНТРОЛЛИНГ
УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ
МАТРИЧНАЯ СТРУКТУРА
НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ
РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ

Аннотация

В статье анализируются российские национальные особенности в контексте организационной культуры крупных промышленных предприятий как фактора, оказывающего существенное влияние на формирование системы контроллинга принятия и реализации управленческих решений (ПиРУР). Проводится сравнение с американской и японской культурными моделями. Предлагается подход к формированию контроллинга ПиРУР на базе матричной функциональной организационной структуры.

JEL classification

M12, L53

Организационная культура отечественных промышленных предприятий – фактор формирования контроллинга

В России, как и в любой другой стране, при применении иностранных разработок теории и практики управления следует учитывать национальные черты и менталитет работников, которые формировались поколениями, являясь результатом исторического развития, и для каждой нации уникальны. На данном основании управление предприятием и контроллинг принятия и реализации управленческих решений (далее – ПиРУР) могут существенно отличаться от западных и восточных (имея в виду Японию) образцов.

Контроллинг – система мониторинга, методического сопровождения и информационного обеспечения сотрудников и руководства предприятия на всех стадиях принятия и реализации управленческих решений, на всех уровнях управления предприятием, на различных стадиях технологического процесса с учетом включенности в их обеспечение разных профессионально-квалификационных групп работников.

Но в научной литературе редко представляются систематизированные данные по вопросу отечественной модели поведения. Мы постараемся сформировать данные по российской модели для подведения ее под одно основание с американской и японской моделями, дающее возможность их сравнения.

Прежде всего, выделяют три уровня культуры:

- 1) национальная культура;
- 2) организационная культура, принятая в данной организации;
- 3) управленческая культура, тип управления организацией, зависящий от руководителя.

Для анализа организационной и национальной культуры разработано огромное количество методик и теорий, мы будем использовать лишь некоторые, которые нам представляются наиболее оптимальными. Их рассмотрение мы будем проводить в контексте крупных промышленных предприятий, которые имеют квалифицированный управленческий состав и сформированную организационную культуру.

Уровни культуры расположены соответственно иерархии. Национальная культура оказывает сильное влияние на организационную, а последняя на управленческую. Так человек, работающий в организации, сформирован как личность в социальной среде с соответствующими нормами и обычаями, но на него оказывают влияние традиции, принятые в организации, и поведение непосредственно руководителя предприятия. Последний также может оказывать сильное обратное влияние на организационную культуру. Кроме того, существует предположение, что совокупность организационных культур может оказывать влияние на национальную культуру.

Обладая знаниями об особенностях национальной культуры, можно лучше прогнозировать успех тех или иных принятых управленческих решений, возможные варианты принятия решений сотрудниками, эффективность реализации принятых решений, теоретические основания организации контроллинга.

В научной литературе наиболее часто выделяют две кардинально противоположные культурные модели – американскую и японскую. Определяя модели остальных стран, их обычно сравнивают с данными эталонами: в США в приоритете индивидуализм, в Японии – коллективизм. Многие черты культур заимствуются, так как экономика и предприятия этих стран достигли наиболее впечатляющих результатов и показателей эффективности, но, заимствуя опыт любой страны, необходимо адаптировать его к местным особенностям. Следует также упомянуть германскую модель, многие концепции управления из которой заимствуются в России, в частности, концепция контроллинга. Это обусловлено некоторой идеологической близостью стран, например, можно вспомнить прусский путь развития капитализма, который был выбран для проведения реформ XIX века в нашей стране на базе немецкого опыта.

Отечественные национальные особенности, на наш взгляд, ближе к японскому типу, по ряду признаков более по-

Organisational Culture of National Industrial Enterprises as a Factor in the Formation of Controlling

хожему в плане исторического развития (в России всегда большую роль играли крестьянские общины, где интересы общности ставились выше интересов личности). Так, если в американской модели основа мотивации – конкуренция между работниками, то в японской преобладает кооперация. На Руси люди, вышедшие из крестьянских общин или порвавшие с ними связь по какой-то причине, становились изгоями, поэтому традиционные ценности японской модели нам близки: привязанность работника к одной организации, заинтересованность в ее благополучии, развитии, крепкие отношения внутри коллектива. В то же время, как пишет Д.С. Лихачев, «Для Русской земли (особенно в первые века ее исторического бытия) гораздо больше значило ее положение между Севером и Югом, и потому ей гораздо больше подходит определение Скандославии, чем Евразии, так как от Азии она, как ни странно, получила чрезвычайно мало... Византийская культура дала Руси ее духовно-христианский характер, а Скандинавия в основном – военно-дружинное устройство...» [4]. В этой связи особую значимость приобретает религиозная составляющая каждой нации.

Основываясь на концептуальных положениях П. Харриса и Р. Морана о страново-религиозных различиях понимания основ контроллинга и управления [5], отметим особенности производственных отношений в некоторых религиях. Протестанты относятся к труду как к долгу и средству приближения к Богу: если человек работает хорошо и вознаграждается, значит, ему благоприятствует Господь. Близкое отношение разделяют мусульмане, для них любой труд почетен, способствует развитию человека. Буддизм и конфуцианство поощряют трудолюбие, необходимость трудиться с полной отдачей для самосовершенствования. Несколько иное отношение в православии: труд есть средство достижения высокой цели, особенно в трудных условиях, в противном случае в нем нет большой необходимости. Данный взгляд объясняет присущий русскому человеку «авось» и

высокую самоотдачу в трудное для него или страны время.

В протестантизме в приоритете индивидуализм, агрессивная деятельность личности в работе и ответственность за свои поступки, в коллективе преобладают формальные отношения, соблюдается иерархия; власть уважается и признается как результат высоких личных достижений, признания Богом. В исламе, православии, буддизме и конфуцианстве отношения в коллективе практически всегда неформальные. В буддизме и конфуцианстве в приоритете коллективизм, отождествление с группой, терпение и групповая ответственность, в исламе это выражается в клановости и семейственности. Власть в этих трех религиозных группах отождествляется с высокими моральными качествами, справедливостью и уважением, образованием. В православии коллективизм характеризуется соборностью, ответственностью перед Богом и обществом, т.е. имеет высшее понимание ответственности и важности общественных интересов, преданности высокой идее. Несмотря на важную роль общинных отношений в православии, дистанция власти в нем больше, чем в протестантизме (дистанция власти характеризует степень терпимости к власти и чинопочитание – чем выше дистанция, тем выше терпимость). Кроме того, в руководстве присутствуют деспотизм, система сильного контроля, патриархальность, предпочитается полужуровничное регулирование отношений, распространено неподчинение инструкциям как ограничениям личной свободы.

Все названные характеристики и особенности объединены в табл. 1.

Как видно из приведенных данных, для организации системы контроллинга ПиРУР на отечественных предприятиях следует учитывать многие особенности, влияющие на эффективность. В частности, в матричных структурах большую роль будет играть лидерство руководителя, а не высокая самостоятельность и ответственность отдельных сотрудников.

Стоит отметить классификацию корпоративных культур, основанную на сте-

Key words

CONTROLLING
MANAGERIAL DECISIONS
MATRIX STRUCTURE
NATIONAL CULTURE
ORGANISATIONAL CULTURE
INDUSTRIAL ENTERPRISES
RUSSIAN CULTURAL MODEL

Summary

The author analyses Russian national peculiarities in the context of organisational culture of large industrial enterprises as a factor which exerts a substantial influence on forming the controlling system of decision-making and implementation (DM&I). The comparison with the American and Japanese cultural models is performed. There is suggested the approach to form controlling DM&I based on matrix organisational structure.

пени централизации и формализации управления, объекте управления. Так, Ф.Тромпенаарс выделяет четыре типа корпоративных культур, называя их: семья, управляемая ракета, инкубатор, Эйфелева башня [6]. Некоторые исследователи заменяют эти понятия синонимами: клан (семья), рынок (управляемая ракета), адхократия (инкубатор), иерархия (Эйфелева башня).

Как нам представляется, термины, предложенные Ф.Тромпенаарсом, наиболее правильно выражают содержание названных понятий. Рассмотрим характеристики приведенных типов культур.

Тип «инкубатор» в значительной степени ориентируется на развитие личности, самосовершенствование, самореализацию, которые являются основными факторами мотивации работников этой культуры, для него характерны слабая централизация и формализация. Данный тип относят к Северной Америке.

Тип «управляемая ракета» – культура ориентируется на достижение конкретных целей или решение определенных задач, распространено максимальное делегирование полномочий и ответственности сверху вниз для достижения основных ориентиров. Сочетается со слабой централизацией, но высокой формализацией. Характерен для Северной Европы и Англии.

Тип «Эйфелева башня» подразумевает высокую степень и детализацию определения функций и обязанностей каждого работника организации в соответствии с его уровнем в иерархии. Четкое вы-

Источники

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, 2010.
2. Васильев С.В. Сравнительный менеджмент: учеб. пособие / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2007.
3. Епифанова Н.Ш. Диагностика организационной культуры промышленных предприятий (на примере Астраханской области) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2012. №1.
4. Лихачев Д.С. Русская культура. М.: Искусство, 2000.
5. Потемкин В.К., Спивак В.А., Покровская Н.Н. Организационная культура: учебник. СПб.: СПбАУП, 2006.
6. Хампден-Тернер Ч., Тромпенаарс Ф. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса. М.: Попурри, 2004.

References

1. Berdyayev N.A. Russia's destiny. [Sud'ba Rossii]. Moscow, AST, 2010.
2. Vasiliev S.V. Comparative management. [Srvnitel'nyy menedzhment]. Velikiy Novgorod, NovSU Publisher, 2007.
3. Yepifanova N.Sh. Diagnosing organisational culture of industrial enterprises (case of Astrakhan' oblast). [Diagnostika organizatsionnoy kultury promyshlennykh predptiyatiy]. Nauchno-tehnicheskie vedomosti of SPbGPU – Scientific and Technical News of SPbSPU, 2012, no. 1.
4. Likhachyov D.S. Russian culture. [Rossiyskaya kultura]. Moscow, Iskussvto, 2000.
5. Potemkin V.K., Spivak V.A., Pokrovskaya N.N. Organisational culture. [Organizatsionnaya kultura]. S.-Petersburg, SPbAUP, 2006.
6. Hampden-Turner C., Trompenaars F. Cross-cultural differences in the global business. [Natsionalno-kulturniye razlichiya v kontekste globalnogo biznesa]. Moscow, Popurri, 2004.

Таблица 1 – Страново-религиозные различия понимания основ контроллинга и управления

Религиозная группа	Отношение к труду	Отношение к власти	Стиль поведения	Отношения в коллективе
Протестантизм	Труд – долг и доблесть, хороший труд приятен Богу, высокое вознаграждение – признание этого	Заслуженное место, данное Богом в награду, уважение и подчинение	Индивидуализм, агрессивность работы, личная ответственность	Формальные
Ислам	В почете любой труд, способствует саморазвитию	Власть уважается, власть во имя справедливости	Семейственность, клановость	Неформальные
Православие	Труд во имя высокой цели, иначе он не в почете; высокая самоотдача в трудных условиях	Патриархальная власть с деспотизмом и дотошной системой контроля; полуформальное регулирование отношений, неподчинение инструкциям	Личное сознание и ответственность с ориентацией на общественные цели, пассивность как стабильность жизни, готовность терпеть за высокую идею	Неформальные
Буддизм	Трудоголизм, упорный труд как залог самосовершенствования	У власти – достойные, так как они заслужили ее своим хорошим поведением и высокими моральными качествами	Отождествление себя с группой, учтивость, терпение, согласие	Неформальные
Конфуцианство	Трудоголизм, упорный труд способствует самосовершенствованию	Авторитет власти, у власти высокоморальные и образованные люди	Коллективизм, гармония	Неформальные

полнение определенных функций строго контролируется, а отклонения от них или попытки перераспределения осуждаются и пресекаются. Высокий уровень формализации и централизации характерен для Германии и Центральной Европы.

Последний из типов – «семья». Иерархия управления носит явный характер ориентации на указания свыше при низком уровне определения функций и обязанностей работников нижестоящих уровней организационной структуры. Это патерналистская система, где инициатива и действия работников возможны и должны осуществляться только в рамках приказов и распоряжений руководителя организации (который выступает «отцом» для подчиненных – «детей»). Данный тип культуры распространен в России и странах СНГ, поэтому рассмотрим его подробнее. Делегирование полномочий руководителем («отец») организации происходит с трудом, так как подчиненные («дети») избегают ответственности в присутствии руководителя и берут ее на себя, только когда «отец» отсутствует. Мотивация и стимулирование сотрудников с применением типа культуры «семья» имеет двоякую особенность: подчиненные берут на себя новые зоны ответственности, одобряют возможность материального стимулирования, соглашаются с важностью саморазвития, роста, «взросления», но,

приступая к работе, непосредственно выполнять определенные обязанности, начинают координировать свою работу с руководителем. Происходит неявное обратное делегирование функций. Сотрудники с радостью принимают новые права и полномочия, но всячески избегают ответственности за выполнение своих функций. Это хорошо выразил в своем труде Н.А. Бердяев: «Когда русский человек религиозен, то он верит, что святые или сам Бог все за него сделают, когда же он атеист, то думает, что все за него должно сделать социальная среда» [1].

Рассмотренные типы культуры по Ф. Тромпенаарсу сравним по ряду оснований (табл. 2).

Приведенные данные подтверждаются результатами анкетирования среди руководителей и сотрудников 42 промышленных предприятий Астраханской области, проведенного Н.Ш. Епифановой [3]. Целью ее исследования было выявление типа организационной культуры (по Ф. Тромпенаарсу), действующего на предприятии, и желаемого типа культуры; анализ был проведен по малым, средним и крупным предприятиям. 43% работников промышленных предприятий отметили высокую иерархичность и формализацию, соответствующие типу «Эйфелева башня», при этом 47,6% считают предпочтительным тип

Таблица 2 – Типы культур по Ф. Тромпенаарсу и их особенности

Характеристика культуры	«Семья»	«Управляемая ракета»	«Инкубатор»	«Эйфелева башня»
Централизация управления	Сильная	Слабая	Слабая	Сильная
Формализация управления	Слабая	Сильная	Слабая	Сильная
Детализация функций	Слабая	Сильная	Слабая	Сильная
Ориентация сотрудников	Реализация задач, получаемых сверху	Решение поставленных задач	Развитие личных способностей и достижений	Определение ролевых функций

Таблица 3 – Результаты исследования на промышленных предприятиях Астраханской области, %

Тип культуры	Размер предприятия					
	Настоящее состояние			Предпочтительное состояние		
	Малые	Средние	Крупные	Малые	Средние	Крупные
«Семья»	0	48	0	20	50	100
«Управляемая ракета»	20	17	0	0	23	0
«Инкубатор»	20	10	0	20	9	0
«Эйфелева башня»	60	25	100	60	18	0

«семья» с неформальными отношениями и почитанием руководства. Основные особенности проявляются при определении размера предприятия. Сгруппируем приведенные Н.Ш. Епифановой данные (табл. 3).

Как мы можем видеть, характерный для России тип культуры «семья» согласно опросу распространен на средних предприятиях; на крупных промышленных предприятиях в абсолютном большинстве имеет место иерархичность и формализованность. В то же время на этих предприятиях отмечено пожелание изменить тип организационной культуры на «семью», характерную высокой приверженностью традициям, привязанностью к коллективу и организации в целом, товарищескими отношениями среди всех уровней управления и рабочих. Однако данная тенденция может рассматриваться как избегание ответственности сотрудниками, желание ее обратного делегирования руководителям, что также характерно для подобного типа культуры, как было отмечено выше. При принятии и реализации управленческих решений для контроллинга важную роль играет задача контроля правильной реализации решений и привлечения сотрудников к принятию новых, стимулирования их самостоятельности и готовности брать на себя ответственность.

Как отмечается в этом же исследовании, среди факторов организационной культуры (целеустремленность, готовность к изменениям, мотивированность, инновационность) наиболее важна для

крупной промышленности готовность сотрудников к изменениям. Данное пожелание можно объяснить известной проблемой крупных предприятий – низкой скоростью реакции на изменения внешней среды, опасностью бюрократизации, снижением гибкости и творчества. На данную особенность следует обратить особое внимание при формировании системы контроллинга на крупных предприятиях, которая может успешно строиться на базе матричной функциональной организационной структуры.

С.В. Васильев обращает внимание на следующие признаки социокультурной общности России [2]:

- доминирует морально-этическая ориентация (в отличие от прагматической западной ориентации);
- преобладают внеэкономические цели (в отличие от экономических в западном обществе);
- внутренний мотив большинства населения – «завистливая справедливость» (непрагматическая уравниловка): «Пусть у него не будет больше, чем у меня»;
- доминирующая вера в необходимость централизованного, единоличного решения проблемы, что контрастирует с распространенной в матричных структурах системой двойного подчинения.

Важно отметить еще одну особенность организационной иерархии в российском бизнесе. Это кластерная структура, которую некоторые исследователи сравнивают с перевернутой виноградной лозой. Ее характеристики: четкая вертикаль власти,

объединение сотрудников в замкнутые группы-кластеры внутри организации, которые взаимодействуют между собой, осуществляют информационный обмен, но четко отождествляют себя с определенной социальной группой и поддерживают неформальные отношения в замкнутом коллективе. Являясь приверженцами определенной группы, уделяя большое внимание мнениям ее членов, россияне, тем не менее, проявляют высокую индивидуальность в работе (для сравнения, в Японии работник оценивает успешность по коллективному результату, а не по личному). Данная особенность ярко проявилась в период капиталистического развития нашей страны, когда вместе с переменой способа хозяйствования изменились идеалы в области трудовых отношений. Эта характеристика – еще один показатель возможности успешной организации контроллинга на базе матричных структур.

В западноевропейских и американских организациях аналогичные группы представляют собой сплоченные коллективы, команды, хотя индивидуальный результат очень важен для данных культур. В российских группах-кластерах имеет место плохая структуризация работы и распределения функций и обязанностей среди коллектива, а следовательно, и высокий уровень избегания ответственности.

В отношении контроля отмечается «предпочтение внутренне ориентированных нормативных регуляторов поведения, таких как честь, достоинство, совесть, внешним регуляторам, таким как закон, правило, инструкция». Также среди особенностей менталитета выделяют «неприязнь к стоимостной шкале измерения ценностей, уверенность в существовании ценностей, не сводимых к стоимостным измерителям» [5].

Последний из рассматриваемых видов культур – управленческая культура, т.е. субъективное влияние лица, принимающего управленческие решения, либо группы лиц. В данной статье мы его опустим, так как этот аспект имеет меньшее влияние на организационную культуру, особенно на крупном промышленном предприятии, и включает много психологических аспектов и субъективных особенностей, что требует отдельного рассмотрения.

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что российская модель управления ближе к японской, чем к американской. Она имеет свои особенности, среди которых разнообразные связи с культурами многих народов За-

Таблица 4 – Сравнительная характеристика основных национальных культурных моделей

Основание сравнения	Япония	США	Россия
Способ принятия управленческих решений	Управленческие решения принимаются коллективно на основе единогласия	Индивидуальный характер принятия решения	Управленческие решения принимаются руководителем, но обсуждаются коллективно
Отношение к ответственности	Коллективная ответственность	Индивидуальная ответственность	Избегание ответственности, перекладывание по возможности на руководителя
Структура управления	Гибкая (индивидуальная для организации) структура управления	Строго формализованная структура управления	Четкая иерархия управления с размытыми функциями низших звеньев управления
Процедура контроля	Неформальная организация контроля	Четко формализованная процедура контроля	Полный контроль через жесткую регламентацию деятельности и функций нежелателен, лучше неформальная доверительная организация контроля
Предпочитаемые качества руководителя	Основное качество руководителя – умение осуществлять координацию действий и контроль	Главные качества руководителя – профессионализм и инициатива	Главные качества руководителя – полный контроль ситуации, отеческое отношение к подчиненным
Ориентация управления	Ориентация управления на группу	Ориентация управления на отдельную личность	Авторитарное управление, ориентация управления на организацию
Отношения руководителя и подчиненных	Неформальные отношения с подчиненными	Формальные отношения с подчиненными	Неформальные отношения с подчиненными, но сильное чинопочитание
Длительность работы в организации	Долгосрочная занятость в фирме	Наем на работу на короткий период	Долгосрочная занятость
Предпочитаемый способ оценки работы	Качественная оценка работы	Количественная оценка работы	Предпочтение качественной оценки работы, так как количественная может быть не вполне объективной

пада и Востока, в том числе входящих в состав России малыми и большими этносами. В итоге приведем сравнительную характеристику трех культурных моделей (табл. 4).

В своих работах такие отечественные ученые, как В.К. Потемкин, В.А. Спивак и Н.Н. Покровская, подтверждают подобные выводы, в частности, описывая негативные черты российского работника: отказ принимать стратегические решения и нести ответственность; пассивность, зависимость от чужого мнения; «у 58% респондентов выявлена несамостоятельность при выполнении работ и принятии решений» [5].

Таким образом, организация системы контроллинга ПиРУР на крупных промышленных предприятиях характеризуется следующими особенностями:

- иерархичность управления, высокая формализация;
- желание работников к менее формальным методам контроля и отношениям в коллективе;

- желание индивидуального подхода к оценке работы;

- неприязнь к количественным показателям оценки работы;

- преданность своей организации;

- избегание ответственности, но готовность выполнять поставленные задачи во имя высокой цели, которая должна пониматься и приниматься;

- отсутствие готовности принимать решения, но наличие желание участвовать в их разработке;

- необходимость сильных руководителей, чинопочитание.

На основании проведенного анализа считаем, что в отечественных условиях возможна успешная реализация контроллинга ПиРУР на базе матричной функциональной структуры.

Как известно, в матричной организационной структуре предприятия возникают два потока управленческих решений, вертикальный и горизонтальный, которые обуславливают необходимость уточнения зон ответственности в про-

цессе принятия и реализации управленческих решений. Как было установлено, для российских национальных особенностей свойственно единоначалие, которое нарушается в матричной структуре. Наличие двух руководителей неблагоприятно сказывается на работе сотрудников в проектных группах, причем разделение административной и функциональной ответственности не вносит ясности в эту ситуацию. Также наличие двух руководителей не дает свободно развиваться самоконтроллингу. В этой связи нам представляется необходимым предложить иную матричную структуру, которая соответствовала бы организации контроллинга ПиРУР. А именно, произвести следующие структурные изменения:

- рабочие объединяются в команды во главе с лидерами команд (специалисты из среды рабочих);

- команды объединяются в группы во главе с лидерами групп или мастерами;

- вся власть над подчиненными сохраняется за функциональным руководителем (руководителем подразделения);

- руководитель проекта или программы играет роль заказчика, научного руководителя, формулируя цели, задачи и координируя работу групп или команд во главе с их лидерами;

- лидерам даются полномочия предлагать проекты управленческих решений по своим участкам работ;

- научный руководитель одобряет или не одобряет оперативное управленческое решение;

- планирование бюджета и его контроль осуществляет научный руководитель;

- каждая последующая рабочая группа выступает клиентом предыдущей, тем самым развивается внутреннее предпринимательство.

В этом случае рабочим группам дается больше полномочий и ответственности, они вынуждены активно взаимодействовать друг с другом, принимать решения в рамках своих рабочих функций. Роль научного руководителя в такой ситуации может выполнять специалист по контроллингу, либо данный специалист будет работать вкуче с научным руководителем, назначаемым отдельно. Тогда автоматически снимается вопрос о направлении специалистов по контроллингу в производственные подразделения, что может приводить лишь к раздуванию штата. ■

Управленец

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (УРГЭУ–СИНХ)

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «Управленец»

Общие положения

• Для публикации принимаются статьи в соответствии с тематикой журнала. Представляемые материалы должны быть актуальными, иметь научную или практическую значимость и новизну.

• Статьи, направляемые в редакцию, рецензируются и в случае положительной рекомендации редактируются. Редакция не согласовывает с авторами изменения и сокращения рукописи, имеющие редакционный характер и не затрагивающие принципиальных вопросов.

• В случае направления статьи на доработку она должна быть возвращена в исправленном виде в максимально короткие сроки. К переработанной по замечаниям рецензента рукописи необходимо приложить ответы автора на замечания рецензента, а также пояснить все изменения, сделанные автором.

Возможна публикация статей аспирантов и соискателей без авторства с доктором или кандидатом наук.

Материалы, представляемые авторами в редакцию

1) полная информация об авторах на русском и английском языках*;
2) ключевые слова на русском и английском языках;
3) аннотация на русском и английском языках;
4) пристатейный библиографический список: сначала размещаются русскоязычные источники в алфавитном порядке, затем (если имеются) – иностранные источники в порядке латинского алфавита;
5) перевод пристатейного библиографического списка на английский язык;

6) фотографии всех авторов хорошего качества и отдельным файлом с расширением *.jpeg;

7) электронный вариант статьи;

new! 8) **коды по классификации JEL** (полная версия JEL Classification Guide – <http://www.vanderbilt.edu/AEA/>. Комментарии на русском языке представлены на сайте журнала usravlenets.usue.ru (раздел «Документы»).

* Информация об авторе должна содержать: фамилию, имя, отчество автора; ученую степень; ученое звание; должность; организацию, которую представляет автор; адрес организации; контактный телефон (с указанием кода города); e-mail. Адрес организации указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом.

Вся указанная информация подлежит публикации.

Требования к оформлению рукописи

• Максимальный объем статьи – не более 15 страниц формата А4 с полями по 2 см.

• Текст должен быть набран через полтора интервала, 14 кегль, гарнитура – Times New Roman.

• Все страницы статьи следует пронумеровать.

• Каждая таблица должна быть озаглавлена, рисунки снабжаются пояснительной подписью.

• Уравнения, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

• Ссылки на использованную литературу оформляются квадратными скобками.

Требования к электронной версии

Файлы передаются на компакт-диске (дискете) либо пересылаются по электронной почте. В состав электронной версии должны входить:

1. Файл, озаглавленный фамилиями авторов на русском языке и содержащий в указанном порядке:

- 1) сведения об авторах на русском языке;
- 2) ключевые слова на русском языке (5–10 слов);
- 3) аннотацию на русском языке (не более 500 знаков);
- 4) название статьи на русском языке;
- 5) текст статьи;
- 6) библиографический список на русском языке.

2. Файл, озаглавленный фамилиями авторов на английском языке и содержащий

в указанном порядке:

- 1) перевод сведений об авторах на английский язык;
- 2) перевод названия статьи на английский язык;
- 3) перевод ключевых слов на английский язык;
- 4) перевод аннотации на английский язык;
- 5) перевод библиографического списка на английский язык.

3. Файлы с фотографиями авторов

Каждый файл должен быть озаглавлен фамилией автора. К публикации принимаются файлы в форматах JPEG или TIFF с разрешением 300 dpi (точек на дюйм), допускается 200 dpi.

• Рукописи, в которых не выполняются данные требования, возвращаются авторам.

• Плата за публикацию статей аспирантов не взимается. Авторские гонорары редакцией не выплачиваются.

• Одновременно со статьей в редакцию предоставляется заполненный лицензионный договор в двух экземплярах. Бланк договора размещен на сайте «Наука УрГЭУ» (science.usue.ru).

Прием статей

Уральский государственный экономический университет
620144, Россия, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45, каб. 366

Баусова Юлия Сергеевна

Телефон: (343) 221-26-33
e-mail: bausova@usue.ru

**ЖУРНАЛ РЕКОМЕНДОВАН
ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИЕЙ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНЫХ РАБОТ,
ОТРАЖАЮЩИХ ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИЙ**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН
В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В НАУЧНУЮ БАЗУ ДАННЫХ
EBSCO PUBLISHING (USA)

**WWW.USUE.RU
SCIENCE.USUE.RU
UPRAVLENETS.USUE.RU**

